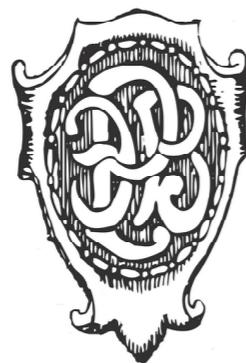

Подписные индексы
ОАО Агентство «Роспечать»: 46811

«Сила власти государственной всегда измеряется
народным благосостоянием»

Андрей Карлович Шторх (1766–1835 гг.)
*первый российский академик
в области политической экономии и статистики,
вице-президент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук*

ISSN 1990-9780
Экономическое возрождение России
№1 (67) 2021

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ №1 (67) 2021

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм * О приоритетном развитии сферы «экономики знаний» * Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики * О качестве государственного управления научно-технологическим развитием * Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики * Трансформация в социальную рыночную экономику – миф или реальность для России? * Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности * На пути к ноономике: технологические и социально-экономические трансформации XXI века

№1 (67)

2021

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ
№ 1 (67) 2021**

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 27.08.2012 г. ПИ № ФС77-50990).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубликова-
ны основные научные результаты диссертаций на соиска-
ние ученых степеней доктора и кандидата наук (Решение
Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 2 февраля 2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, e-mail: evr@iniir.ru

Подписано к печати 05.03.2021 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 10,94. Усл. печ. л. 18,38.
Тираж 1000 экз. Заказ 21175.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Типография «НП-Принт» 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7

© ИНИР им. С. Ю. Витте:
составление, редакционная подготовка, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук,
профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд.
экон. наук.
А. И. Балашов, д-р экон. наук;
С. С. Бодрунова, д-р полит. наук, профессор;
А. В. Бузгалин, д-р экон. наук, профессор;
А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор;
Г. А. Маслов, канд. экон. наук;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор.

Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР – Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содер-
жащихся в настоящем издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН

ECONOMIC REVIVAL OF RUSSIA

№ 1 (67) 2021

Academic periodical publication

Originally established in 1915 by the Economic Revival of Russia Society; current founder – *S. D. Bodrunov*

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(*Mass Media Registration Certificate PI No. FS77-50990 of 27.08.2012*).

Published by S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID)

in cooperation with St. Petersburg Regional Division
of National Public Organization Free Economic
Society of Russia

Included in the List of Top Peer-Reviewed Academic Journals and Publications recommended for publishing main research findings from prospective doctoral dissertations (*Resolution of the Presidium of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia of February 2, 2012 No. 8/13*).

The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and posted on the Scientific Electronic Library (SEL) website.

Official Journal website: e-v-r.ru

Copyeditor – *L. A. Mozgunova*

Editor's office and publisher address:

16 Bolshaya Monetnaya St. 197101 St. Petersburg, Russia

Tel.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: evr@inir.ru

Signed to print on 05.03.2021.

Paper size 33.1 x 46.8 in. Offset paper.

Printer's sheets: 10.94. Conventional printer's sheets: 18.38.

Circulation: 1000 copies. Order No.21175.

Free pricing

Limited Liability Company "NP-Print Press"

Chkalovsky Pr., d. 15, lit. A, korp. 7

197110 St. Petersburg, Russia

© S.Y. Witte INID:

compilation, editing, 2021

EDITORIAL BOARD

S. D. Bodrunov, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor;

A. A. Zolotarev, Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in Economics;

A. I. Balashov, Doctor of Economics;

S. S. Bodrunova, Doctor of Political Sciences, Professor;

A. V. Buzgalin, Doctor of Economics, Professor;

A. I. Kolganov, Doctor of Economics, Professor;

G. A. Maslov, Ph.D. in Economics;

V. A. Plotnikov, Doctor of Economics, Professor.

S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) is operating under the research and methodological direction of the Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences.

INID Director – *S. D. Bodrunov*

INID Research Director – *R. S. Grinberg*

Materials included in this publication may be reproduced in whole or in part with written permission from the publishers, in which case you are compelled to provide a citation referencing the *Economic Revival or Russia* journal.

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;

S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;

R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the University of Texas at Austin (USA);

I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;

A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;

V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;

I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;

A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);

V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;

B. N. Porfiriev, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences.

CONTENTS

Joint International Congress Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarism

<i>Bodrunov S. D.</i> Genesis of noonomy: scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society, solidarism	5
<i>Aganbegyan A. G.</i> On priority development of knowledge economy	15
<i>Kleiner G. B.</i> Decommmercialization of society as a prerequisite for intellectualization of the economy	23
<i>Lenchuk E. B.</i> On the quality of public administration of research and technology development	31
<i>Porokhovskiy A. A.</i> Human and robot: technologization vs. humanization of noonomy	39
<i>Mirkin Y. M.</i> Transformation into the social market economy: myth or reality for Russia?	48
<i>Dementiev V. E.</i> Confidence in the future as an economic development factor	54
<i>Aleksandrova O. A.</i> Crisis of Russian healthcare: ‘excess perpetration’ or pre-programmed outcome?	63
<i>Belousov D. R.</i> Contradictions of the upcoming period: points for developing the agenda for medium- and long-term perspective	72
<i>Okrepilov V. V., Shmatko A. D.</i> Genesis of qualitatively new socioeconomic and public relations in the process of technological transformations (case study of the Concept of Scientific and Technological Development of St. Petersburg until 2030)	81
<i>Sapir J.</i> Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context?	89
<i>Galbraith J. K.</i> Neoclassical economics in a biophysical world	103
<i>Buzgalin A. V.</i> Creative revolution transforms market and property relations	109
<i>Maslov G. A., Khabibullina Z. R.</i> Towards noonomy: technological and socioeconomic transformations of the 21st century	116
 Problems of economic development	
<i>Beletsky A. A.</i> Internal migration and strategic priorities of population increase in Russia’s Far East	127
<i>Chernykh E. A., Loktyukhina N. V.</i> Current social and labor aspects of self-employment in modern Russia	136
<i>Bobylev S. N., Kiryushin P. A., Koshkina N. R.</i> New priorities for the economy and green finance	152
<i>Gabriel L.</i> The social and political consequences of the pandemia. On the conceptualization of economies in the West	167

СОДЕРЖАНИЕ

Объединенный международный конгресс «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм	5
<i>Аганбегян А. Г.</i> О приоритетном развитии сферы экономики знаний	15
<i>Клейнер Г. Б.</i> Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики	23
<i>Ленчук Е. Б.</i> О качестве государственного управления научно-технологическим развитием	31
<i>Пороховский А. А.</i> Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики	39
<i>Миркин Я. М.</i> Трансформация в социальную рыночную экономику – миф или реальность для России?	48
<i>Дементьев В. Е.</i> Уверенность в будущем как фактор экономического развития	54
<i>Александрова О. А.</i> Кризис российского здравоохранения: «эксцесс исполнителя» или запрограммированный результат?	63
<i>Белоусов Д. Р.</i> Противоречия перспективного периода: к выработке повестки дня на среднюю и долгосрочную перспективу	72
<i>Окреплов В. В., Шматко А. Д.</i> Генезис качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций (на примере анализа Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года)	81
<i>Sapir J.</i> Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context?	89
<i>Galbraith J. K.</i> Neoclassical Economics in a Biophysical World	103
<i>Бузгалин А. В.</i> Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности	109
<i>Маслов Г. А., Хабибуллина З. Р.</i> На пути к ноономике: технологические и социально-экономические трансформации XXI века	116

Проблемы развития экономики

<i>Белецкий А. А.</i> Внутривосточная миграция и стратегические приоритеты роста численности населения на Дальнем Востоке	127
<i>Черных Е. А., Локтюхина Н. В.</i> Актуальные социально-трудовые аспекты самозанятости в современной России	136
<i>Бобылев С. Н., Кирюшин П. А., Кошкина Н. Р.</i> Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование	152
<i>Gabriel L.</i> The social and political consequences of the pandemia on the conceptualisation of economies in the West / Социальные и политические последствия пандемии. К вопросу концептуализации экономики в странах Запада	167

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС «ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: НТП, ДИФфуЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, СОЛИДАРИЗМ» (2–4 декабря 2020 г.)

С. Д. Бодрунов¹

ГЕНЕЗИС НООНОМИКИ: НТП, ДИФфуЗИЯ СОБСТВЕННОСТИ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, СОЛИДАРИЗМ²

Подчеркивается определяющий характер технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Предметом анализа являются изменения в экономике и обществе, конструирование видения будущего устройства (экономического и социального), разработка инструментария для перехода к справедливому и разумному обустройству жизни. Рассматриваются причины глобального системного кризиса. Подчеркивается исчерпанность экономической модели развития общества, основанной на парадигме рынка, собственности и приоритета прибыли. В качестве альтернативы рассматривается стратегия перехода к качественно новому состоянию общества – к ноономике через новое индустриальное общество второго поколения. Принципиальное значение для нооперехода имеют 4 равнодействующих вектора: 1) НТП, 2) диффузия собственности, 3) социализация общества и развитие ноокачеств человека, 4) солидаризм.

Ключевые слова: генезис ноономики, технологические трансформации, глобальный системный кризис, стратегия перехода к ноономике, НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-5-14

УДК 330.352

Уважаемые коллеги, я искренне рад приветствовать Вас на объединенном конгрессе «СПЭК-ПНО-2020»!

Мы впервые проводим его в таком формате. Такая форма проведения, когда одновременно проходят два, ставших уже традиционными, авторитетных мероприятия (СПЭК и

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, РФ, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, 16), президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор, e-mail: inir@inir.ru

² Подготовлено по материалам пленарного доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

Конгресс ПНО), вызвана не организационными или техническими ограничениями, накладываемыми пандемией. Хотя без вмешательства этого фактора не обошлось.

В основе проведения объединенного конгресса лежит объективная логика развития глубинных, фундаментальных институциональных процессов, которые протекают под влиянием технологической революции, а также логика теоретического осмысления этих процессов.

Базовая идея проводившихся в последние годы Санкт-Петербургских международных экономических конгрессов (ключевой российской интеллектуальной площадки) заключалась в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов. На этой основе возникли и получили отклик, в том числе в мире, концепции реиндустриализации, нового индустриального общества второго поколения, ноономики.

Первоосновой возникновения этих концепций стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Мы не сторонники сугубо технократического подхода, но нельзя не признать, что именно развитие знания, познания нами мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, ускоривших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы – все это порождает изменение институтов, общественного устройства, способов организации нашей жизни... это как «круги на воде», распространение которых и их интерференция приводят к многочисленным, порой слабо предсказуемым, отражениям в зеркале экономики и в обществе в целом.

Ежегодный конгресс ПНО, посвященный интеграции производства, науки и образования, по существу, рассматривает те же процессы, но не «сверху» – через анализ глобальных и перспективных макротенденций, как это происходит на СПЭЖе, а «снизу» – через изучение и поиск путей оптимизации процессов функционирования и развития материального базиса нашего общества (производства), рассматриваемого в неразрывном единстве с его знаниевой компонентой (наукой и образованием). Он направлен на исследование процессов развития науки, ее связи с индустрией, а также подходов к решению практических задач ближней перспективы – по реиндустриализации российской и мировой экономики на высокотехнологической основе в рамках стартовавшего формирования нового технологического уклада и очередной НТР как практических компонентов начинающегося перехода экономики к этапу НИО.2.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к её переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в нашей области исследовательской активности.

Накопленные знания, результаты исследований, теоретических обсуждений и прикладных дискуссий, проводившихся на двух конгрессах (СПЭЖ и ПНО), привели к возникновению нового качества, к новому пониманию ситуации. И сегодня, коллеги, настал момент объединить наши усилия. Именно поэтому мы проводим не «совместный», а «объединенный» международный конгресс. Предметом анализа на нем должны стать изменения, которые мы наблюдаем в экономике и обществе, конструирование видения будущего экономического и социального устройства, а также разработка инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации – перехода к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни.

Один из самых актуальных и одновременно трудных, мучительных вопросов современности – глобальный кризис современной социально-экономической системы.

Эта система и ее слагаемые (экономика, общество, человек) находятся в **системном** кризисе, который в полной мере затронул совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбой. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем чаще указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергают сомнению результаты выборов, в других эти самые результаты известны задолго до выборов и т. п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в коктейль из вседозволенности и безразличия, а с другой – попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия, геополитэкономия, как говорит наш канадский коллега Радика Десаи. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений темны и противоречивы.

И – едва ли не наиболее негативный момент: люди теряют идейные и духовные ориентиры. Как бы устаревший как бы постмодернизм разрушил «высокие нарративы». Категории прогресса, истины, добра и красоты чуть не полвека назад были отправлены в пыльные чуланы идеологического вакуума.

Не хочу предстать алармистом, но каждый из участников нашего Конгресса чувствует (как личность) и знает (как интеллектуал), что ситуация крайне противоречива. И это, намеренно повторю, и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить лежащие в пространстве **науки** решения глобальных проблем, которые станут основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных решений. Над этим работают многие коллективы мира и России. Над этим работает вот уже не первое десятилетие санкт-петербургский Институт нового индустриального развития имени Сергея Юльевича Витте – ученого и политика, умевшего находить теоретические и практические решения, ставшие более столетия назад основой быстрого, хотя и противоречивого, экономического роста Российской империи.

Начну с экономики, экономической теории, которая (и это не парадокс, а логика научного исследования) начинается с обобщения фактов.

Общепризнанными эмпирическими свидетельствами системного кризиса современности стали периодически повторяющиеся, начиная с 2008 г., финансово-экономические кризисы. Существенно, что нынешний кризис начался **до** широкого распространения коронавируса; последний стал триггером, но не причиной кризисных явлений. Не было бы коронавируса, возник бы другой «толчок», который вывел бы экономику и общество из состояния равновесия. «Черный лебедь» (в терминологии Нассима Талеба) уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Замечу, что мы были в числе первых, кто громко заявлял о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Развития, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения активно проникают во все сферы жизнедеятельности общества: культуру и искусство, образование и воспитание, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку, право и публичное управление и т. д.

Из важной, ключевой сферы, создающей материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, экономика (и некоторые экономисты) стала

претендовать на определяющую роль в обществе, когда финансиализация разрушает и деформирует те его сферы, которые по самой своей сути ограниченно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Заметим, что прогрессивные ученые, политики и общественные деятели из разных стран мира еще в 1990-е гг. осознали опасность. Была разработана «Концепция устойчивого развития», закрепленная в системе из 17 Целей устойчивого развития, принятых на уровне Организации Объединенных Наций.

Но дает ли существующая теория ответ на вопрос о причинах этих явлений?

Господствующая вот уже более века неоклассическая экономическая теория не признает системности кризиса, сводя все проблемы к тактическим просчетам в деятельности государства. При этом, с точки зрения ученых, тяготеющих к монетаризму, причина в том, что в современной экономике слишком много государственного регулирования, а, по мнению ученых, близких к кейнсианству, государственного регулирования слишком мало.

Но в этом ли дело?

Предмет нашей науки – не только эмпирически наблюдаемые структуры, правила игры, отражаемые статистикой количественные процессы. Экономическая теория, вооруженная «микроскопом» научных абстракций (воспользуюсь образом, предложенным Марксом), может и должна видеть нечто более глубокое – содержание эмпирически наблюдаемых форм, качественные изменения, скрытые за изменениями количественных показателей. Между тем о качественных изменениях существующей системы в рамках «основного течения» экономической теории мало кто задумывается.

К примеру, современные ортодоксальные марксисты, на первый взгляд, правы, направляя свои усилия на поиски изменений в содержании существующей социально-экономической системы, которую они называют капиталистическим способом производства. Но при этом они по большому счету не идут дальше своих учителей – Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Споры нет, это были великие ученые, и мы не случайно в Вольном экономическом обществе России и Международном Союзе экономистов провели большие международные конгрессы, посвятив их в 2018 г. 200-летию Маркса, а буквально 5 дней назад – 200-летию Энгельса. Но сколько же можно петь «старую песню о главном» – об общем кризисе капитализма, который почему-то никак не хочет превращаться в социализм, да еще и революционным путем? Да, Р. Мандел и И. Мессарош, Ф. Джемиссон и Э. Харви и многие другие, в том числе и в нашем отечестве, пытаются «обновить» Маркса, но от старых догм о коммунизме и социалистической революции они, в основном, не желают отказываться.

Между тем – мир изменился.

Нам нужны не только другие **ответы**.

Нам нужны другие **вопросы**.

И главный их этих вопросов – гораздо более фундаментален, нежели просто тезис об исчерпанности капитализма.

Мы должны спросить себя: а не является ли нынешний кризис свидетельством **исчерпанности** основанной на парадигме рынка, собственности и приоритета прибыли **экономической модели развития социума**? Как таковой, вообще?

Беру на себя ответственность, во-первых, поставить на нашем конгрессе этот вопрос в полный рост (опираясь на плечи титанов, сказавших что будущее лежит «по ту сторону царства экономической необходимости»). Во-вторых, сказать: да, экономический тип общественного бытия фактически исчерпан. Мы еще не падаем в бездну, но – активно приближаемся к ее краю.

Человечество стоит перед фундаментальной развилкой: или – планетарная катастрофа, или – качественно новый тип развития.

Итак, ни неоклассика, ни марксистская политическая экономия, даже с обновлениями, не предлагают теоретически обоснованных альтернатив, адекватных вызовам XXI в. Это касается и других ветвей общественнознания. Возьмем те же идеи «устойчивого развития» ООН, которое в большинстве случаев сводится к несколько большему вниманию к экологическим, социальным и гуманитарным проблемам, что правильно, но совершенно недостаточно.

Альтернатива – стратегия перехода к качественно новому состоянию общества. Какому? Участникам сегодняшней встречи ответ, я думаю, известен: мы уже не раз характеризовали это качественно новое состояние на наших конгрессах, в частности на СПЭК-2019. Это – **движение к Ноономике через Новое индустриальное общество второго поколения – НИО.2.**

Наша концепция цивилизационного развития – теория Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики – близка к Концепции устойчивого развития своим гуманистическим содержанием, признанием важности экономических целей в развитии современной цивилизации, но – не их первичности.

Исследуя долгосрочные перспективы и тенденции развития, мы предлагаем инструментарий согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаменитого характера, а социальным процессам – ноонаполнения.

Ранее мы говорили, что основой этой грандиозной трансформации является объективный **процесс технологического развития**. Однако, этот «вечный двигатель» общественного прогресса находится в «плохих руках». Он встроен в весьма неэффективную «повозку». Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать нас вперед с «ускорением ускорения», но существующие, становящиеся все более архаичными экономические отношения и институты тормозят научно-технический прогресс. И здесь вполне уместно вспомнить о подвергнутом критике марксизме: в нем есть немало актуальных тезисов, в том числе о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, оковами прогресса производительных сил.

О каких главных трендах в развитии технологий можно говорить в этой связи? Мы в своих работах говорим о них уже не первое десятилетие. Сегодня основные из этих положений, фиксирующих объективные аспекты прогресса технологий, признаны экспертным сообществом. Выделим важнейшие:

- превращение знаний в главный источник, ресурс и результат социально-экономического развития;
- переход к шестому технологическому укладу и далее;
- зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает возможность (пока не реализованную, но объективно востребованную) перезагрузки и трансформации всех сфер – общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Как эти цели могут быть достигнуты? Каков **путь** перехода к новому качеству общественного бытия – **к формированию нообытия?**

Этот путь, эта траектория – равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов.

Вектор первый касается материальных условий перехода. **Технологический прогресс** уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Уже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято лишь 20...25 % работников. Между тем в тех странах, где деиндустриализация оказалась не столь разрушительной, как в США или России, эти 25 % всех работающих производят достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукцию этих отраслей. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но – подчеркну – не по ту сторону индустрии. Напротив: оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной – индустрии, где человек выполняет творческие функции, переложив все остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на новой технологической основе. Ключевым фактором и базовым ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а знания – новые знания, которые касаются прежде всего новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт – высокой знаниеемкостью. Именно это станет базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей. Это – **трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономический**. Одно из важных слагаемых этого процесса, даже, возможно, важнейшее – **диффузия собственности**.

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и состоит в следующем:

- индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров;
- права частного собственника «ветвятся» и разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономическими акторами;
- наиболее активными инвесторами все чаще становятся не отдельные физические лица, а различного рода фонды – пенсионные, страховые и т. п.;
- часть прав собственности передается работникам, в том числе в рамках различных государственных инициатив;
- государство не только ограничивает, но и регулирует деятельность частного собственника, накладывая на него социальную ответственность (в законодательстве многих стран записана ответственность частного собственника перед обществом, что, в частности, инициирует формирование и развитие социально ответственного бизнеса; напомним известный тезис – *собственность обязывает*).

Не меньшее значение имеют относительно новые тренды – развитие различных форм так называемого ассоциативного, совместного производства и потребления: *коворкинг, коливинг, каршеринг* и т. п. Входит в научный обиход понятие «отказ от собственности».

Однако сейчас гораздо важнее зафиксировать другое: мы ведем речь о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности).

Обратим внимание на следующее. Термин «диффузия» используется для обозначения различных явлений. Это – и «распространение», и «растекание» чего-то, и даже «взаимодействие» некоей субстанции с чем-либо. В физике часто под диффузией понимают проникновение молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого.

Подбирая термин для обозначения явления в экономике, относящегося к процессам, происходящим с институтом собственности, мы отталкивались от первичного значения латинского слова *diffusio* – рассеяние или, по аналогии с известным физическим процессом, – испарение.

Таким образом, процесс снижения значения института собственности как базового для реализации современного – экономического – способа удовлетворения потребностей людей мы назвали «диффузией собственности», подразумевая постепенное снижение такового значения вплоть до его полного исчезновения в процессе развития по первому вектору – «насыщение реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0».

Но вспомним политэкономический взгляд: собственность – это не вещи сами по себе и не право распоряжаться ими, а общественные отношения людей по поводу вещей. Эти отношения, в отличие от вещей, не есть величина постоянная, они меняются в процессе общественного развития. Так же, как и капитал, по Марксу, не вещи или деньги сами по себе, а определенные экономические отношения между людьми.

Таким образом, изменение экономических отношений обусловлено изменениями, происходящими с институтом собственности. И если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и экономические отношения, уступая место иным, не навязанным экономической логикой. То есть – с редуцированием значения собственности исчезает и экономическое общество.

Возможно, в настоящее время этот тезис выглядит чрезмерно революционным. Но я на нем настаиваю. Постепенно, эволюционно (я против любых революций, даже в локальных сферах) отношения собственности отмирают, «засыпают». И происходит (и произойдет) это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов» (этот тезис Маркса в нынешних условиях, в том числе в условиях достигнутой мощи современных «технологий уничтожения», я считаю не просто ошибочным, но вредным и опасным!), а в силу **объективного**, от воли и сознания политических субъектов не зависящего процесса – в силу прогресса технологий, приводящего к смене одного типа общественного производства и присвоения другим. Но – только при условии движения по остальным векторам развития.

Каковы они?

Третий вектор касается траектории «движения» общественного компонента цивилизационного развития. Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию ноокачеств человека**.

Термин «социализация», выдвинутый в свое время социологами Франклином, Гиддингсом и Георгом Зиммелем, подразумевавший формирование социальных групп и их развитие, в настоящее время используется во многих науках и в очень разных смыслах. Говорят о социализации чего угодно: экономики, ребенка и даже животных. В экономической теории с этим понятием, как правило, связывают возрастание роли

общественных и снижение роли частных начал в экономике (например, речь идет о росте государственного регулирования, бесплатного образования и здравоохранения, пенсионного обеспечения и т. п.).

Мы и здесь ведем речь об иных, гораздо более фундаментальных процессах.

Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек должен обретать и (частью – вынужденно, частью – сознательно) обретает все бóльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, думающим о своей общественной миссии, включающей не только ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** – в отношении формирования своего поведения в обществе и критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

Обратим внимание на обратную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т. п., т. е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее – социализирующее – воздействие на экономические, политические и прочие общественные институты, внося в них собственные, порой – отличные от стандарта или общепринятых на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает его существенную критериальную базу. Скажу жестче: **человек социализирует общество**. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя социо-политико-экономические институты, делая их все более ориентированными на продвижение. Но – куда? Важно – чтобы к **ноообществу**, расширяя ноопространство. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей безусловной необходимости усилия по формированию у людей, особенно вступающих в жизнь, соответствующих идей и принципов их осуществления.

Вектор четвертый, касающийся идеологической платформы перехода к неэкономической модели. «Коренник» (позволю себе этот образ) в четверке, «квадриге ноономики» – **солидаризм**. Это – «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов.

Отмечу: и здесь речь идет не о различных и давно известных формах «экономики солидарности» (кооперативов и т. п.), а о качественно новом типе взаимодействий всех социальных акторов, где на место борьбы и конкуренции приходит **взаимоосознание единства ценностей, целей и путей совместной деятельности**.

Солидаризм (от французского – *solidarisme*) в классическом понимании – это достаточно известная теория о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, *социальному сотрудничеству* и *духовному доверию* среди различных слоев общества, в том числе *классов, партий и групп интересов*. На практике солидаристские отношения строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ.

Идейно-философские основы солидаризма заложили в XIX в. французский экономист *Пьер Леру* и французский юрист *Леон Буржуа*, которые выступали за социальную ориентацию, справедливую *налоговую систему* и развитые социальные программы. При этом они подчеркивали самоценность демократии, гражданского равноправия и общественного взаимопонимания.

В течение последующих десятилетий солидаризм использовался как идеологическое подспорье различными политическими силами в попытках сплотить общество, дать импульс кооперации общественных сил для различных целей и т. п. Яркими примерами являются НТС российских эмигрантов XX в., польская «Солидарность» 1980-х гг.,

ХДС в ФРГ, концепции интегрального общества и конвергенции. Извращенные версии концепции солидаризма применялись и различными режимами в тоталитарных целях. Однако мы полагаем, что сегодня использование платформы истинного солидаризма в условиях взаимодействия четырех перечисленных источников ноотрансформации общества является объективной, единственной и безальтернативной необходимостью.

При этом важно помнить, что уже существующие отношения и институты упомянутой «экономики солидарности» могут сыграть (и сыграют) важную практическую роль на промежуточных этапах продвижения к ноомиру.

Конечно, отношения солидаризма не могут родиться одномоментно – **нужен период эмбрионального развития в утробе пока еще остающегося экономическим, рыночно-капиталистическим, общества.** И здесь вступает в свои права традиционный политико-экономический подход, исследующий потенциал стратегического планирования, активной промышленной и социальной политики, развития различных ассоциированных форм производства и потребления, пользования и присвоения, обмена и распределения. Осознавая историческую миссию нашей страны (а я в это верю!), мы должны существенно усилить наше экономическое развитие по направлению той равнодействующей, о которой здесь говорим. И компоненты этого движения (вдобавок к упомянутым выше) – это развитие инфраструктуры и наших регионов, подъем инновационности экономики, развитие экономики знаний и та же цифровизация как неотъемлемый фактор модернизации экономики и вхождения в очередной технологический уклад и в новый уклад мирохозяйственный.

Подчеркну еще раз: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. И традиционный институт собственности, основанный на монополии, поддерживает эту тенденцию. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение в концепции со-конкуренции (сотрудничество + конкуренция, англ. *co-competition*), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера и в других идеях. На наш взгляд, намечающийся в теоретическом осмыслении консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм – объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию.* Более того, осознание этого приходит и в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 г. солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1): «В Российской Федерации ... обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике.

Подчеркнем, что рассмотренная нами квадрига векторов развития составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействование всех ее элементов в комплексе позволит не только осуществить этот переход, но и (что крайне значимо для нашей жизнедеятельности), во-первых, «обойти» наступающую кризисную точку бифуркации цивилизационного развития; во-вторых, осуществить этот переход бесконфликтно.

На наш взгляд, *эти четыре компоненты имеют принципиальное значение для нооперехода, для его теоретического осмысления и практического осуществления.*

НТП создает материальные условия этого перехода. Диффузия собственности как следствие НТП и естественного развития этого института обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новые духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода. Солидаризм – идеологическая платформа перехода.

И в завершение хочу сказать: в свое время классики оставили нам в наследие «три источника и три составные части марксизма», летящую в светлое будущее русскую «птицу-тройку», «трех богатырей», разбивающих неприятеля.

Предлагаемая четверка, «квадрига ноономики», неслучайно перекликается по своему звучанию с «квадригой Аполлона» – мы сегодня ведем речь о продвижении к тому пространству, где новое индустриальное производство, обеспечив материальные потребности бытия, становится «служителем муз», основой удовлетворения истинной потребности людей – в культурном и творческом развитии.

S. D. Bodrunov³. Genesis of noonomy: scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society, solidarism. The author emphasizes the critical nature of technological transformations for shaping the future of the human civilization. His analysis focuses on changes in the economy and society, on engineering a vision of the future order (economic and social) and developing tools for the transition to a fair and reasonable living arrangement. The article considers causes of the global systemic crisis and emphasizes that the economic model of societal development which is based on the paradigm of market, ownership and priority role of profit has exhausted itself. The author considers the following alternative: the strategy for transitioning to a qualitatively new state of society – to the noonomy through the new industrial society of the second generation. Four resultant vectors bear fundamental importance for the noo-transition: (1) scientific and technological progress, (2) diffusion of ownership, (3) socialization of society and the development of human noo-qualities, (4) solidarity.

Keywords: genesis of noonomy, technological transformations, global systemic crisis, strategy of transition to noonomy, scientific and technological progress, diffusion of ownership, socialization of society, solidarism.

³ *Sergey D. Bodrunov*, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor, e-mail: inir@inir.ru

А. Г. Аганбегян¹

О ПРИОРИТЕТНОМ РАЗВИТИИ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ²

Экономика знаний рассматривается как главная составная часть человеческого капитала. Выполнен анализ отдельных сфер экономики знаний (НИОКР, здравоохранения и образования) путем сравнения результатов, достигнутых в этих областях в России, с аналогичными показателями в других странах. Отмечены положительные и негативные моменты: например, высокий уровень и качество образования, но низкая эффективность его использования; снижение смертности от онкологии и особенно младенческой смертности и высокий уровень смертности среди людей в трудоспособном возрасте от сердечно-сосудистых заболеваний и т. д. Среди основных причин негативных проявлений называются недостаточное финансирование социальной среды и неэффективное управление. Для исправления ситуации рекомендовано составить новый федеральный бюджет, перейти на народнохозяйственное планирование и откорректировать национальные проекты.

Ключевые слова: экономика знаний, человеческий капитал, увеличение инвестиций в социальную сферу, образование, здравоохранение, НИОКР, эффективность управления.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-15-22

УДК 330.352

Экономика знаний – главная составная часть **человеческого капитала**. Понятия «человеческий капитал» и «экономика знаний» являются относительно новыми в экономической науке. Они были введены в экономический оборот около 60 лет назад. Значимость этих понятий была оценена сразу и за исследование этих проблем была присуждена Нобелевская премия.

Экономика знаний является главной составной частью человеческого капитала, поскольку именно она формирует способность к труду, знания, навыки и умения, а также во многом определяет длительность жизни человека и его способности к труду. Обычно в сферу экономики знаний включают НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. В более широком смысле стоимость человеческого капитала определяется также затратами на под-

¹ *Абел Гезевич Аганбегян*, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, РФ, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1), д-р экон. наук, профессор, академик РАН, e-mail: information@ranepa.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

держание уровня жизни, включая расходы на приобретение потребительских товаров и услуг, жилищные условия, другие социальные расходы, улучшение экологической обстановки, безопасности и т. п.

Понятие *экономика знаний* имеет и второй смысл – как высшая ступень цивилизации высокоразвитых стран, в которую перерастает этап постиндустриального развития. Здесь я сосредоточусь на анализе экономики знаний с макроэкономических позиций.

В России в 2019 г. расходы на сферу *экономики знаний* составили около 15 трлн рублей, или 14 % от общего объема ВВП (110 трлн рублей). Мы уступаем в 1,5 раза Китаю, более чем в два раза – Западной Европе и почти в три раза – США (табл. 1). Из 146 стран по международному рейтингу Всемирного банка Россия по доле экономики знаний в ВВП занимает 55-е место. Выше нас – Польша, Латвия, Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Литва, Болгария, Уругвай, Саудовская Аравия. Немного ниже нас из крупных стран – Бразилия, Аргентина, Турция, Южная Африка. Между тем, по уровню экономического развития России принадлежит 40-е место, а по реальным доходам на душу населения – 45-е место.

Таблица 1

Сравнение показателей сферы экономики знаний в России, Китае и развитых странах

Доля отдельных отраслей и сфер экономики знаний в валовом внутреннем продукте, %	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес экономики знаний в целом в ВВП, %	14	22	30	40

Несмотря на низкое место в международном рейтинге роль экономики знаний как важнейшей составной части человеческого капитала в России очень значима и высоко оценивается. Это связано с высокой оценкой стоимости человеческого капитала. По расчетам Мирового банка, стоимость человеческого капитала на душу экономически активного населения в России составляет 400 тыс. долларов – около 30 млн рублей. В целом же человеческий капитал является главным в национальном богатстве России (его доля – 46 %).

В развитых странах 80 % стоимости национального капитала приходится на человеческий капитал, что намного больше, чем в России. Это объясняется довольно большой долей у нас национальных ископаемых богатств, земли, лесов, почв, всего, что входит в национальное богатство. По территории Россия самая крупная страна в мире – 17 % суши планеты, не считая 10 миллионов квадратных километров прибрежных вод, омывающих нашу страну. Из-за большой территории в России довольно много средств вложено в инфраструктуру и накоплен крупный производственный капитал.

Перейдем к рассмотрению отдельных сфер экономики знаний. **Сектор научно-исследовательских и опытных конструкторских работ (НИОКР)** составлял в СССР 3 % к ВВП, в США он даже в настоящее время немного ниже. В России эта доля в 2019 г. равнялась 1,1 %. Примерно наполовину это сокращение (по сравнению с советским временем) связано со снижением оборонных затрат, которые преобладали в данной сфере. Вместе в тем намного снизились расходы на фундаментальную науку:

было закрыто большинство отраслевых прикладных институтов, проектно-конструкторских организаций и опытных производств. В СССР в сравнении с развитыми странами преобладала фундаментальная наука и отраслевые научно-исследовательские институты, слабее были развиты опытно-производственные и проектно-конструкторские, а также инженерно-технические компании. Это во многом предопределило наше возрастающее научно-технологическое отставание в последний период советского времени.

По НИОКР среди всех стран СССР занимал 7-е место, сейчас у нас – 33-е. Россия уступает Венгрии, Бразилии, Китаю, Малайзии, Объединенным Арабским Эмиратам, Словении, Чехии, Эстонии, Южной Корее и всем развитым странам.

Другой важный рейтинг – **по инновациям**: из 117 стран Россия занимает 47-е место. Среди стран со средним доходом мы уступаем Китаю, который на 14-м месте, у Малайзии – 33-е, Болгарии – 37-е, Таиланда – 44-е, Румынии – 46-е. Наша страна опережает Турцию, Маврикию, Черногорию.

Рейтинг по патентам. Сумма патентов зависит от величины страны. Россия на 7-м месте после Китая, США, Японии, Южной Кореи, Германии и Индии и немного выше Канады, Австралии, Бразилии, Великобритании, Мексики и Франции. Надо сказать, что этот индекс сложный, суммарный. Наша страна занимает довольно высокое – 30-е место по человеческому капиталу и науке, а по уровню развития бизнеса и использования патентов – 42-е, по технологии – 50-е, по развитию рынка – 55-е, по креативной деятельности – 60-е, по инфраструктуре – тоже 60-е. Хуже всего (71-е место) у нас институциональная составляющая, в основном правовое регулирование.

Ясно, что делать в науке. В первую очередь нужно возродить **Российскую академию наук**. Крайне важно – реализовать конкретную программу создания прикладных институтов, особенно внедренческого звена, связанного с использованием инноваций и опытного производства. Министерство науки и высшего образования вряд ли способно это осуществить, да оно и не ставит таких задач. Нужно бы создать, как это было раньше, **Комитет по научно-технологическому развитию** как привилегированный орган, возглавляемый заместителем председателя правительства, который будет заниматься этими вопросами, прежде всего продвижением инноваций в жизнь. Потребуется дополнительное финансирование: следовало бы поднять расходы на НИОКР до 2 % ВВП к 2025 г., а к 2030 г. – до 3 %.

Самый высокий международный рейтинг среди крупных отраслей экономики и социальной сферы Россия занимает по **образованию** – 33-е место среди стран мира. Когда запустили первый спутник и человека в космос, Дж. Кеннеди произнес: «СССР выиграл гонку в космос за школьной партией», признав, что главная причина – в более высоком качестве образования по сравнению с США. СССР тогда направлял на образование 11 % национального дохода, а Америка – только 4 %. В США в федеральном бюджете расходов на образование не было, все расходы направлялись из бюджетов штатов и частным образом. В те годы России было присвоено 3-е место в мире по качеству образования (индекс ООН). С того времени мы «пятимся назад» и опустились сейчас до 33-го места. Причина – низкое финансирование образования, его доля в ВВП – 4 % (в сравнении с 8 % в развитых странах), по этому показателю Россия занимает только 120-е место среди стран мира.

При этом 33-е – очень высокое место, мы опережаем по уровню образования ряд развитых стран, особенно в области доли высшего и среднего специального образования среди населения соответствующего возраста. У нас всего 5 % людей, не имеющих среднего образования, а в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – 16 % (в Италии – даже 26 %). Хотя по качеству образования Россия

занимает высокое место, по эффективности – практическому использованию образования (такие рейтинги тоже есть) мы опускаемся вниз. Высокий потенциал образования у нас используется недостаточно. Прискорбно, что в последнее десятилетие расходы на образование в постоянных ценах заметно сокращаются, особенно в период 2012–2017 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Образование в составе ВВП в 2008–2019 гг.

Годы	В % к 2008 г.*	В % к ВВП
2009	98,5	3,3
2010	96,7	3,1
2011	95,9	2,9
2012	93,2	2,6
2013	91,2	2,8
2014	92,1	3,2
2015	92,3	3,1
2016	92,4	3,2
2017	93,6	3,2
2018	94,8	3,1
2019	96,0	3,2

* 2008 г. принят за 100 %.

По развитию **информационно-коммуникационных технологий** в международном рейтинге из 146 стран Россия занимает 45-е место (Международный союз электросвязи, 2017 г.). Это комплексный рейтинг, суммирующий 11 показателей.

Доля суммарных затрат на **цифровую экономику** в России составляет 3,9 % ВВП, в Америке – 11, в Китае – 10, в Европе – 8 % (табл. 3). В Указе Президента РФ В.В.Путина от 7 мая 2018 г. дано задание – увеличить эту долю в 3 раза.

Таблица 3

Доля цифровой экономики и ее составляющих в ВВП в 2017 г., %

Показатели	США	Китай	5 стран Западной Европы	Индия	Бразилия	Чехия	Россия
Расходы домохозяйств на цифровые продукты и услуги	5,3	4,8	3,7	3,2	2,7	2,2	2,6
Инвестиции компаний в цифровизацию	5	1,8	3,9	2,7	3,6	2	2,2
Госрасходы на цифровизацию	1,3	0,4	1	0,6	0,8	0,5	0,5
Экспорт ИКТ	1,4	5,8	2,5	5,9	0,1	2,9	0,5
Импорт ИКТ	-2,1	-2,7	-2,9	-6,1	-1	-2,1	-1,8
Итоговая доля цифровой экономики	10,9	10	8,2	6,3	6,2	5,5	3,9

Перейдем к **здравоохранению**. В пандемию в 2020 г. наступила **демографическая катастрофа**. Впервые за последние 15 лет в России смертность в 2020 г. увеличивается до более 300 тыс. человек по сравнению с 2019 г. (до этого она сокращалась в среднем по 30 тыс. человек в год). Из-за этого депопуляция населения (превышение

смертности над рождаемостью) превысит 600 тыс. человек. А положительное сальдо миграции сокращается примерно до 100 тыс. человек из-за закрытия границ (табл. 4). Поэтому население нашей страны уменьшится более чем на 500 тыс. человек в 2020 г.

Таблица 4

Показатели естественного движения населения в России в 2016–2020 гг., тыс. чел.

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Январь–ноябрь		
					2020 г.	2019 г.	Прирост, снижение (-)
Родившихся	1889	1690	1599	1485	1306,4	1365,8	-59,4
Умерших	1891	1824	1818	1801	1881,2	1651,5	229,7
Депопуляция	-2	-134	-219	-316	-574,8	-285,7	
Сальдо миграции	262	212	125	286	100	259,4	
Население России:							
прирост (+)	260						
убыль (-)		78	-94	-30	-474,8	-26,3	

Речь идет о главной проблеме социально-экономического развития страны – **сохранности народа России**. Президент РФ В.В. Путин на перспективу выдвинул двуединую цель нашего развития – повышение уровня жизни населения и сохранности народа России.

При этом из всех умерших только у половины был обнаружен коронавирус, а половина дополнительной смертности в основном была вызвана сердечно-сосудистыми патологиями. В то же время **смертность** от онкологии, от внешних причин и младенческая смертность снизились. Увеличение смертности в 2020 г. впервые после 2005 г. привело к сокращению **ожидаемой продолжительности жизни** в России с 73,6 лет в 2019 г. до 72 лет в 2020 г. Снизилась и ожидаемая продолжительность **здоровой жизни**, которая в сентябре 2020 г., по данным Росстата, составила 58,9 года. Мы являемся одной из немногих стран, где эта продолжительность ниже возраста выхода на пенсию. В европейских странах этот показатель – 72 года, что в среднем на 5 лет выше максимального возраста выхода на пенсию (67 лет в отдельных странах). Ожидаемая продолжительность общей и здоровой жизни при рождении в 2018 г. в России составляет соответственно 73 и 63 года. Для примера: в Японии – 84 и 74 года; в США – 79 и 70 лет; в Китае – 75 и 64 года.

Эти показатели являются главными в конечном результате деятельности системы здравоохранения в стране. Ожидаемая продолжительность жизни определяется в первую очередь коэффициентом смертности по основным группам населения. Самая многочисленная группа – **население в трудоспособном возрасте**, где уровень смертности в России на 100 тыс. человек втрое выше, чем в развитых странах (480 против 160 чел.). По причинам смертности в России самая многочисленная группа (47 %) – это люди, умершие от **сердечно-сосудистых заболеваний**. Коэффициент этих умерших также втрое выше, чем в развитых странах.

Наши показатели сегодняшнего дня развитые страны достигли более 50 лет назад. Если сравнить уровень смертности и ожидаемую продолжительность жизни у нас и в странах, имеющих уровень экономического и социального развития примерно такой же, как Россия, то коэффициенты смертности трудоспособного населения и от сердечно-сосудистых заболеваний у них в 1,5–2 раза ниже, а продолжительность жизни – на

4–5 лет выше. Они занимают 40...50-е места в международных рейтингах по этим показателям, а Россия – 90...100-е места. К таким странам относятся большинство пост-социалистических государств Европы и передовые развивающиеся страны, включая Китай. Так что уровень развития нашего здравоохранения, его результирующий показатель – поистине «темное царство» в сравнении с развитием других сфер (экономических и социальных).

Но есть и «луч света в темном царстве». Это – показатель **младенческой смертности**. За 7 лет она снизилась более чем вдвое, и в 2020 г. достигла 4,4 на 1000 родившихся живыми. Тем самым было выполнено задание Указа Президента России В.В.Путина от 7 мая 2018 года, предусматривающее снижение этого показателя до 4,5 на 2024 г. Это единственный показатель, который мы выполнили досрочно и занимаем высокое, примерно 30-е место в мире. С большой вероятностью в 2024 г. Россия достигнет в этой области показателя развитых стран – в среднем 3,5. Отдельные регионы страны уже превзошли этот показатель, например, в Чувашии коэффициент младенческой смертности – 3,2 (существенно ниже, чем во Флориде и Калифорнии (США), куда наши шоу- и бизнесумен ездят рожать).

На ближайшие годы перед нами стоят очень серьезные задачи, поскольку нас накрыла **вторая**, более мощная **волна пандемии**. Ожидается и **третья волна коронавируса**. Так что 2021 г. будет кризисным, социально-экономические показатели страны снизятся намного больше, чем ожидалось при принятии антикризисной программы правительства и федерального бюджета на 2021–2023 гг. Чтобы восстановить экономические, и особенно социальные, показатели, достигнутые в докризисное время, потребуется два, а, возможно, и три года. При этом объем ВВП, промышленности и в целом материальное производство сократятся на 5...6 % и их можно восстановить быстрее. А вот валовое накопление основного капитала – расширенные инвестиции, которые в период стагнации снизились на 5,6 % и во втором-третьем кварталах 2020 г., когда развернулась пандемия, еще на 9 %, в лучшем случае потребуют для восстановления докризисного уровня двух лет напряженной работы. Сказанное во многом относится и к восстановлению сферы экономики знаний, особенно образования, объем которого сократился в сопоставимых ценах (по статистике национальных счетов) почти в 1,5 раза (см. табл. 2). А ведь **инвестиции в основной и человеческий капитал – главные драйверы социально-экономического роста**. Не лучше обстоит дело и с дополнительными драйверами – **жилищным строительством**, максимум которого был достигнут в 2015 г. и после этого снизился на 10 %, и **внешней торговлей**, которая сокращается на 20 %.

Еще хуже с восстановлением розничной торговли, платных услуг, реальными доходами и потреблением населения, а также объемом платежеспособного спроса. **Розничная торговля, платные услуги и реальные располагаемые доходы населения**, упали примерно на 10 % в годы стагнации и сокращаются еще на 6...7 % в кризисные 2020–2021 гг. **Конечное потребление домашних хозяйств** во втором-третьем кварталах 2020 г. упало на рекордные 15 %, так что восстановить их докризисный уровень вряд ли удастся за два года, а может быть, даже и за три.

Самое трудное – резко сократить возросшую в кризис смертность населения и начать восстанавливать **сохранность народа России**. Для этого необходимо увеличение, как минимум, в 1,5 раза расходов на здравоохранение до 2025 г. и их удвоение к 2030 г. при принятии новых крупных социальных мер.

Поэтому нужны **экстренные меры** не только для преодоления текущего кризиса, но и перехода к социально-экономическому росту. Это возможно только при **форсиро-**

ванном увеличении доходов и потребления населения, инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний, поддержанных высокими темпами роста жилищного строительства и внешней торговли, особенно – экспорта. Предлагаемый форсированный рост – 10...15 % ежегодно. Только в этом случае при выходе из глубокого кризиса 2020–2021 гг. мы сможем «перепрыгнуть» **через стагнацию** и в 2023–2024 гг. добиться 3–4 %-ного прироста ВВП.

Это потребует **коренной доработки антикризисного плана** с увеличением финансирования в 2–3 раза на 2021–2023 гг., в том числе за счет низкопроцентного инвестиционного кредитования.

Придется составлять **новый федеральный бюджет**, поскольку в принятом бюджете общие расходы, а также финансирование национальной экономики, образования и здравоохранения не растут, а сокращаются (табл. 5). Объем средств на национальную экономику за 2021–2023 гг. сокращается и в номинале (на 2 %), и в реальном выражении (на 12 %); еще сильнее падают расходы на здравоохранение – соответственно на 7 и 17 %. Самое страшное, что так же сильно сокращаются расходы в 2021 г. (в сравнении с 2020 г.). Непонятно, как с меньшими средствами мы собираемся сокращать возросшую смертность населения в 2020 г., в том числе от сердечно-сосудистых заболеваний. Снижаются также на 10 % реальные расходы в 2021–2023 гг. на образование. С позиций восстановления экономики и социальной сферы после кризиса и перехода к 3 %-ному росту это выглядит абсурдно. Напрашивается единственное объяснение – все это планировалось на базе показателей первой волны коронавируса и при прекращении пандемии в начале 2021 г., о чем многократно говорил министр экономического развития М. Решетников. Кстати, это министерство в августе 2020 г. объявило, что население России за год сократится на 152 тыс. человек, в октябре они внесли «поправку» – будет минус 350 тыс. человек. По итогам года получается больше, чем минус 500 тыс. человек. Видимо, составители антикризисной программы и федерального бюджета не предполагали заметного увеличения смертности в 2020 г. (по сравнению с 2019 г.) и не оценивали повышение упущенной смертности в размере 330 тыс. человек (на 18 % по сравнению с предыдущим годом). Возможно, нет полного понимания, что такой размер упущенной смертности, который можно оценить в расчете на год, используя стоимость человеческого капитала в России, рассчитанный Всемирным банком в размере до 5 трлн рублей, – главный ущерб страны.

Таблица 5

Расходы федерального бюджета на 2019–2023 гг., млрд р.

Показатели	2019 г. Отчет	2020 г. Оценка	2021 г. План	2022 г. Проект	2023 г. Проект
ВВП	110 046	106 974	115 533	124 223	132 822
Расходы, всего	18 214	23 734	21 520	21 880	23 670
Национальная экономика	2 827	3 191	3 327	3 004	3 120
Образование	827	1 011	1 083	1 040	1 080
Здравоохранения	713	1 265	1 129	1 135	1 101

Антикризисный план и федеральный бюджет в нынешнем виде не позволят перейти к социально-экономическому росту. Практически все эксперты, а также международные организации, в том числе МВФ и Всемирный банк, прогнозируют наши ежегодные темпы на перспективу в размере 1,5...2,5 %. В результате высок риск, что Россия

после кризиса опять окажется в стагнации с негативными трендами – снижением инвестиций в основной и человеческий капитал, оттоком капитала, прогрессирующим технологическим отставанием, развитием демографического кризиса. Эти тренды усиливаются при запланированных сокращающихся в реальном выражении расходах федерального бюджета. Не помогут в этом случае и составленные ранее национальные проекты, которые на 3/4 финансируются из бюджетных средств, и доля этого финансирования составляет менее 10 % от общих вложений в социально-экономическое развитие страны.

При существующей системе управления пересмотр антикризисной программы, федерального бюджета и национальных проектов вряд ли коренным образом изменит ситуацию. Предлагается перейти к **народнохозяйственному планированию**, составив первый **пятилетний план на 2021–2025 гг.** с ключевыми показателями до 2030 г. Этот план следовало бы нацелить на выполнение заданий, предусмотренных Указом Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2018 г. и Указом от 11 июля 2020 г.

Кардинально предстоит скорректировать и развить национальные проекты, дополнив их проектами по технологическому перевооружению и сокращению бедности вдвое. Финансирование национальных проектов следует увеличить в 2–3 раза, используя низкопроцентный инвестиционный кредит и крупные средства частных компаний, для чего их нужно сильно заинтересовать. Взаимосвязанная система национальных проектов, имеющих целевую направленность, должна стать основой пятилетнего плана.

Форсированные инвестиции в основной и человеческий капитал позволят поднять долю в ВВП инвестиций в основной капитал и в экономику знаний до 25 % к 2025 г., что будет гарантировать при их эффективном использовании 3–4 %-ный ежегодный социально-экономический рост. После 2025 г. прирост инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний можно снизить до 8...10 % в год, тогда их доля в ВВП к 2030 г. увеличится до 30 %, что может обеспечить ускоренное развитие с ежегодным темпом по 5...6 % в год. Возобновление социально-экономического роста даст мощный дополнительный источник финансирования за счет увеличивающегося прироста ВВП.

A. G. Aganbegyan³. On priority development of knowledge economy. A.G. Aganbegyan considers the knowledge economy as the main component of human capital. He analyzes certain areas of the knowledge economy (R&D, healthcare and education) by comparing relevant results demonstrated by Russian regions with similar indices reported for other countries. The article points out positive and negative aspects, e.g. high level and quality of education v. low efficiency of its application; lower cancer mortality rate and particularly child mortality rate v. high mortality from cardiovascular disease among working-age population, etc. Major causes of negative phenomena include insufficient funding of the public sector and inefficient administration. In order to remedy the situation, the author recommends the development of a new federal budget, transition to national economic planning and adjustment of national projects.

Keywords: knowledge economy, human capital, higher investment in the public sector, education, healthcare, R&D, administrative efficiency.

³ *Abel Aganbegyan*, Head of Economic Theory and Policy Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1 Vernadskogo Pr., Moscow, 119571, Russia), D. Sc. Econ., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, e-mail: information@ranepa.ru

Г. Б. Клейнер¹

**ДЕКОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА –
УСЛОВИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ²**

Показано, что движение к коммерциализации всего и вся отдаляет экономику от экономики знаний и тем более от экономики интеллекта; что коммерциализация, заменившая все иные ценностные установки, стала тормозом на пути позитивного развития общества. Выявляются негативные последствия гиперкоммерциализации, определяются пути и методы декоммерциализации значительной части экономической деятельности в России. Сформулированы задачи реконструкции экономической теории и экономической политики, направленные на исправление сложившегося перекоса.

Ключевые слова: коммерциализация, интеллектуализация, декоммерциализация, гиперкоммерциализация, экономика, бизнес.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-23-30

УДК 330.352

Одна из основных задач фундаментальной экономической науки – приоткрыть завесу, отделяющую будущее от настоящего; выявить и оценить тенденции и закономерности, определяющие характер траектории движения из прошлого в будущее. Многообразие аспектов этого будущего раскрывается в таких междисциплинарных концепциях, как ноономика – интегрированное представление о развитии общества, технологии, культуры, ценностной структуры, основанное на преобладающей роли знаний как всеобъемлющей среды жизнедеятельности общества в целом и каждого индивида в частности [1].

Как показано в [6], по мере продвижения к экономике знаний, развитию информационных цифровых технологий, общему усложнению технологической структуры, созданию ценностей все более заметное место в составе ресурсов производства начи-

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр., 49), член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: george.kleiner@inbox.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

нает занимать интеллект. Это подводит общество к стадии интеллектуальной экономики, опирающейся на экономику знаний. В интеллектуальной экономике интеллект играет роль основного фактора и результата созидательной деятельности разнообразных социально-экономических систем – индивидуального производителя, предприятия, отрасли и т. п. На пути к интеллектуализации общества существует ряд барьеров, связанных с психологическими и поведенческими установками участников экономической деятельности. В первую очередь это установка на обязательную коммерциализацию результатов деятельности. Стремление к тотальной коммерциализации отдаляет экономику от экономики знаний и тем более от экономики интеллекта. По существу, эта установка заменила собой все иные ценностные установки и стала тормозом на пути позитивного развития общества.

1. «Очевидное – (не)вероятное»

Противопоставление очевидного, т. е. непосредственно, без усилий воспринимаемого органами чувств, и вероятного (включая невероятное как частный случай вероятного), воспринимаемого благодаря усилиям интеллекта, имеет важную проекцию на деятельность экономических систем, в частности предприятий. Очевидным и осязаемым результатом профильной деятельности предприятия является товарная продукция, производимая для продажи на рынке. Вместе с тем деятельность предприятия порождает целый ряд благ, не подлежащих в обычной ситуации обмену (продаже).

Необходимо обращать особое внимание на создаваемые, но не продаваемые ценности. На каждом коммерческом предприятии эта сфера достаточно широка. Предприятие создает ментальные модели; культурные образцы и ценности; институты; знания; товары; имитационные и исторические кейсы [4].

Из этого списка коммерческими являются, как правило, только товары, хотя остальные виды продуктов также находятся в обращении и необходимы для существования предприятия и экономики в целом. Здесь прослеживаются различия между *продаваемым* и *создаваемым*. Ярким примером создаваемых нетоварных, по существу, благ являются публикации научных статей и книг, осуществляемые отдельными исследователями, группами соавторов, научными организациями. Отметим, что предпринимаемые сейчас попытки стимулировать повышение числа и качества научных публикаций с помощью их специальной оплаты руководством научно-образовательных организаций, на наш взгляд, малопродуктивны, поскольку указанные организации не являются рыночными потребителями научной продукции. К числу создаваемых предприятием благ относится широкий спектр информации о поведенческих характеристиках предприятия. Некоммерческая сфера любого предприятия шире, а порой и важнее коммерческой в долгосрочной перспективе. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке стратегии предприятия.

В деятельности предприятия возникает широкая сфера нетоварного маркетинга, т. е. маркетинга продукции предприятия, не имеющей коммерческого характера. Эта сфера смыкается с пространством взаимоотношений между предприятием и обществом (*public relations*), а в некоторых случаях и со сферой отношений между предприятием и административно-управленческой средой (*government relations*). Всю деятельность такого рода охватывает понятие «маркетинг взаимоотношений», получившее в последнее время широкое распространение как важнейшая концепция взаимодействия предприятия с его окружением.

В целом, коммерческая составляющая взаимодействия предприятия с окружающей средой может рассматриваться как своеобразная тень («коммерческая тень») об-

щего массива благ, создаваемых предприятием. «Коммерческая тень» не должна занимать приоритетное место в объеме продукции, создаваемой на предприятии.

Различия между продаваемым и создаваемым можно проследить на примере ресурсов и способностей предприятия как факторов его производственно-хозяйственной деятельности. Оба эти фактора необходимы для успешной работы предприятия: способности определяют возможности предприятия эффективно использовать свои ресурсы, а ресурсы представляют собой сферу реализации способностей предприятия. При этом ресурсы являются предметом обращения, в том числе коммерческого; способности предприятия в общем случае не могут быть проданы и не являются предметом обращения. Тем не менее они могут стать предметом развития или могут быть индуцированы благодаря взаимодействию данного предприятия с другими [4]. Таким образом, ресурсы и результаты труда могут быть естественным путем вовлечены в процесс коммерциализации, в то время как к вовлечению способностей в коммерческие процессы следует относиться с осторожностью: непосредственная ориентация способностей на достижение коммерческого успеха может привести к снижению уровня или даже к утрате способностей. Можно констатировать, что развитие экономики движется в направлении от *экономики ресурсов* к *экономике способностей*.

Процессы коммерциализации имеют циклический характер. Во время военного коммунизма (1918–1921 гг.) значительная часть экономики работала вне сферы коммерции. Период нэпа (1921–1924 гг.), характеризовавшийся резким усилением коммерциализации, сменился многолетним периодом натурализации – развития экономики на базе натуральных показателей. Поиски баланса между коммерческой и некоммерческой сферами народного хозяйства активизировались с середины 1960-х до начала 1990-х гг. Резкий рост коммерциализации в 1990–2000 гг. захватил не только реальное производство, но и сферу науки, образования, искусства. В силу неконтролируемой инерции тенденция расширения коммерческой сферы продолжается до настоящего времени. Вместе с тем заметно и укрепление некоммерческой сферы. Об этом свидетельствуют такие явления, как волонтерство, спонсорство, благотворительность, правозащитная и природоохранная деятельность, семейное опекуновство и т. п. Распространение в компаниях практики стратегического планирования также можно отнести к некоммерческим явлениям. Основой стратегии компании, как известно, служит ее миссия, понимаемая как предназначение компании в деловой, административной, социальной и иных средах. Очевидным образом миссия компании не может быть выражена в коммерческих терминах. Соответственно стратегия предприятия также не может быть полностью сосредоточена на коммерческой сфере.

Еще более быстрыми темпами растет некоммерческая сфера в развитых западных странах. Здесь можно отметить такие примеры, как передача крупных состояний на благотворительные цели вместо их передачи по наследству (Б. Гейтс, У. Баффет, К. Слим, Дж. Сорос и др.); краудсорсинг; ориентация на усиление социальной ответственности компаний; реализация масштабных некоммерческих проектов типа строительства андронного коллаидера и т. д. Пол Самуэльсон описывал соотношение между коммерческим эгоизмом и некоммерческим альтруизмом экономических агентов следующим образом: «По мере того, как общество продолжает комфортабельно обустраиваться, оно может позволить себе неприязнь к чисто денежным мотивациям, основанной на своекорыстии. В наши дни новая граница в изучении политической экономии пролегает поблизости от этих очень важных нематериальных аспектов человеческого существования. Ценности выживания противостоят взаимный альтруизм ... Заботы о других человеческих существах – вот что, в конце концов, можно считать хорошим бизнесом и хорошей экономикой» [7].

2. Угрозы и риски гиперкоммерциализации российской экономики

Неоднократно отмечалось, что траектория экономического и социального развития России носит зигзагообразный характер [3]: двигаясь в том или ином избранном стратегическом направлении, общество доводит данную траекторию до физического предела, после чего откатывается в противоположном направлении, вновь подходя через какое-то время к физическому пределу. В настоящее время мы приближаемся к стадии гиперкоммерциализации, несущей угрозу свертывания необходимой для экономики некоммерческой, в том числе неприбыльной, сферы. Проявлениями гиперкоммерциализации являются: сокращение горизонта планирования; инфляция; тотальная монетизация при неустойчивости валют; рейтингомания; пространственно-временная экономическая близорукость субъектов экономики и экономики в целом; демотивация участников экономической деятельности; низкая эффективность и в конечном счете неконкурентоспособность экономики. Гиперкоммерциализация способствует таким негативным явлениям, как монопродуктовая структура экономики; рост масштабов коррупции; неравенство доходов населения; моральная деградация; снижение интеллектуального уровня; ущерб сферам фундаментальной и прикладной науки, образования и культуры. Гиперкоммерциализованная экономика – это экономика однообразия (однородности), поскольку в ней сравнимыми являются практически все виды благ. Напротив, гипокоммерциализованная экономика – это экономика разнообразия, обусловленного наличием значимого количества не сравнимых специализированных благ. Соответственно, коммерциализованная экономика является однокритериальной, а интеллектуализованная – многокритериальной, при этом из ассортимента продуктов коммерциализованной экономики вымываются относительно дешевые продукты, в первую очередь результаты интеллектуальной деятельности.

Теоретическая база гиперкоммерциализованной экономики представлена концепцией монетаризма, согласно которой основным фактором экономической активности является объем вложенных финансовых средств, а основным результатом этой активности – объем денежных средств, полученных от коммерческой реализации созданного продукта. В рамках этой концепции сравнение затрат и результатов легко осуществляется с помощью показателя прибыли – разности между объемами полученных и затраченных денежных средств. Фактически здесь реализуется концепция редуционизма – сводимости измерения всех ресурсов и продуктов, факторов и результатов экономической деятельности. Нельзя не заметить, что способности предприятия как фактор его деятельности фактически исключаются из рассмотрения. Подобным образом приращение способностей исключается из состава результатов деятельности предприятия.

Таким образом, значительная часть экономики остается вне рассмотрения экономической теории, вне сферы статистического наблюдения и, как следствие, вне сферы управления экономикой. В работе [5] было предложено решать указанную проблему, базируясь на достижениях культурологии – самостоятельной дисциплины, профессионально изучающей культуру, накопившей мощный аппарат для определения не коммерческой, а культурной ценности самых различных артефактов и процессов [2]. Возникают перспективы создания *культурноэкономики* – науки о производстве, распределении, обмене и потреблении благ на основе соизмерения их культурной ценности. Это позволило бы совершить прорыв в область ценностного описания экономики и включения ценностных ориентиров в непосредственную экономическую жизнь. Экономическая теория, основанная на соизмерении культурных ценностей, могла бы стать альтернати-

вой монетаристской экономической теории применительно к процессу становления и развития экономики знания.

Если на стадии экономики знаний основным ресурсом и результатом экономической деятельности является знание, то на следующей стадии основным фактором и результатом производства становится интеллект. При этом под интеллектом следует понимать способность человека, коллектива и общества выявлять возникающие проблемы и находить пути их решения [6]. Интеллект становится драйвером перехода от имеющегося знания к новому знанию через осознание незнания. Естественный интеллект, искусственный интеллект, социальный интеллект объединяются в понятие *системного интеллекта*.

Соответственно, основным результатом деятельности производителя является приращение его знаний и интеллекта, которые транслируются в сферу знаний и интеллекта потребителя. Если воспользоваться популярным в России в период перехода к рынку образом «рыбы и удочки», то объектами трансакции в экономике постзнаний являются и рыба (знание), и удочка (интеллект). При этом знания играют роль предмета труда, а интеллект – средства труда. Таким образом, постзнание – это комплекс, состоящий из предмета труда и средства труда, причем, в отличие от предыдущих стадий экономики, предмет и средства труда находятся в тесном взаимодействии и в большинстве случаев неотторжимы. Это обусловлено тем, что процессы создания и потребления новых единиц знания неразрывно связаны с процессами приращения интеллекта: без обновленного интеллекта невозможно создание и использование нового знания.

Хотелось бы выделить еще одно существенное различие между коммерческой и интеллектуальной экономикой. Ориентирами движения субъектов коммерческой экономики и экономики в целом являются, как правило, планово-прогнозные цели, формулируемые обычно в виде уровней финансовых показателей, подлежащих достижению. В интеллектуальной экономике ориентиры задаются в форме качественных характеристик, определяющих смыслы подлежащих достижению результатов. (Смысл определяет включение данного результата в пространственно-временной социально-экономический контекст). Таким образом, коммерческую экономику можно назвать экономикой целей, а интеллектуальную – экономикой смыслов (речь идет в первую очередь о смыслах новых знаний).

В итоге мы видим, что процессы коммерциализации и интеллектуализации экономики имеют противоположную направленность. Коррелируют же процессы декоммерциализации и интеллектуализации, а также коммерциализации и деинтеллектуализации.

Все это говорит о том, что продолжение экономической политики, направленной на всеобщую коммерциализацию, все больше отдаляет нас от экономики знаний и, как следствие, от интеллектуальной экономики.

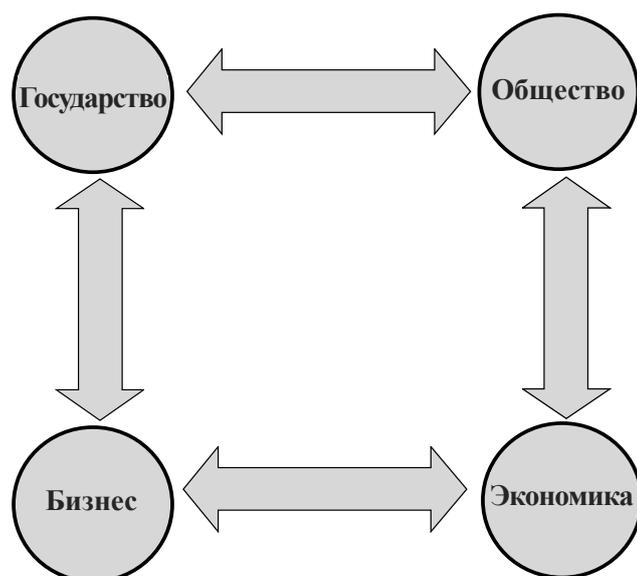
3. Декоммерциализация России как проект

Логика развития общей экономической теории в течение последних десятилетий привела к формированию направлений, обосновывающих отказ от расширения и углубления чисто рыночных принципов хозяйствования (коммерциализации) в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом и каждым его членом (декоммерциализация). Квинтэссенция этих концепций может быть названа *парадигмой декоммерциализации*.

Кардинальная и бескомпромиссная коммерциализация российского общества, осуществлявшаяся в 1990-х гг., стала результатом социального проекта, задуманного и осуществленного реформаторами. Декоммерциализация также должна стать предме-

том общенационального проекта, который в отличие от проекта коммерциализации должен носить эволюционный характер и начинаться с пересмотра психологических установок общества, организации, индивида. По отношению к предприятиям ориентация на коммерческий успех должна постепенно заменяться принципами ответственного социально-экономического поведения, корпоративного гражданства и социальной справедливости.

Исходным посылом на пути декоммерциализации должен стать пересмотр взглядов на структуру общества. Традиционно оно рассматривается как совокупность трех взаимодействующих подсистем: государства, бизнеса и населения. Однако понятие *бизнес* при более внимательном рассмотрении распадается на два ключевых компонента: а) собственно бизнес как сфера аккумуляции средств и вложения их в разнообразные социально-экономические проекты с целью получения дохода (в том числе дивидендов от вложенных средств); б) собственно экономика как сфера реализации процессов и проектов производства, распределения, обмена и потребления благ. Персональным социальным представителем первой сферы является бизнесмен, а второй – специалист народного хозяйства (возможны и совмещения, однако функционально деятельность и психология этих представителей отчетливо различаются: деятельность бизнесмена носит проектный характер, специалиста народного хозяйства – процессный характер). Наиболее значимые взаимоотношения между государством, социумом, экономикой и бизнесом отражены на рисунке.

Базовая конфигурация общества

Разумеется, отделение бизнеса от экономики имеет не только мировоззренческое, но и прикладное значение. Требуется пересмотра система социально-экономического мониторинга, законодательства, многих подзаконных нормативных актов; тем не менее реформирование экономики в данном направлении – это своего рода императив. В настоящее время взаимосвязи бизнеса и экономики не являются равноправными: общественная сила бизнеса намного превосходит возможности общественного влияния экономики. Зачастую своекорыстный бизнес не только не содействует, но и препят-

ствует развитию экономики. «Смертельные объятия», в которых бизнес сжимает экономику, должны быть как можно скорее разомкнуты.

Основные мероприятия проекта «Декоммерциализация» включают в себя следующие меры:

- институциональное отделение бизнеса как сферы аккумуляции и инвестирования средств от экономики (в узком смысле) как сферы производства и потребления благ, включая соответствующие формальные и неформальные институты;
- создание отдельных систем горизонтального и вертикального представительства в органах законодательной и исполнительной власти для бизнеса (в собственном смысле слова) и экономики (в собственном смысле слова);
- изменение пропорций между материальными и моральными стимулами на всех уровнях управления. Восстановление роли моральных стимулов и общественных оценок результатов труда;
- демонетизация (натурализация) льгот. Речь идет об операции, обратной монетизации;
- укрепление института репутации и престижа как факторов кумулятивной оценки результативности трудовой деятельности индивида, хозяйственной деятельности организации.

Тридцатилетний период развития коммерциализации в стране подходит к своему естественному завершению. На смену ему должен прийти период постепенной декоммерциализации. При этом ни коммерциализация, ни декоммерциализация не могут рассматриваться как самостоятельные цели социально-экономических преобразований: и то, и другое являются средствами поступательного развития экономики и общества России.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
2. Запесоцкий, А. С. Теория культуры академика В. С. Степина / А. С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 112 с.
3. Клейнер, Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста / Г. Б. Клейнер // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 1. – С. 5–20.
4. Клейнер, Г. Б. Институты как социально-экономические системы / Г. Б. Клейнер // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы Междунар. конф. (17 – 18 ноября 2009 г.): в 2 вып. – Вып. 1 / Федеральное агентство по образованию; ГОУВПО «Государственный ун-т управления». – М.: ГУУ, 2009. – С. 81–90.
5. Клейнер, Г. Б. Парадигма декоммерциализации: глобальные императивы и национальные интересы / Г. Б. Клейнер // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения (14–15 мая 2015 г.). – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 103–106.
6. Клейнер, Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний / Г. Б. Клейнер // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1 (63). – С. 35–42.
7. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон. – М.: НПО «Алгон», 1992. – С. 367–370.

References

1. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika* [Noonomics]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 432 p.
2. Zapesockij A. S. (2010) *Teorija kul'tury akademika V. S. Stepina* [The theory of culture of academician V.S. Stepin]. St. Petersburg: SPbGUP, 112 p.

3. Kleiner G. B. (2000) Institucional'nye faktory dolgovremennogo jekonomicheskogo rosta [Institutional drivers of long-term economic growth]. *Economics of Contemporary Russia*, 1, pp. 5–20.

4. Kleiner G. B. (2009) Instituty kak social'no-jekonomicheskie sistemy [Institutions as socio-economic systems]. *Institucional'naja jekonomika: razvitie, prepodavanie, prilozhenija: materialy mezhdunarodnoj konferencii* [Institutional economics: development, teaching, applications: materials of the international conference] (November 17–18, 2009) / Federal Agency for Education, GOUVPO «State University of Management». Moscow: GUU, pp. 81–90.

5. Kleiner G. B. (2015) Paradigma dekommercializacii: global'nye imperativy i nacional'nye interesy [The paradigm of de-commercialization: global imperatives and national interests]. *Sovremennye global'nye vyzovy i nacional'nye interesy: XV Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija* [Modern global challenges and national interests: XV International Likhachev Scientific Readings], May 14–15, 2015. St. Petersburg: SPbGUP, pp. 103–106.

6. Kleiner G. B. (2020) Intellektual'naja jekonomika novogo veka: jekonomika postznaniy [Intellectual economy of the new age: the economy of post-knowledge]. *Economic revival of Russia*, 1 (63), pp. 35–42.

7. Samuelson P. (1992) *Jekonomika* [Economics]. Moscow: NPO «Algon», pp. 367–370.

G. B. Kleiner³. Decommercialization of society as a prerequisite for intellectualization of the economy. The article shows that the movement towards total commercialization of «everything and everyone» is moving the economy away from the knowledge economy and the economy of intelligence. The orientation towards commercialization has outgrown reasonable limits, has replaced all other value attitudes, and has become a brake on the path of a positive development of society. The negative consequences of hypercommercialization are revealed. The ways and methods of decommercialization of a significant part of economic activity in Russia are determined. The tasks of the reconstruction of economic theory and economic policy aimed at correcting the current imbalance are formulated.

Keywords: commercialization, intellectualization, decommercialization, hypercommercialization, economics, business.

³ *Georgy B. Kleiner*; Deputy Head of Research, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418 Russia); Head of System Analysis in the Economy Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Prospect, Moscow 125167 Russia), Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor, e-mail: george.kleiner@inbox.ru

Е. Б. Ленчук¹

О КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ²

Анализируются основные недостатки и ошибки реформ, проводимых в последние 30 лет в сфере управления научно-технологическим комплексом России, которые привели к хроническому недофинансированию науки, снижению научно-технологического потенциала, системному разрыву между наукой и производством. В результате отечественная наука перестала быть ведущей производительной силой, обеспечивающей динамичное развитие страны, ее глобальную конкурентоспособность и безопасность. Рассмотрены основные направления совершенствования системы государственного управления научно-технологическим развитием, способные вывести этот процесс на более высокий качественный уровень.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, инновационное развитие, государственное управление, реформа науки.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-31-38

УДК 330.352

С момента развала СССР, когда Россия проиграла научно-технологическую гонку, ситуация в этой сфере практически не изменилась. Мы по-прежнему наполняем бюджет за счет сырьевых ресурсов, хотя постоянно говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития, о важности технологического рывка, освоения самых передовых технологий новых технологических укладов, цифровизации экономики. Эта риторика звучит и в выступлениях Президента РФ³. За последние 20 лет мы приняли целый ряд программных документов в сфере развития науки и инноваций, в рамках которых заявлены амбициозные цели по поддержке науки, укреплению научно-технологического потенциала, формированию национальной инновационной системы. Тем не менее серьезных успехов в научно-технологическом развитии нам достичь не удалось. Сегодня можно говорить о точечных успехах страны в ряде научных направлений и в отдельных сегментах технологий, преимущественно в военной сфере.

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН (117418, РФ, Москва, Новочеремушкинская ул., 38, к. 1), д-р экон. наук, e-mail: ieras@inecon.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>; Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года №204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.

За последние 30 лет научно-технологический фактор так и не стал драйвером экономического развития, и к 2020 г. мы так и не преодолели стагнационные тренды в экономике и зависимость от экспорта энергоресурсов. В 2020 г. Россия столкнулась с новыми вызовами – пандемией коронавируса и резким падением цен на нефть. В таких условиях курс на научно-технологическое развитие становится безальтернативным, когда речь идет о скорейшем восстановлении устойчивой динамики экономического роста, решении проблем, связанных с пандемией коронавируса.

Чтобы поставить правильный диагноз нашей застарелой болезни, посмотрим на некоторые показатели в этой сфере (рис. 1). Последние 20–30 лет, к сожалению, приводят нас к неутешительным выводам, свидетельствующим, что государство оказалось не способным проводить эффективную научно-технологическую политику, направленную на превращение науки в производительную силу общества, а научно-технологического фактора – в ключевой в обеспечении высокой динамики экономического роста.

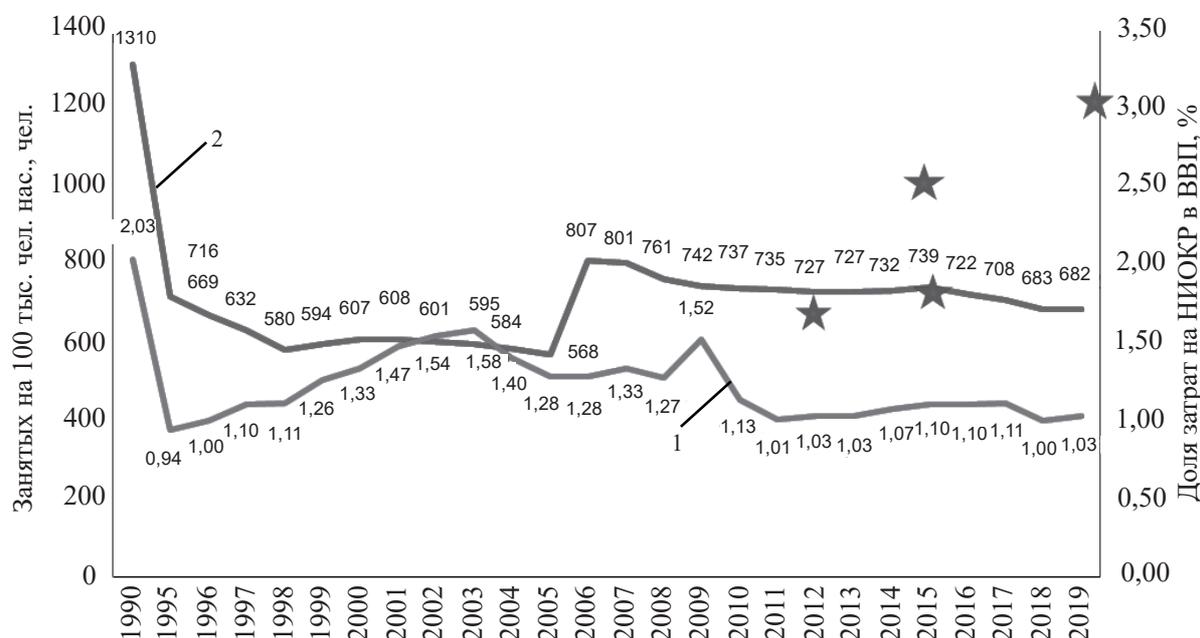

Рис. 1. Динамика изменения доли внутренних затрат (1) на исследования и разработки в ВВП и численности персонала (2), занятого исследованиями в 1990–2019 гг. (источник: Росстат)

Анализ статистических данных свидетельствует, что за прошедшие 30 лет беспрецедентно сократилось финансирование науки. Доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП крайне низка (находится примерно на одном уровне), не выполняется ни один целевой показатель, установленный Стратегией Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 года (1,8 % – инерционный сценарий или 2,5 % ВВП – целевой); Стратегией инновационного развития России до 2020 г. – 2,5...3 % ВВП к 2020 г.; Указом Президента РФ №599 – 1,77 % к 2015 г.; Стратегией научно-технологического развития РФ – 2 % ВВП к 2035 г.

Постоянное недофинансирование науки ведет к постепенному сворачиванию исследований в области перспективных научных направлений. Выступая на заседании

комитета Госдумы РФ в ноябре 2020 г., Президент РАН академик А. М. Сергеев заявил, что мы больше не можем конкурировать в космосе с ведущими в этой области державами, поскольку финансирование космической науки в России в 60 раз меньше, чем научных проектов NASA в США. В рамках Федеральной космической программы планировалось за 2016–2025 гг. выйти на финансирование 12...15 млрд рублей в год под задачи научного космоса, но на деле мы видим, что к 2022 г. финансирование работ должно упасть до 2,9 млрд рублей.⁴

Постоянно недофинансируются проекты в других областях науки, особенно в фундаментальных исследованиях. Реализация проектов «Мегасайнс» затягивается, они устаревают и становятся не интересными не только мировому научному сообществу, но и нам самим. В условиях недофинансирования отечественная наука теряет главное богатство – интеллектуальный капитал, который плавно перетекает на Запад. Быстро восполнить эти потери невозможно в силу специфики научного труда, постепенного приобретения исследовательских навыков и сложности адаптации в науке специалистов из других сфер экономики [1, с. 30].

В последнее время кадровый потенциал беспрецедентно сокращается. Напомним, что Россия единственная страна из G-20 шла по пути сокращения количества занятых в науке (рис. 2). За прошедшие 30 лет численность занятых в сфере НИОКР сократилась в два раза. И сегодня по количеству ученых Россия уже давно не является лидером, в шесть раз уступая Китаю и в два раза США.

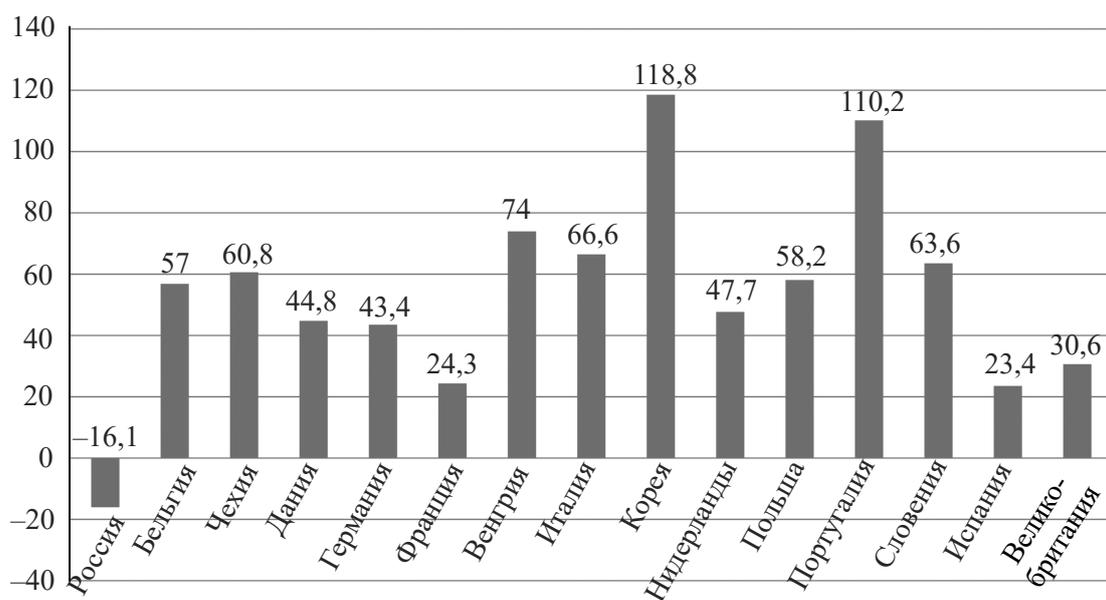

Рис. 2. Изменение численности персонала, занятого в сфере НИОКР в 2018 г. по сравнению с 2005 г., % (источник: Доклад РАН «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации за 2019 г.». М.: ИПРАН РАН, 2019)

⁴ <https://www.mk.ru/science/2020/11/25/glava-ran-zayavil-o-potere-rossiey-kosmosa.html>

Согласно данным табл. 1 и 2, результативность НИОКР и основные показатели инновационной деятельности остаются на устойчиво низком уровне, динамика из года в год практически не меняется. Уровень инновационной активности и доля нашей страны в мировой торговле высокотехнологичной продукцией также остаются крайне низкими.

Таблица 1

Результативность исследований и разработок 2018 г.

Страны-лидеры	Позиция в рейтинге по топ-15 странам по числу статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus	Число статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus	Удельный вес в общемировом числе статей в научных изданиях, индексируемых в Scopus, %	Число патентных заявок на изобретения	Удельный вес в общемировом числе патентных заявок, %
Китай	1	473 278	22,7	1 460 244	43,9
США	2	446 415	21,4	515 180	15,5
Великобритания	3	138 621	6,5	56 216	1,7
Германия	4	121 499	5,8	180 086	5,4
Индия	5	108 290	5,2	30 036	0,9
Япония	6	92 355	4,4	460 369	13,8
Франция	7	82 621	4,0	69 120	2,1
Италия	8	78 197	3,7	32 286	1,0
Канада	9	76 787	3,7	24 483	0,7
Австралия	10	73 585	3,5	12 261	0,4
Испания	11	70 581	3,4	10 292	0,3
Республика Корея	12	68 658	3,3	232 020	7,0
Россия	13	66 602	3,2	30 289	0,9
Бразилия	14	63 399	3,0	6 859	0,2
Иран	15	50 567	2,4	12 074	0,4

Источник: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020, С. 21.

Таблица 2

Сравнительная характеристика некоторых показателей научно-технологического развития России и стран-лидеров

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Затраты на НИОКР, % ВВП (2018 г.)	0,99	Израиль – 4,94; Южная Корея – 4,53; Тайвань – 3,46; Швейцария – 3,37
Внутренние затраты на фундаментальные исследования, % к ВВП (2018 г.)	0,15	Швейцария – 1,29; Южная Корея – 0,68; Франция – 0,54; США – 0,76
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, % (2018 г.)	8,5	Норвегия – 71; Бельгия – 68; США – 65; Финляндия – 65
Объем высокотехнологичного экспорта, млрд долл (2018 г.)	10,2	Китай – 739,9; Германия – 207,0; США – 156,4; Сингапур – 155,4
Число патентных заявок, поданных национальными заявителями в стране и за рубежом (2018 г.)	30289	Китай – 1460244; США – 515180; Япония – 460369; Южная Корея – 232020

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Производительность труда за один чел.-ч (2016 г.)	23,8	Страны ОЭСР – 52,0; в том числе США – 70,3; Франция – 67,6; Германия – 69,6

Источники: Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/in2020>; World Development Indicators 2018. Режим доступа: <http://wdi.worldbank.org/table/5.13>

Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют, что в стране сложилась критическая ситуация с развитием научных исследований и инноваций, осуществлением технологической модернизации производства, связанной с переходом к новому технологическому укладу. Причины – хроническое недофинансирование развития науки, разрушение кооперации науки и производства, старение научных кадров и «утечка мозгов». Во многом они являются следствием приватизации, которая привела к разрушению отраслевого сектора прикладной науки [2, с. 18–19].

Вместе с тем все системные ошибки кроются прежде всего в системе управления научно-технологическим развитием в России, и допущены они были государственной властью. Поэтому очень важно вскрыть все эти провалы, чтобы оценить – куда и как двигаться.

Истоки лежат в реформах научной сферы, проводившихся в начале нулевых годов, когда наука была выведена из реального сектора экономики и отнесена к сектору услуг [3, с. 5], когда вместо Министерства промышленности науки и технологий было создано Министерство образования и науки как федеральный орган исполнительной власти, ответственный за формирование научно-технической политики. По сути, с этого момента образовался разрыв в управлении наукой и инновационной деятельностью, который повлек за собой крайне негативные последствия.

Был взят курс на переход на англосаксонскую модель организации науки – перенос фундаментальных исследований в университеты. В 2013 г. академические институты были выведены из юрисдикции РАН, а сама РАН впоследствии была лишена функций управления фундаментальными научными исследованиями, а потом и проведением самих исследований. Все функции, включая определение направлений научных исследований, были переданы в административные органы управления. Вообще, наши высшие органы власти постоянно пытаются копировать и имплементировать в систему управления наукой западные институты без продуманной работы и оценки того, насколько нам подходит тот или иной институт; без учета огромного опыта и накопленных традиций в той или иной области. Так, у нас в стране исторически сложилась академическая модель организации науки, опорным каркасом которой стали сформированные академическим сообществом исследовательские институты, ориентированные на комплексное изучение отраслей и основных направлений фундаментальной науки [3].

Отрыв науки от реального сектора экономики привел к разрыву инновационной цепочки: фундаментальная наука – прикладные разработки – производство. Сегодня в системе управления научно-технологическим развитием продолжает сохраняться системный разрыв между наукой и реальным сектором производства.

Если во всем мире технологический фактор определяет конкурентоспособность и процветание страны и активно реализуется курс на новую индустриализацию на ос-

нове передовых технологий четвертой промышленной революции, то в России практически нет субъекта управления этим процессом. Кто занимается технологиями и инновациями? Кто определяет ключевые приоритеты и ключевые технологии, необходимые стране для обеспечения структурной перестройки и технологической модернизации? Эти проблемы не решают ни Минэкономразвития, ни Минпромторг, ни Министерство цифрового развития России. Министерство науки и высшего образования как отраслевое решает в основном задачи развития науки и образования [4, с. 132]. Более того, получив в качестве подведомственных организаций большое число академических институтов и вузов, Миннауки успевает лишь решать хозяйственные дела своих «подведомственных» и разрабатывать самые немислимые целевые показатели для оценки их деятельности вместо того, чтобы прорабатывать вопросы формирования эффективной научно-технологической политики, обеспечивающей высокий уровень конкурентоспособности страны.

Сегодня можно только гадать, для чего нам нужно биться за публикации в журналах, индексируемых в международных системах Web of Science and SCOPUS, вместо того чтобы создавать научно-технологические заделы для освоения новых рынков и скорейшего преодоления высокой степени импортозависимости в технологиях и оборудовании для развития собственных производств.

Как отмечает академик С. Ю. Глазьев: «... в отсутствие координирующего органа созданные в целях стимулирования инновационной активности институты (РВК, Роснано, фонды финансирования научных исследований и др.) работают исходя из своих ведомственных и субъективных интересов, не неся ответственности за результаты своей работы. Следствием этого является неэффективность использования государственных средств, хронически низкая инновационная активность, нарастающее технологическое отставание и продолжающаяся деградация экономики» [2, с. 19].

Обозначенные в стратегии научно-технологического развития целевые установки в основном связываются с ростом интеллектуального потенциала нации и не направлены на превращение научно-технологического фактора в драйвер развития экономики, в фактор ее роста и повышения конкурентоспособности. В стратегии не нашлось ответа на вопрос, какие ключевые технологии и под какие ключевые задачи мы должны сегодня развивать.

Безусловно, чтобы Россия смогла задействовать научно-технологический фактор в качестве драйвера экономического роста, необходимо кардинально повысить качество управления этим процессом по следующим основным направлениям:

1. Особое внимание должно быть уделено созданию целостной системы организации научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности, научно-технической экспертизы, что предполагает не только налаживание их организационного взаимодействия, но и единой сквозной системы планирования научной и научно-технической деятельности.

2. Необходимо, наконец, определить субъект управления научно-технологическим развитием, способный формировать и реализовывать научно-технологическую политику в контексте перехода к новой модели развития. Такие функции может выполнять только надведомственный орган, действующий под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, прототипом которого является ГКНТ.

3. Следует усилить и вывести на качественно новый уровень процесс целеполагания в стране и обеспечить содержательное сопряжение целей, задач и индикаторов Стратегии научно-технологического развития со Стратегией социально-экономическо-

го развития в долгосрочной перспективе, с последующей их конкретизацией в целях и задачах документов планирования и программирования.

4. Если страна хочет оставаться цивилизованной, то она должна формировать другие приоритеты бюджета и наращивать финансирование в сфере НИОКР. Альтернативы сохранению высокой доли бюджетного финансирования НИОКР у нас нет, поскольку к настоящему времени в стране не сформировано достаточное количество крупных научно-технологических компаний, готовых инвестировать в науку.

5. Следует восстановить статус Российской академии наук не только как высшей научной и экспертной организации страны, но и как самостоятельной научной организации, осуществляющей управление и проведение научных исследований, прежде всего фундаментальных, которые будут определять нашу технологическую конкурентоспособность в 10...15-летней перспективе.

Все это требует продуманных реформ управления научно-технологическим развитием, успех которых обеспечит превращение науки в ведущую производительную силу, поставленную на службу человеку, обществу и экономике.

Список литературы

1. Черных, С.И. Государственное управление российской наукой в условиях больших вызовов / С. И. Черных // Инновации. – 2020. – № 2. – С. 29–36.
2. Глазьев, С.Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием / С. Ю. Глазьев // Инновации. – 2020. – № 2. – С. 14–23.
3. Онищенко, Г. Г. Научно-технологическое развитие России в контексте достижения национальных целей: проблемы и решения / Г. Г. Онищенко, Е. Н. Каблов, В. В. Иванов // Инновации. – 2020. – № 6. – С. 3–16.
4. Ленчук, Е. Б. Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста / Е. Б. Ленчук // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 222, № 2. – С. 126–134.

References

1. Chernykh S. I. (2020) Gosudarstvennoe upravlenie rossijskoj naukoj v uslovijah bol'shikh vyzovov [Public Administration of Russian Science in the Face of Great Challenges]. Innovations, 2, pp. 29–36.
2. Glazyev S. Y. (2020) O sozdanii sistem strategicheskogo planirovaniya i upravleniya nauchno-tehnicheskim razvitiem [On Creating Systems for Strategic Planning and Management of Scientific and Technical Development]. Innovations, 2, pp. 14–23.
3. Onishchenko G.G., Kablov E.N., Ivanov V.V. (2020) Nauchno-tehnologicheskoe razvitie Rossii v kontekste dostizhenija nacional'nyh celej: problemy i reshenija [Scientific and Technological Development of Russia in the Context of Achieving National Goals: Problems and Solutions]. Innovations, 6, pp. 3–16.
4. Lenchuk E. B. (2020) Nauchno-tehnologicheskoe razvitie kak faktor uskorenija ekonomicheskogo rosta [Scientific and Technological Development as a Factor in Accelerating Economic Growth]. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia, 222(2), pp. 126–134.

E. B. Lenchuk⁵. On the quality of public administration of research and technology development.

The article analyzes the main shortcomings and mistakes carried out in the past three decades of reform in the management of Russian scientific and technological complex, which led to the chronic underfunding of science, reducing the scientific and technological potential, the systemic gap between science and production. As a result, our science is no longer a leading productive force for the dynamic development of the country, its global competitiveness and security. The author considers the main directions of improvement of public administration system for scientific and technological development that can bring this process to a higher level of quality.

Keywords: scientific and technological development, innovative development, public administration, science reform.

⁵ *Elena Lenchuk*, Director, Institute of Economics of the RAS (38/1 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russia), D. Sc. Econ., e-mail: ieras@inecon.ru

А. А. Пороховский¹

ЧЕЛОВЕК И РОБОТ: ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ VERSUS ГУМАНИЗАЦИЯ НООНОМИКИ²

Рассмотрена роль человека на различных этапах становления и развития капитализма. Показано, как наемный труд постепенно из фактора производства превратился в человеческий капитал и стал решающим элементом в создании новых цифровых технологий. При этом произошло существенное изменение роли и места человека в экономике и обществе. Ноономика не может более опираться исключительно на частный интерес капитала, ибо технологический фетишизм угрожает самому существованию человека. Искусственный интеллект как робот и в других видах претендует на замену человека во многих сферах. Только сам человек способен и в условиях ноономики превратить технологизацию в опору гуманизации.

Ключевые слова: человек, робот, искусственный интеллект, капитал, ноономика, капиталистические границы технологизации, перспективы гуманизации жизни.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-39-47

УДК 338.364

Введение

В последнее время многочисленные общественные форумы, включая Объединенный международный конгресс «СПЭК-ПНО-2020», выносят на обсуждение важнейшую проблему XXI в. – роль и место человека в современном обществе и экономике, находящихся под мощным влиянием цифровых технологий. Диффузия собственности, социализация общества и солидаризм происходят в рамках рыночной капиталистической цивилизации во всех странах. Очевидны они и в России. Однако рыночный механизм не выдерживает нагрузки современных вызовов и преобразований. Нобелевский лауреат по экономике профессор Джозеф Стиглиц отмечает: «Для этого следует прежде всего признать, что модель конкурентного равновесия (при которой производителе-

¹ Анатолий Александрович Пороховский, зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 46), д-р экон. наук, профессор, e-mail: anapor@mail.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

ли максимизируют прибыль, потребители максимизируют пользу, а цены устанавливаются на конкурентном рынке, где уравниваются спрос и предложение), лежащая в основе экономической науки на протяжении почти столетия, уже не способна точно отразить состояние сегодняшней экономики – особенно когда речь идет о понимании причин роста неравенства или даже роста на основе инноваций... Необходим всесторонний пересмотр экономических правил» [5, с. 18].

Одним из вариантов решения отмеченных проблем является предложенная профессором С. Д. Бодруновым концепция *ноономики* [1, 2], в разработку которой включается все больше отечественных исследователей. Выступая как пример плодотворного междисциплинарного анализа, эта концепция комплексно подходит к решению назревших теоретических и практических проблем современного развития разных стран и мирового хозяйства. Одна из таких проблем – роль искусственного интеллекта – рассмотрена нами в специальном политико-экономическом исследовании [4]. Поскольку вопросы ноономики охватывают широкий круг проблем, выберем среди них взаимосвязь человека как естественного интеллекта с роботом – искусственным интеллектом. Безусловно, исходным пунктом анализа у нас является человек.

Находясь в системе капиталистической рыночной экономики, нельзя не видеть, что движущей и предопределяющей силой ее развития остается *капитал*, приспособляющийся под свои интересы все факторы развития в текущем и долгосрочном периоде. Значит, без анализа *капитала, его природы, функциональных форм и видов, покрытых оболочкой всепроникающей цифровизации*, невозможно показать роль человека в современном мире и будущем обществе, сохраняющем принципы и природу гуманизма.

Исходя из указанных предпосылок и учитывая предварительный характер анализа, рассмотрим следующие проблемные вопросы:

- человек – создатель, но фактор производства;
- человек – ресурс как человеческий капитал;
- человек – придаток робота, искусственного интеллекта;
- нономика – гармонизация технологизации и гуманизации?

Человек – создатель, но фактор производства

С общеисторической точки зрения человеческая цивилизация – это рукотворное явление, динамично развивающееся благодаря творческому созиданию людей. В период первой промышленной революции в обществе произошло разделение ролей между капиталом и наемным трудом. Сам факт появления и распространения наемного труда способствовал не только росту производительности труда, но и изменению структуры экономики и общества, формированию больших групп людей по видам занятости, размеру принадлежащей им собственности и социальному статусу. Однако в экономической теории эти процессы толковались по-разному.

Развивая учение классика политической экономии мануфактурного периода А. Смита о трудовой теории стоимости, К. Маркс показал [3], что и при машинном производстве закон стоимости продолжает действовать, а наемные работники не только создают новые товары, но и обеспечивают предпринимателям прибыль, увеличивая их капитал. Тем самым становилось понятным, что движение капитала целиком опиралось на наемный труд, и высвечивалась разная роль рабочих и капиталистов как на заводах, так и в обществе. В то время рабочие были заняты в основном физическим трудом.

Неоклассическая экономическая теория, получившая обобщенное название *экономикс*, пришла к выводу, что машинное производство уравнило все составляющие предпринимательской деятельности – труд, капитал, землю, а потому их можно обо-

значить любыми символами, включая математические, для проведения расчетов, моделирования и других изысканий. Так наемный труд превратился в фактор производства, лишенный социальной специфики. Теоретическая интерпретация наемного работника как фактора производства фактически формализовала его роль как *фактора производства капитала*, ибо в капиталистической экономике не только факторы производства, но и его результаты приобретают форму капитала.

Это означает, что в рыночной капиталистической экономике рассматривать роль человека, роль наемного труда вне связи с движением капитала бесперспективно. Более того, подчинение труда капиталу происходило постепенно. В условиях преимущественно ручного физического труда в мануфактурный период капитализма рабочий мог сменить предпринимателя, так как его труд не зависел от машины, а определялся в основном приобретенной квалификацией. В этом случае труд был формально подчинен капиталу.

Другое дело – работа на фабрике как системе машин. Теперь рабочий стал реальным *придатком машины*, принадлежащей предпринимателю. Наступило время, когда развитие техники и технологии привело к тому, что наемный труд попал в *реальное подчинение капиталу*. С тех пор такое подчинение не ослабевало, выступая в разных модифицированных формах в зависимости от отраслей экономики и конкретного бизнеса.

Вместе с тем следует иметь в виду, что происходит эволюция как наемного труда, так и капитала, видов занятости и форм предпринимательства. Возникают новые черты этой взаимосвязи, нередко обусловленные гибкостью капитала и его стремлением не упустить ни одно новое явление из-под своего влияния. Постепенно капитал начинает интересоваться всем – и экономическими процессами, и общественными структурами.

Человек – ресурс как человеческий капитал

Все, что подчинено капиталу, должно приносить максимальный эффект – такова его природа. По мере развития рыночной экономики росла ответственность отдельного наемного работника в структуре компании. Из года в год увеличивается объем выпуска товаров и услуг на одного занятого. Экономически положение наемного труда не изменилось, но выросли затраты капитала на создание каждого рабочего места и требования к квалификации и ответственности работников. Если в середине XIX в. капитал устраивало положение рабочего как придатка машины, то уже в первые десятилетия XX в. не удавалось повысить производительность труда прежними способами. Понадобился рывок в мотивации всех факторов производства, и прежде всего наемных работников, в росте отдачи от своего труда.

Произошла эволюция внутрифирменных отношений, внедрялись бригадные формы организации производства, опирающиеся на человеческие отношения в бригадах. Формировалась ответственность персонала за общие результаты деятельности корпорации. Человек наемного труда стал восприниматься как ресурс. Между тем в экономикс сам капитал понимается как ресурс, что теоретически и практически соответствует деятельности компаний в последние столетия. Вследствие этого наемный работник стал называться *человеческим капиталом*. При этом понятие *человеческий капитал* стало использоваться не только для лиц наемного труда, но и вообще при характеристике подготовки людей в сфере образования для предстоящей деятельности в любой области. На человека переложили обязанность вкладываться в собственное образование и специальную профессиональную подготовку, чтобы наращивать свой человеческий капитал, от размера и качества которого зависят как возможная будущая занятость, так и предполагаемый бизнес.

В современных развитых странах, к которым в последние годы МВФ относит 34 государства и территории мира³, наемный труд остается основным видом занятости для большинства населения. Каждый наемный работник на деле ощущает, каково отношение труда и капитала и в чем состоит экономическая зависимость наемного персонала от капитала. Однако термин *человеческий капитал* как бы уравнивает экономическое положение простого работника и предпринимателя, ведь они оба представляют *капитал*. Между тем в собственности работника – его рабочая сила, а предприниматель обладает настоящим капиталом, он персонифицированный капитал-собственность.

По мере развития промышленных революций, повышения роли творческого начала в труде наемных работников и расширения сферы наемного труда за рамки материального производства (выпуска товаров) капиталу стало выгодно трактовать все виды ресурсов (людские, природные, научные, социальные) как разновидность капитала. С одной стороны, это подтверждает объективный рост значения человека в современной жизни, несмотря на бурные темпы вторжения информационных технологий; с другой – капитал закрепляет за собой ведущую роль в определении содержания, форм и направлений прогресса. В результате наша цивилизация во всех странах (развитых и развивающихся) внешне предстает как ***своеобразная совокупность капиталов: промышленного, финансового, сервисного, социального, человеческого, культурного, пространственного, природного...*** Нельзя исключить, что перечень *капиталов* не имеет завершения.

В этой совокупности господствующие позиции захватил финансовый капитал, что позволило ему вывести финансовый сектор на относительно самостоятельную орбиту движения как в национальной, так и в мировой экономике. Значительное место занимает сервисный капитал, ибо в последние десятилетия сфера услуг достигла невероятных размеров – до 75 % валового национального продукта большинства стран. Однако промышленный капитал продолжает расти в абсолютном выражении, хотя его относительная доля сокращается. Благодаря новым технологиям и росту производительности труда доля занятых в материальном производстве имеет тенденцию к уменьшению, хотя основой экономики и общества по-прежнему остается производство товаров. При этом положение наемного работника мало зависит от сферы занятости: оно везде подчинено капиталу, прямо или опосредованно.

Человек – придаток работа, искусственного интеллекта

Учитывая базовую роль промышленности в экономике и обществе, многие исследователи называют современный этап общественного развития четвертой промышленной революцией. С точки зрения состояния технологий ряд авторов предлагает рассматривать общественный прогресс как смену технологических укладов, относя к современному периоду шестой уклад. В обоих подходах ключевыми являются уровень и набор технологий. Объединяет подходы и то, что общественное развитие рассматривается в рамках капиталистической рыночной модели, в которой, как известно, движущей силой выступает капитал. На технологическом поле господствующее положение повсеместно захватили цифровые технологии. Наступил *цифровой капитализм*, объединивший *цифровую экономику* и *цифровое общество*.

Если в период промышленного капитализма наемный работник являлся своеобразным придатком машины, от которой во многом зависели производительность тру-

³ *International Monetary Fund (2020) World Economic Outlook. A long and Difficult Accent. Washington. D.C., October. С. 120.*

да, его условия и длительность рабочего дня, то при *цифровом капитализме* не только наемный работник, но и большинство населения превращается в *придаток работа* – *разного вида искусственного интеллекта*. И здесь капитал демонстрирует свою власть, ибо искусственный интеллект также становится капиталом. В результате искусственный интеллект транслирует все противоречия, свойственные движению капитала. И прежде всего он становится соперником человеческого интеллекта в сфере наемного труда. Это обстоятельство особенно остро ощущается людьми, так как несмотря на расширение *гигномики* (сферы самозанятых) наемный труд остается основным источником дохода для большинства трудоспособного населения.

Забота о месте человека в цифровом обществе стала ключевым вопросом повестки дня международных форумов. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подготовили дорожную карту оценки цифровой экономики и ее ближайших перспектив для очередного ежегодного заседания стран Группы-20, проходившего осенью 2020 г. в Саудовской Аравии в дистанционном формате. В третьей главе этого документа особое внимание уделено проблемам занятости, внимание участников Группы-20 обращается не только на структуру рабочих мест, но и на рост интенсивности труда, использующего информационно-коммуникационные технологии, а также на ответственность государств за своевременное обеспечение подготовки и переподготовки кадров для новых рабочих мест, связанных в том числе с искусственным интеллектом и роботизацией в промышленности и в сфере услуг. По мнению авторов доклада, цифровизация создает немало проблем, которые можно решить только сообща, создавая для этого международные платформы⁴.

Потеря и длительный поиск работы приводят к обесценению человеческого капитала, считают исследователи из Чикагского университета. Анализируя вузы разных стран, они пришли к выводу, что перерыв в работе или обучении, например в школах и университетах Греции, привел к снижению квалификации преподавателей на 4,3 %, а заработков выпускников – на 6,8 % за рассмотренный период [8, p. 35].

Цифровизация «во весь рост» ставит новые проблемы и перед организацией управления компаниями на разных уровнях. В специальном пособии для менеджеров, опубликованном журналом «MIT Sloan Management Review», издаваемым Массачусетским технологическим институтом, указывается, что традиции и привычки персонала, его культурный уровень становятся порой препятствием на пути внедрения современных, основанных на цифровых технологиях, методов и принципов управления. По существу, ставится задача сформировать новую культуру не только персонала, но и управления [7]. В этой системе человек – и простой рабочий, и клерк, и управляющий – должен усвоить новые правила работы, диктуемые цифровизацией. При этом возникают и парадоксальные ситуации в разных отраслях экономики, когда менее образованные и подготовленные работники требуются для выполнения рутинных работ, связанных обычно с физическим трудом, к примеру, по доставке купленных он-лайн товаров или по перемещению грузов внутри и между фирмами. Сфера занятых физическим трудом по-разному реагирует на роботизацию и искусственный интеллект [6].

Как известно, понятие искусственного интеллекта довольно объемное и широкое [4]. Оно связано не только с разнообразными роботами, но всякий робот содержит в себе определенную долю искусственного интеллекта, нацеленного на выполнение функций конкретного робота. В зависимости от характера производства может созда-

⁴ *A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020) – Paris, OECD. 123 p.*

ваться система роботов, скажем, для промежуточной или завершающей сборки конечной продукции. Система машин современного завода постепенно замещается системой роботов, управление которыми происходит с помощью других искусственных интеллектов. Получается, что, с одной стороны, искусственный интеллект приобретает экономическую форму капитала, а с другой – его придатком становится работник как человеческий капитал. Взаимосвязь капитала и труда под воздействием цифровизации стала выступать как отношение искусственного и естественного интеллектов, также превратившихся в капиталы.

Отсюда следует, что любое изменение положения работника на рабочем месте (на производстве или в сфере обслуживания) не может быть чисто формальным, так как оно затрагивает интересы капитала, который определяет условия занятости. Поэтому и с производственной, и с общественной точек зрения искусственный интеллект выступает как фактором производства, так и фактором жизни. Однако он не в состоянии заместить человеческий разум в полном объеме. Это обстоятельство предопределяет его границы и возможности, что относится и к роботам. Вместе с тем распространение роботов имеет и экономические границы. Капитал не станет внедрять роботы, если они не будут в перспективе приносить прибыль. В то же время каждое государство заинтересовано в обеспечении занятости своих граждан и будет стимулировать увеличение бизнесом числа рабочих мест в условиях углубления цифровизации экономики и общества⁵. Об этом лидерам всех стран уже в 2021 г. напоминают эксперты МВФ⁶.

Хотя роботы и робототизация агрессивно врываются во все стороны современной жизни, они не могут заменить человеческий разум, который, по сути, невозможно смоделировать и запрограммировать из-за невозпроизводимости и уникальности мозга человека. Фактически искусственный интеллект дополняет и развивает человеческий интеллект при активной позиции человека в этом взаимодействии.

Ноономика – гармонизация технологизации и гуманизации?

Концепция ноономики как будущей человеческой цивилизации наполняется новыми доводами и аргументами. До эпохи ноономики, представленной как сосуществование «общества и техносферы» [2, с. 204], предстоит еще долгий исторический путь. Как отметил С. Д. Бодрунов: «...общество должно подойти, ...опираясь на необходимые материально-технологические предпосылки. Речь идет о создании фундамента нового индустриального общества второго поколения» [2, с. 213]. Хорошо, когда люди понимают, как и куда развивается цивилизация, какие шаги необходимо сделать, чтобы преодолеть существующие и возникающие барьеры на своем пути. И в этом смысле технологизация в виде цифровизации и искусственного интеллекта все больше освобождают человека от изнурительного труда, насыщают его знаниями и навыками, видоизменяют среду и сферу общения, предоставляют новые возможности для эффективного использования растущего свободного времени. Безусловно, ориентир на ноономику вселяет в людей оптимизм и веру в человека как созидателя своего будущего и будущего планеты Земля.

⁵ *A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020) – Paris, OECD. 123 p.*

⁶ *The Jobs of Tomorrow// https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/12/WEF-future-of-jobs-report-2020-zahidi.htm?utm_medium=email&utm_source=govdelivery. (Дата доступа: 05.01.2021).*

Сегодня, в первые десятилетия XXI в. уже формируются тенденции, способные направить человечество на движение к ноономике. Идет переосмысление теории и практики рыночного капиталистического развития, вскрываются острые проблемы защиты окружающей среды, продолжается поиск альтернативных источников энергии и возобновляемых природных ресурсов, нащупываются варианты преодоления бедности и неравенства в отдельных странах и в глобальном масштабе. Однако все это происходит при полном доминировании капитала, который подчинил себе и труд, и общество, и технологии. Поэтому пока мир движется по рыночным рельсам в направлении, выгодном капиталу.

В этой связи представляет интерес последнее прижизненное интервью нобелевского лауреата по экономике, основоположника новой институциональной теории, профессора Рональда Коуза, которое он дал редактору журнала «Человек и экономика» Н. Вангу в начале мая 2013 г. Коуз считает, что экономикс далек от реальности, представляет собой «науку классной доски», которая изображает экономику с нулевыми транзакционными издержками, или так называемой нулевой суммой [9, p. 101]. Он выступил против монополизма в науке, в особенности в экономической теории, считая, что «нам нужен рынок идей», ибо в прошлом доминировал экономикс на британском материале, сейчас – на американском. Значит, возможна экономическая теория на материале Китая и должна появиться китайская экономическая школа [9, pp. 102, 104]. Китайская модель экономики работает по своим правилам и для нее неважно, кто и как об этом думает и пишет. Каждая страна развивается по-своему, права собственности в Китае имеют собственную защиту. Поскольку Коуз выступил одним из создателей этого журнала, выходящего на английском и китайском языках, свое интервью он завершил словами: «Наш новый журнал поможет открыть всем рынок новых экономических идей. У меня предчувствие вулкана» [9, p. 119]. Среди таких идей достойное место занимает концепция ноономики.

Как для концепции ноономики, так и для современной экономической динамики особенно важной проблемой в контексте теоретического и практического решения становится взаимосвязь и взаимодействие процессов технологизации и гуманизации жизни. Дело в том, что технологизация проявляется многообразно. Во-первых, при капитализме она становится капиталом – новым ресурсом. Во-вторых, технологизация служит прогрессу самого человека. В-третьих, она обостряет конкуренцию между компаниями, народами и странами. В-четвертых, благодаря технологизации появляются новые возможности для сохранения жизни и окружающей среды на Земле. И, наконец, в-пятых, технологизация укрепляет опору гуманизации, ибо только освоив все новые технологии, человек сможет подчинить их созиданию. Победа человека приходит не сама по себе, а с учетом в его деятельности реального общества и реальной экономической системы. Экономическая система задает направления и ограничения для социализации всех современных процессов.

Выводы

Исторически и логически человек является прямым источником и активным создателем современной цивилизации. В условиях всеобъемлющего проникновения цифровых технологий в экономику и общество, создания и развития искусственного интеллекта, замены человека роботами и другими «умными машинами» перед всем миром во весь рост встала задача сохранить гуманистические начала во всех новых явлениях, технологиях и процессах. Это не означает остановить прогресс. Это призыв обеспечить превосходство человеческого разума над рукотворным созиданием, направ-

вив его на повышение качества жизни всех людей во всех странах. Важно найти оптимальное сочетание технологизации всех видов с традиционной гуманизацией.

В этой связи концепция ноономики представляет собой теоретическую конструкцию, наполнение которой последующим развитием материального производства в гармонии с окружающей средой и международным сотрудничеством в решении глобальных проблем указывает вектор движения человечества к самосохранению и самосовершенствованию.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. На пути к ноономике: человек, технологии, общество / С. Д. Бодрунов // Мир перемен. – 2020. – №2. – С. 24–39.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации // С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. – 224 с.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1–3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 23–25.
4. Пороховский, А. А. Искусственный интеллект сегодня и завтра: политико-экономический подход / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2020. – №3(65). – С. 4–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-4-11.
5. Стиглиц, Дж. Преодоление великого разрыва (Пандемия вскрыла глубокие различия, но еще не поздно сменить курс) / Дж. Стиглиц // Финансы и развитие. – 2020. – Сентябрь – С. 17–19.
6. Blau, F. D., Koebe, J., Meyerhofer, P. A. (2020) Who are the Essential and Frontline Workers? // NBER Working Paper № 27791. – September. – 12 p.
7. Bean, R. (2020) Why Culture is the Greatest Barriers to Data Success // MIT Sloan Management Review- Executive Guide. – Fall. – P. 1–4.
8. Dinerstein, M., Megalokonomou, R., Yannelis, C. (2020) Human Capital Depreciation // NBER Working Paper № 27925. – October. – 104 p.
9. Wang, N. (2014) A Life in Pursuit of «Good Economics» (Interview with Ronald Coase by Ning Wang) // Man and the Economy (The Journal of the Coase Society). – Vol. 1, №1. – p. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1515/me-2014-0001>.

References

1. Bodrunov S.D. (2020) Na puti k noonomike: chelovek, tehnologii, obshchestvo [Towards Noonomy: Human, Technology, Society]. World of Changes, 2, pp. 24–39.
2. Bodrunov S.D. (2020) Noonomika: traektorija global'noj transformacii [Noonomy: Trajectory of Global Transformation]. Moscow: INID; Cultural Revolution.
3. Marx K. Capital. Vol. 1–3. In Marx R., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 23–25.
4. Porokhovskiy A.A. (2020) Iskusstvennyj intellekt segodnja i zavtra: politiko-ekonomicheskij podhod [Artificial Intelligence Today and Tomorrow: Political and Economic Approach]. Economic Revival of Russia, 3 (65), pp. 4–11. DOI: 10.37930 / 1990-9780-2020-3-65-4-11.
5. Stiglitz J. (2020) Conquering the Great Divide (The pandemic has laid bare deep divisions, but it's not too late to change course). Finance and Development, Fall 2020 Issue, pp. 17–19.
6. Blau F.D., Koebe J., Meyerhofer P.A. (2020) Who Are the Essential and Frontline Workers? NBER Working Paper No. 27791. September.

7. Bean R., (2020) Why Culture is the Greatest Barrier to Data Success. MIT Sloan Management Review- Executive Guide, Fall 2020 Issue, pp. 1–4.

8. Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis C. (2020) Human Capital Depreciation. NBER Working Paper No. 27925. October.

9. Wang, N. (2014) A Life in Pursuit of «Good Economics» (Interview with Ronald Coase by Ning Wang) // Man and the Economy (The Journal of the Coase Society). – Vol. 1, №1. – p. 99–120. DOI: <https://doi.org/10.1515/me-2014-0001>.

A. A. Porokhovsky⁷. Human and robot: technologization vs. humanization of noonomy. The role of a man at various stages of the formation and development of capitalism is considered. It is shown how hired labor gradually turned from a factor of production into human capital and became a decisive element in the creation of new digital technologies. At the same time, there has been a significant change in the role and place of man in the economy and society. Noonomics can no longer rely solely on the private interest of capital, because technological fetishism has begun to threaten the very existence of a man. Artificial intelligence as a robot and in other forms claims to replace a man in many areas. Only a man himself is capable of transforming technologization into a modern support of humanization under the conditions of noonomics.

Keywords: man, robot, artificial intelligence, capital, noonomics, capitalist boundaries of technologization, prospects for humanizing life.

⁷ *Anatoly Porokhovsky*, Head of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia); Principal Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, e-mail: anapor@mail.ru.

Я. М. Миркин¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНУЮ РЫНОЧНУЮ ЭКОНОМИКУ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ?²

Раскрываются цели, условия и механизмы трансформации российской модели в социальную рыночную экономику. В качестве целей объявлены продолжительность и качество жизни, сверхбыстрый рост экономики, технологическая модернизация. Даны количественные параметры указанных целей. Объяснены необходимые изменения моделей коллективного поведения населения и российской элиты как условие такой трансформации. Представлены на обсуждение этапы трансформации: 1) расширенное вмешательство в экономику государства развития для устранения деформаций и запуска сверхбыстрого роста; 2) нормализация. Раскрыта формула трансформации – содержание экономической, финансовой, административной политики, ведущей к созданию в России социальной рыночной экономики.

Ключевые слова: государство развития, модернизация, политика сверхбыстрого роста, продолжительность жизни, социальная рыночная экономика, экономика развития, экономическое чудо.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-48-53

УДК 330.352

«Социальная рыночная» – это экономика, подчиненная реализации трех целей: а) увеличение продолжительности и улучшение качества жизни; б) рост экономики; в) технологическая модернизация. Ее еще нужно строить в России.

Каковы **цели** такой **трансформации**? Доля среднего класса – выше 70 % (схоже с Германией, Австрией, Чехией – континентальной моделью рыночной экономики). «Благосостояние для всех» – читаем Людвиг Эрхарда. Англосаксонская и азиатская модели нам не подходят, таковы исторические корни (традиции и ценности населения, степень его мобильности, инновационности, принятия рисков). Как вариант – шведская модель.

¹ Яков Моисеевич Миркин, зав. отделом международных рынков капитала Национального научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е. М. Примакова (117997, РФ, Москва, ул. Профсоюзная, 23), д-р экон. наук, профессор, e-mail: yakov.mirkin@gmail.com

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

Количественные цели трансформации могут быть выделены в следующих областях: а) продолжительность жизни, демография; б) благосостояние, условия жизни.

В части ожидаемой продолжительности жизни **цель** – не ниже 80 лет (для 2020 г. – примерно 30...35-е место в мире, уровень Чехии). Сегодня – 72,5...73 года (100...104-е место в мире). При этом (еще одна цель) переход к расширенному воспроизводству населения (аналог – Чехия). Реальность иная – человеческое опустынивание в регионах, сжатие его в крупнейших городах, в «человейниках». Ежегодная «естественная убыль» в России достигает нескольких сот тысяч человек.

Укрупненная **цель** в части **благосостояния** – ВВП на душу населения (по номиналу) не ниже 25 тыс. долларов (для 2020 г., уровень Чехии – Испании, в России – Москва как нижняя точка отсчета). Примерно 30-е место в мире. Реальность (2020 г.) – 61-е место в мире (9,9 тыс. долларов – ниже, чем в Малайзии).

Еще одна **цель** – **выравнивание условий жизни** по всей территории России (в той мере, в какой позволяет климат). «Малозэтажная Россия», «Свой дом» как основа жизни. Прекратить сверхконцентрацию населения и активов в Москве (прежде всего), Московской области, Санкт-Петербурге и нескольких крупнейших городах. Осуществить массовую модернизацию (до современного уровня) любой инфраструктуры, обслуживающей население.

Необходимые условия трансформации

Всё, что с нами происходит, социальные, экономические и политические структуры, которые мы выстраиваем, – функция от моделей коллективного поведения: а) населения, б) элиты в широком смысле (1...5 % населения), в) узкой группы лиц, принимающих ключевые решения на макроуровне.

Изменения таких моделей – необходимые условия эволюции нынешней системы в социальную рыночную экономику в России.

Население. Вместо прикрепленности, вертикальной зависимости, «влюбленности» в государство и крупнейший бизнес (80...85 % населения) как способов защитить себя – усиление независимости, рисков, мобильности, экономической самостоятельности в коллективной модели поведения, приращение имущества, успешности семьи на несколько поколений вперед – в центре жизнедеятельности («обогащайтесь», «свой дом», «своя семья», «всё для них», «сам себе хозяин»).

Возможно ли? Модели коллективного поведения меняются, как только начинают изменяться целеполагание (не на словах, а на деле) и вектор экономической политики государства. Доказано международной практикой (Южная Корея, Китай, отчасти страны Восточной Европы).

Элита. Вместо холодного управления людьми «как расходуемыми ресурсами» (что в российской традиции), вместо приватизации государства и подмены общих интересов мифами и / или частными целями – «новый курс», «новая экономическая политика», в основе которой – «благосостояние для всех» [1, 2, 5]. Жизнь по Людвигу Эрхарду – ясно выраженная любовь к собственному народу в центре экономической и социальной политики.

Возможно ли это? Имена известны – Людвиг Эрхард, Дэн Сяопин, Ли Куан Ю. «В моей должности я вынужден выполнять... специфическое задание. Это задание сводится к тому, что необходимо заставить народное хозяйство выявить столько энергии и показать столько достижений в производительности, чтобы люди могли жить без нужды и забот, чтобы они получили возможность приобретать имущество и становиться благодаря этому независимыми, чтобы они имели возможность в большей сте-

пени раскрыть свое человеческое достоинство. Именно тогда они не будут зависеть от милости других, а также и от милости государства» [5, с. 218].

В такой реальности личная цель политиков – бытие народа «без нужды и забот», рост имущества российских семей, независимость каждого, человеческое достоинство.

Этапы

1 – переход от стагнации и огосударственной, тупиковой модели экономики к реструктурированию экономики, экономической либерализации, сверхбыстрому росту («экономика развития», «государство развития», «центральный банк развития», «минфин развития» и т. п.). Смысл первого этапа – в операционном вмешательстве государства, в том, чтобы исправить деформации в экономике, подчинить любые экономические и административные инструменты повышению качества и продолжительности жизни, росту, модернизации.

По сути, это форсаж, хирургическая операция над экономическим организмом, который настолько деформирован, что уже не поддается амбулаторному лечению. Именно так и происходило во всех случаях «экономического чуда» – либо в жесткой форме (азиатские страны), либо в более мягкой (послевоенная Европа, Израиль) с учетом исходного уровня благосостояния и модели коллективного поведения населения [3, 4].

2 – нормализация, переход к свободному рыночному плаванью при сокращении объемов вмешательства государства. Тем не менее роль государства в экономике останется более высокой, чем в англосаксонской модели.

Параметры социальной рыночной экономики (этап нормализации)

Макроэкономические параметры. Доля государства (с учетом контролируемого бизнеса) – не выше 20...25 % (сегодня – выше 50 %). Доля среднего и малого бизнеса в ВВП – до 40...50 % (сегодня – 21...22 %). Универсальная экономика вместо преимущественно сырьевой. Сырье в экспорте составляет не больше 30...40 %, машины и оборудование – до 15...20 %. Зависимость от высокотехнологичного импорта – не выше 30...40 %, от импорта непродовольственных товаров народного потребления – до 25...35 %. Поддержание конкурентной среды – приватизация в пользу среднего класса (не крупнейших собственников), создание квазирыночной среды внутри крупнейших компаний с государственным участием. Потребление государства – до 14...15 % ВВП (сегодня – 18,5 %).

Финансовые параметры. Налоговое и квазиналоговое бремя – не больше 40...42 % ВВП. Госдолг – до 35...40 % ВВП (безопасный уровень). Насыщенность деньгами (монетизация) и кредитами – не ниже 90...100 % ВВП (в Китае – за 200 %) при уровне процента до 3...4 % по коммерческим ссудам. Капитализация рынка акций – до 90...100 % ВВП. Инфляция – до 2...3 %. Регулятивная нагрузка – в половину нынешней. Инвестиции, накопление основного капитала – 24...25 % ВВП (сейчас – 22 %, в Китае – выше 40 %).

Должна быть завершена децентрализация финансовых ресурсов, прекращено «денежное опустынивание» регионов, завершен переход к истинной федерализации бюджетной системы (значимый рост доли доходов бюджетов, оставляемых на местах).

Особенности параметров в период «экономики развития» (сверхбыстрого роста): налоговая и квазиналоговая нагрузка – 31...32 % (в сочетании с сильными стимулами роста и модернизации) + умеренно ослабленный рубль (в 2020 г. – 75...77,6

рублей за доллар) + норма инвестиций, позволяющая быстро расти, в 28...32 % ВВП (в Китае – 44...46 %).

Политика сверхбыстрого роста

Международная практика [3,4] обнаруживает сотни экономических и административных инструментов, формирующих «чудо» сверхбыстрого роста и модернизации. Они хорошо известны, и макроэкономический инженер всегда создаст такой их набор, который лучше всего отвечает условиям России. Вместе с тем все они должны укладываться в единую политику, в «формулу сверхбыстрого роста», которая приведена ниже.

Формула сверхбыстрого роста

Экономическая либерализация

«финансовый форсаж» (рост монетизации, насыщенности кредитами и финансовыми инструментами, «приводящими» инвестиции, при значимом снижении процента и сокращении инфляции; умеренно слабый курс национальной валюты, сокращение субсидирования процента и бюджетных преференций в этой сфере, создание механизмов «проталкивания» кредитов в реальный сектор, в жилищную ипотеку и другие сферы инвестиций населения)

+ регулирование счета капитала «рыночными методами» (дестимулирование вывоза капитала и кэрри-трейдинга)

+ снижение налоговой нагрузки до 31...32 % ВВП (при максимуме стимулов бизнесу за рост, модернизацию и импортозамещение (на мировом уровне), населению – за инвестиции в качество жизни)

+ максимум стимулов для прямых иностранных и долгосрочных портфельных инвестиций

+ рост торгового протекционизма (стимулирование переноса производства в Россию вместо экспорта в Россию, торговые и неторговые барьеры)

+ «распечатывание» до 30...40 % резервов (Фонд национального благосостояния, международные резервы (валюта и золото в части, не относящейся к ФНБ) для размещения в инвестиции внутри страны (включая закупки технологий и оборудования))

+ выделение «бюджетов развития» в составе консолидированного бюджета (в увязке с национальными проектами); рост инвестиционной составляющей при повышательной динамике цен на нефть

+ программа крупных общественных работ по модернизации инфраструктуры жизни населения, прежде всего в центральной части России + в 7...10 крупнейших очагах расселения

+ национальная программа дешевой ипотеки «Свой дом, своя земля» (при дешевой раздаче – покупке земли, финансирование строительства собственных домов и малоэтажного строительства)

+ программа инвестиций / выравнивания уровня жизни для 15...20 регионов, являющихся «зонами национального бедствия»

+ замораживание цен и тарифов, устанавливаемых/регулируемых государством по формуле «инфляция минус»

+ «большой взрыв» в создании конкурентной рыночной среды (реальность анти-монопольного контроля, в том числе в части цен, разгосударствление, широкая программа приватизации в интересах среднего класса, создание квазирыночной среды в крупных компаниях с государственным участием)

Административные меры

- + «новый курс», «новая экономическая политика» как решение «сверху»
- + создание администрации развития (с особыми полномочиями, отделенной от правительства и выполнения функций, связанных с текущей деятельностью)
- + макроэкономическое программирование (точки сверхбыстрого роста)
- + сокращение регулятивного бремени минимум на 50...60 %, значимое устранение в нем «репрессивного уклона» (законодательство, надзор, суды, правоприменение)
- + замораживание внешнеполитических конфликтов, усиление «экономического эгоизма» в системе международных отношений России, подчинение глобальных целей России интересам роста качества и продолжительности жизни российского населения как первостепенным

= Итого

- + рост нормы накопления до 30...32 % ВВП
- + темпы роста экономики от 4...5 % и выше, ее масштабная реструктуризация на основе популярных решений, меняющих модели коллективного поведения населения и элиты
- прекращение/замедление вывоза людей, капиталов, других ресурсов; возникновение центростремительного движения к России; упрочение ее социальной стабильности; снижение политических рисков страны; удлинение инвестиционных горизонтов; создание основ для массовых прямых иностранных инвестиций и трансфертов технологий из-за рубежа.

Миф или реальность?

Постановка вопроса о «политике сверхбыстрого роста», о «новой экономической политике» – это идеализм в условиях современной России, то же самое, что «построить мост из Петербурга в Москву»? Нам заранее известно, что такой поворот невозможен? Или всё же он может стать реальностью?

Нужно помнить, что это техническая задача, которую решили после второй мировой войны 15...20 стран, совершив собственное «экономическое чудо». Задача решалась при многих политических, социальных и экономических деформациях, часто в условиях, в которых такая политика могла бы показаться невозможной. Но она осуществилась.

Что нужно, чтобы она стала реальностью? Ключевое условие – «переворот в головах» элиты, изменение идеологии, которой она придерживается.

Так бывает? Ответ – «да».

Формула новой идеологии проста: «продолжительность и качество жизни населения + государство развития + социальная рыночная экономика» как основа основ для решений, принимаемых на макроуровне.

Список литературы

1. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Д. Сяопин. – М.: Прогресс, 1988.
2. Ли Куан, Ю. Сингапурская история. 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый / Ю. Ли Куан. – М.: «МГИМО-Университет», 2010.
3. Миркин, Я. Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / Я. Миркин, Т. Жукова, К. Бахтараева, А. Комова. – М.: Магистр, 2018.

4. Миркин, Я. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Я. Миркин [и др.]. – М.: Магистр, 2014.
5. Эрхард, Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. – М.: Дело, 2001.
6. Yanvry, A. de. Development Economics: Theory and Ptactice / A. de Yanvry, E. Sadoulet. – New York: Taylor & Francis Ltd, 2015.

References

1. Deng X. (1988) Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaja [Main Issues of Modern China]. Moscow: Progress.
2. Lee Kuan Y. (2010) Singapurskaja istorija. 1965–2000 gg. Iz tret'ego mira – v pervyj [From Third World to First: The Singapore Story. 1965–2000]. Moscow: MGIMO-University.
3. Mirkin Y., Zhukova T., Bakhtaraeva K, Komova A. (2018) Mehanizmy stimulirovanija sverhbystrogo rosta: mirovaja praktika [Mechanisms for Stimulating Superfast Growth: World Practice]. Moscow: Magistr.
4. Mirkin Y. et al. (2014) Finansovye strategii modernizacii ekonomiki: mirovaja praktika [Financial Strategies for Economy Modernization of the Economy: World Practice]. Moscow: Magistr.
5. Erhard L. (2001) Blagosostojanie dlja vseh [Welfare for Everyone]. Moscow: Delo.
6. De Yanvry A., Sadoulet E. (2015) Development Economics: Theory and Practice. New York: Taylor & Francis.

Y. M. Mirkin³. Transformation into the social market economy: myth or reality for Russia? The article reveals the goals, conditions and mechanisms of transformation of the Russian model into a social market economy. Life expectancy, quality of life, super-fast economic growth, technological modernization were announced as goals. The quantitative parameters of these goals are given. The necessary changes in the models of collective behavior of the population and the Russian elite are explained as a condition for such a transformation. The stages of transformation are presented for discussion – the first, intensive intervention in the economy by the «development state», in order to eliminate deformations and launch superfast growth, the second stage is normalization. Revealed the transformation formula – the content of economic, financial, administrative policies leading to the creation of a social market economy in Russia.

Keywords: development state, development economics, economic miracle, life expectancy, modernization, social market economy, super-fast growth policy.

³ *Yakov M. Mirkin*, Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (23 ul. Profsoyuznaya, Moscow, 117997, Russia), Doctor of Economics, Prof., e-mail: yakov.mirkin@gmail.com

*В. Е. Дементьев*¹

УВЕРЕННОСТЬ В БУДУЩЕМ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ²

Уверенность в будущем рассматривается как одна из важных характеристик качества жизни, а также как условие конкурентоспособности государства. Показано, что снижение процентных ставок по кредитам – недостаточное условие для преодоления инвестиционного пессимизма; при низкой загрузке производственных мощностей дешевые кредиты могут привести к стагнации отраслей. Качество координации экономической деятельности рассматривается как один из факторов уверенности бизнеса в будущем. Отмечается большое влияние конкурентоспособности существующих отраслей на формирование новейших производств. Подчеркивается, что переход к системе интерактивного стратегического планирования остается для нашей страны актуальной задачей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, качество жизни, координация, уверенность экономических агентов, конкурентоспособность, стратегическое планирование.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-54-62

УДК 330.352

Уверенность граждан в будущем как условие конкурентоспособности государства

Общество на разных этапах своего развития формирует свои ожидания на перспективу, которые могут носить мобилизующий, ускоряющий развитие характер. Отсутствие уверенности в будущем деморализующе влияет на экономических агентов. Очередная промышленная революция придала новый импульс осмыслению перспектив общественного развития. При сохранении за технологической составляющей важной роли в этом развитии на первый план в экономике знаний выходит человеческий потенциал.

Одним из главных вызовов начавшейся эпохи глобальных трансформаций является необходимость смены экономической парадигмы: не «человек для экономики»,

¹ *Виктор Евгеньевич Дементьев*, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., 47), д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, e-mail: vedementev@rambler.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

а «экономика для человека» [1, с. 10]. Так, в японской стратегии «Общество 5.0» речь идет о подчинении новых технологий решению задачи повышения качества жизни. В соответствии с этой концепцией новые технологии должны сделать жизнь людей более комфортной и стабильной. Участие человека в непосредственном производстве минимизируется. В нашей стране похожий смысл имеет концепция ноономики, нацеленная на удовлетворение разумных потребностей человека, необходимых для обеспечения его развития [2]. Уверенность в будущем является, на мой взгляд, одной из таких потребностей. Удовлетворение этой потребности становится важным фактором конкурентоспособности государства.

Весьма актуальной задачей для нашей страны является улучшение демографической ситуации. Рост рождаемости зависит от уверенности в будущем. Об этом свидетельствует опрос наших граждан³. К такому же выводу приводит исследование рождаемости в США в период 1989–2016 гг. [3].

Снижение степени неопределенности – функция общественных институтов. Пока они не очень справляются с этой задачей. Опросы населения свидетельствуют о низком уровне доверия россиян ко многим общественным институтам⁴.

Что касается пандемии, то, как пишет Я. М. Миркин, «когда пандемия исчезнет, нам на память останутся страх, понимание шаткости любой экономики и того, что «черный лебедь» что-то зачистил. А в общественном сознании: 1) утвердятся понимание и ощущение того, что происходит нечто «из ряда вон» – в климате, в волнах пандемий, в нарастании техногенных катастроф; 2) останется глубокая рана – от беспомощности и страха непреодолимой внешней силы, того, от чего нельзя избавиться субъективно, личными действиями» [4]. Самореализующиеся пессимистические ожидания – один из примеров институциональной ловушки [5].

Можно вспомнить характеристику предпринимателя Й. Шумпетером в труде «Теория экономического развития» [6]. С его точки зрения, предприниматель не обязан иметь широкий кругозор. Важнее способность увлечь за собой, что вряд ли возможно без уверенности в правильности своих решений.

Большое внимание уделяется уверенности в поведенческой экономике. Как пишет Д. Канеман, в день свадьбы невеста и жених знают, что уровень разводов высок, а процент разочаровавшихся в браке еще выше, но не верят, что эта статистика имеет отношение к ним [7]. Венчурные предприниматели похожи на молодоженов в своем отношении к статистике неудач венчурного бизнеса. В рамках поведенческой экономики раскрываются и негативные последствия чрезмерной самоуверенности экономических агентов, способствующей возникновению финансовых пузырей и кризисов.

Повышение уверенности экономических агентов – фактически такая задача решается при координации экономической деятельности. Проблема координации инвестиций выдвигается на первый план при обсуждении условий индустриализации экономики. Значение координации обосновано в работе П. Розенштейн-Родана «Проблемы индустриализации Восточной и Юго-Восточной Европы» [8]. Когда технологии характеризуются возрастающей эффективностью масштабов и носят взаимодополняющий характер, синхронизация инвестиций позволяет перейти на более высокий уровень спроса. Если же нет уверенности в том, что смежные отрасли получают инвестиции, сохраняется низкий уровень индустриализации.

³ <https://eaomedia.ru/news/307503/>

⁴ <https://www.rbc.ru/society/22/01/2019/5c4632139a7947d392889cfd?from=main>

Ситуация перехода индустриальной экономики на новую технологическую базу в рамках современной промышленной революции имеет определенную общность с ситуацией индустриализации. Такие революции связаны с освоением новых технологий широкого применения. Исследования этих технологий показывают, что их формирование требует разработки целого спектра сопряженных технологий, организации производства новых комплектующих [9]. Без соответствующей синхронизации исследований, координации инвестиций вместо созидательного разрушения возникает инновационная пауза. Без уверенности в том, что ее преодоление произойдет в обозримой перспективе, пауза может затянуться. Таким образом, проблема координации актуальна и для современной промышленной революции. Поэтому аргументация в пользу промышленной политики XXI в. порой апеллирует к условиям успешной индустриализации [10].

Снижение процентных ставок – недостаточное условие для преодоления инвестиционного пессимизма

Для ускорения роста российской экономики важно повышение доли инвестиций в ВВП. В этой связи большие надежды на изменение инновационной и инвестиционной ситуации возлагаются на дешевые долгосрочные кредиты. Однако сама по себе доступность таких кредитов не гарантирует роста инвестиций в основной капитал. Даже при развитой системе рыночных институтов снижение процентных ставок может сочетаться с уменьшением доли производственных инвестиций в ВВП. О том, что снижение процентных ставок не является достаточным условием для активизации производственных инвестиций, свидетельствует опыт США (рис. 1).

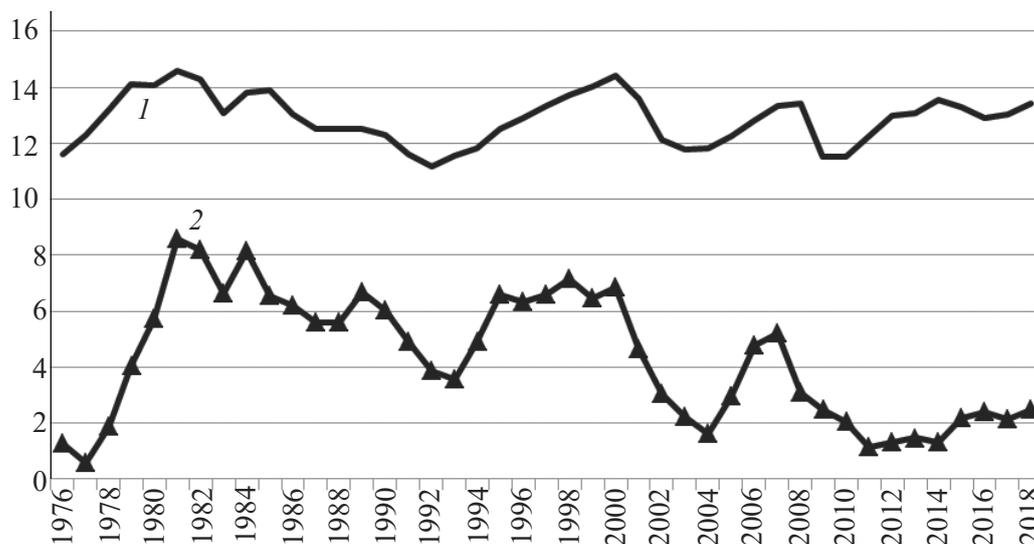

Рис. 1. Изменение реальной процентной ставки по кредитам (2) и доли частных инвестиций в нежилые активы в экономике США (1) в 1976–2018 гг. (составлено по данным Bureau of Economic Analysis USA, World Bank)

Как видно из рис. 1, в экономике США в 1980-е гг. сочетались тенденции снижения процентной ставки и уменьшения доли в ВВП частных инвестиций в нежилые активы. Отметим, что современный этап технологического развития сопоставим с

1980-ми годами. Если тогда наблюдался переход к микроэлектронным технологиям, то в настоящее время речь идет о расширении использования цифровых технологий.

Что касается связи процентных ставок по кредитам и доли инвестиций в ВВП, она отклоняется от обратно пропорциональной зависимости и в нашей стране (рис. 2).

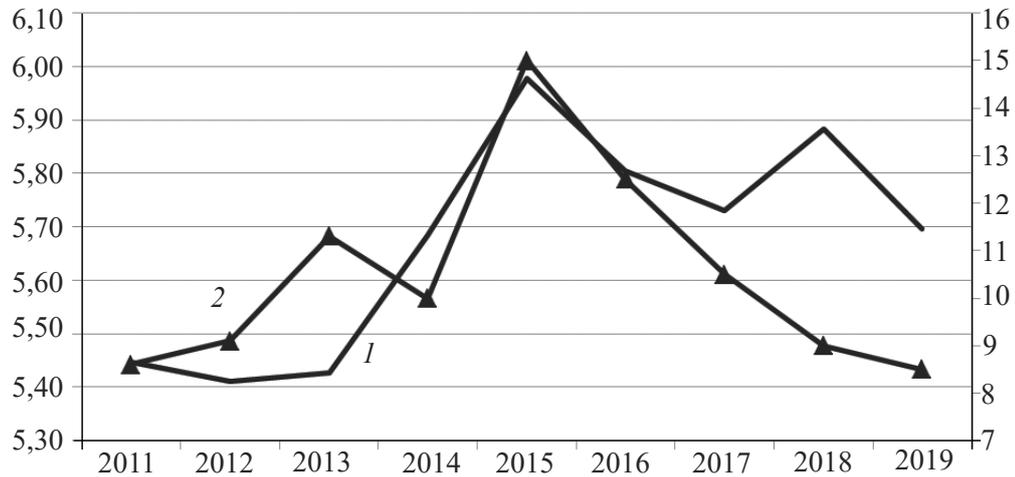

Рис. 2. Изменение процентной ставки по кредитам нефинансовым организациям (2) и доли инвестиций последних в основной капитал в российском ВВП в 2011–2019 гг. (1) (составлено по данным Росстата и Банка России)

На инвестиционную ситуацию в российской экономике влияют не только процентные ставки. Низкая степень загрузки мощностей во многих отраслях обрабатывающей промышленности снижает уверенность в том, что инвестиции в них окупятся. А такая ситуация характерна для машиностроительных отраслей (табл. 1), во многих из них уровень использования среднегодовой производственной мощности меньше 30 %.

Таблица 1

Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций машиностроительных отраслей, %*

Оборудование	2017	2018	2019
Турбины на водяном паре и прочие паровые турбины	22	18	5,8
Турбины газовые, кроме двигателей турбореактивных и турбовинтовых	21	19	26
Подшипники шариковые или роликовые	27	24	22
Краны мостовые электрические	25	29	22
Тракторы для сельского хозяйства и прочие	16	15	19
Станки металлорежущие	20	27	23
Машины кузнечно-прессовые	14	13	16
Экскаваторы	19	22	34
Бульдозеры и бульдозеры с поворотным отвалом	18	22	30
Холодильники и морозильники бытовые	47	51	54
Электродвигатели переменного и постоянного тока универсальные мощностью более 37,5 Вт	33	26	30

Окончание табл. 1

Оборудование	2017	2018	2019
Автомобили легковые	47	53	56
Средства автотранспортные грузовые	41	44	48
Автобусы	20	28	22

* Источник: Росстат.

Низкий уровень загрузки производственных мощностей сказывается на эффективности производства (табл. 2).

Таблица 2

Рентабельность активов, удельный вес убыточных организаций, индексы Херфиндаля – Хиршмана некоторых отраслей машиностроения*

Отрасль	Рентабельность активов, %	Удельный вес убыточных организаций, %	Индекс Херфиндаля – Хиршмана
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	3,9	25,2	73,5
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	3,8	21,1	76,6
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	6,4	19,2	276,7
Производство электрического оборудования	6,4	21,9	172,6
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	5,5	21,1	493,0
Производство прочих транспортных средств и оборудования	1,6	25,2	352,9

* Источник: Росстат.

При низкой загрузке производственных мощностей дешевые кредиты могут вести к стагнации отраслей, способствуя сохранению их сложившейся структуры. Такие кредиты будут сдерживать перераспределение загрузки мощностей, необходимое для реализации эффекта масштаба производства. Сомнительные перспективы реализации эффекта масштаба при инвестировании в новые технологии – одна из причин низкой интенсивности соответствующих инвестиций.

Если предприятие еще продолжает работать, но обречено на закрытие, оценка значительной части капитальных вложений практически обнуляется. Даже если собственник не собирается развивать предприятие, он может откладывать его ликвидацию до тех пор, пока выручка покрывает текущие затраты. Росстат дает сведения о количестве «угасающих» предприятий⁵. Даже когда их число относительно невелико, демпинговые цены таких поставщиков могут сильно портить жизнь конкурентам в течение всего периода угасания, подрывать уверенность в получении постинновационной ренты.

⁵ <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bush-dem3.htm>

Здесь уместно вспомнить о связи между рыночной концентрацией и инновационной активностью бизнеса. В соответствии с рядом исследований эта связь описывается перевернутой U-образной кривой [11, 12]. До некоторого уровня концентрации рыночной власти ее увеличение сопровождается повышением инновационной активности. Как слабая, так и чрезмерная концентрация угнетающе влияют на инновации. В российской экономике многие отрасли обрабатывающей промышленности остаются низкоконцентрированными, имеют индекс Херфиндаля –Хиршмана меньше 1000 (см. табл. 2).

Индикативное стратегическое планирование – принципиальный фактор инвестиционного оптимизма бизнеса

Исторический опыт показывает, что важный импульс развитию новых технологий и отраслей придают существующие отрасли. Так, паровые двигатели первоначально были лишь дополнением к парусам, транзисторы постепенно вытесняли лампы из телевизоров. Комплементарность старых и новых технологий широкого применения – потенциальный фактор экономического развития. Однако он действует, когда положение существующих отраслей, использующих ранее освоенные технологии широкого применения, не слишком отдалено от их передовых рубежей. Компоненты новой технологии не всегда способны компенсировать отставание в технологиях, составляющих основу производства. Например, какой смысл внедрять цифровые технологии удаленного контроля параметров для устаревших двигателей, автоматизировать производство таких двигателей? Поэтому бизнес, ориентированный на развитие принципиально новых технологий, не может рассчитывать на поддержку со стороны многих существующих отраслей российской экономики.

Экономическая конъюнктура остается труднопрогнозируемой не только в отраслях, но и в регионах Российской Федерации. В сопоставительном анализе регионов большое внимание уделяется оценкам их инвестиционного потенциала, инвестиционного риска и в целом инвестиционной привлекательности. Однако соответствующие рейтинги регионов оказываются недостаточно информативными для предвидения роста ВРП [13].

Теория большого толчка, родоначальником которой является П. Розенштейн-Родан, ориентирует на большие объемы инвестиций для перехода на новый уровень экономического развития. В этой связи можно говорить о важной роли государственного спроса, государственных инвестиций в инфраструктуру. Однако импульс развитию зависит и от частных инвестиций, от ожиданий фирмами того, что будет происходить у них в смежных отраслях.

Повышению уверенности инвесторов призвана служить система стратегического планирования. Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ) принят, но, по сути, не работает. Признанием этого является переход к разработке и реализации национальных проектов, утвержденных Указом Президента России № 204 от 7 мая 2018 года. Такой документ, как национальный проект, отсутствует в перечне документов стратегического планирования, предусмотренных указанным законом.

Остается актуальным предложение В. М. Полтеровича о переходе к системе интерактивного стратегического планирования [14]. Она должна внести ясность в ожидания инвесторов, определить перспективную структуру отраслевых мощностей, способную обеспечить рациональную интенсивность внутриотраслевой конкуренции. Формирование планов развития отраслевых мощностей, межотраслевых цепочек создания стоимости – задача, решение которой требует сотрудничества государства и биз-

неса. Здесь недостаточно привлечения бизнеса к обсуждению после того, как государственные органы подготовили проект плана. Вовлечение бизнеса в разработку планов важно при конкретизации долгосрочной стратегии развития на ближайшие пять лет. Научное, экспертное и аналитическое сопровождение планирования на более длительную перспективу должна обеспечивать Российская академия наук [1, с. 12]. Научно обоснованное знание перспектив развития – основа экономики знаний.

Список литературы

1. *Иванов, В. В.* Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций / В. В. Иванов // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 1 (63). – С. 6–13.
2. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 431 с.
3. *Buckles, K.* Is Fertility a Leading Economic Indicator? / K. Buckles, D. Hungerman, S. Lugauer // NBER Working Paper 24355. – 2018. – Режим доступа: <http://www.nber.org/papers/w24355> (дата обращения: 08.10.2020).
4. *Миркин, Я. М.* Изменения в экономических и финансовых структурах: воздействие шоков-2020 / Я. М. Миркин // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2(64). – С. 86–92. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-86-92.
5. *Полтерович, В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – № 2. – С. 3–20.
6. *Шумпетер, Й.* Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер; пер. с нем. В. С. Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
7. *Канеман, Д.* Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
8. *Rosenstein-Rodan, Paul N.* Problems of Industrialisation of Eastern and South-eastern Europe / P. N. Rosenstein-Rodan // Economic Journal. – 1943. – Vol. 53. (June–September). – P. 202–211.
9. *Helpman, E.* A Time to Sow and a Time to Reap: Growth Based on General Purpose Technologies / E. Helpman, M. Trajtenberg / Helpman Elhanan (ed.). General Purpose Technologies and Economic Growth. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998. – P. 55–83.
10. *Aiginger, K.* Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century / K. Aiginger, D. Rodrik // Journal of Industry, Competition and Trade. – 2020. – Vol. 20. – P. 189–207. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00322-3>.
11. *Aghion, P.* Competition and innovation: An inverted-U relationship / P. Aghion, N. Bloom, R. Blundell, R. Griffith, P. Howitt // Quarterly Journal of Economics. – 2005. – Vol. 120. – № 2. – P. 701–728.
12. *Вукова, А. А.* The Impact of Industry's Concentration on Innovation: Evidence from Russia / А. А. Вукова // Journal of Corporate Finance. – 2017. – №1. – С. 37–49.
13. *Дементьев, В. Е.* Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста / В. Е. Дементьев // Terra Economicus. – 2020. – № 2 (18). – С. 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21.
14. *Полтерович, В. М.* Природа кризиса и стратегия модернизации: формирование системы интерактивного управления ростом / В. М. Полтерович (ред) // Стратегия модернизации российской экономики. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 35–90.

References

1. Ivanov V. V. (2020) Metodologicheskie aspekty strategicheskogo planirovaniya v kontekste global'nyh transformacij [Methodological aspects of strategic planning in the context of global transformations]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, №1 (63), pp. 6–13.
2. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomika* / S. D. Bodrunov. – M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. – 431 p.
3. Buckles K., Hungerman D., Lugauer S. (2018) Is Fertility a Leading Economic Indicator? NBER Working Paper 24355.
4. Mirkin Ja. M. (2020) Izmenennija v jekonomicheskikh i finansovyh strukturah: vozdejstvie shokov-2020 [Changes in economic and financial structures: impact of 2020 shocks] *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, № 2(64), pp. 86-92. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-86-92
5. Polterovich V. M. (1999) Institucional'nye lovushki i jekonomicheskie reformy [Institutional traps and economic reforms] *Jekonomika i matematicheskie metody*, №2, pp. 3–20.
6. Shumpeter J. (1982) *Teorija jekonomicheskogo razvitiya: Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla konjunktury* [The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle.] *Perevod s nem. V. S. Avtomova i dr.* – Moskva: Progress. – 455 p.
7. Kaneman D. (2014) *Dumaj medlenno... Reshaj bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Moskva: AST. – 653 p.
8. Rosenstein-Rodan, Paul N. (1943) Problems of Industrialisation of Eastern and South-eastern Europe // *Economic Journal*, Vol. 53. (June–September), pp. 202–211.
9. Helpman E., Trajtenberg M. (1998) A Time to Sow and a Time to Reap: Growth Based on General Purpose Technologies / Helpman Elhanan (ed.). *General Purpose Technologies and Economic Growth*. - Cambrigde, MA: MIT Press, pp. 55–83.
10. Aiginger K., Rodrik D. (2020) Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century. *Journal of Industry, Competition and Trade*, Vol. 20, pp. 189–207. <https://doi.org/10.1007/s10842-019-00322-3>.
11. Aghion P., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P. (2005) Competition and innovation: An inverted-U relationship. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 120, № 2, pp. 701-728.
12. Bykova A. A. (2007) The Impact of Industry's Concentration on Innovation: Evidence from Russia. *Journal of Corporate Finance*, №1, pp. 37–49.
13. Dement'ev V. E. (2020) Faktory differenciacii regionov po tempam jekonomicheskogo rosta [Factors of regional differentiation by economic growth rates] *Terra Economicus*, № 2 (18), pp. 6–21. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-6-21.
14. Polterovich V. M. (2010). *Priroda krizisa i strategija modernizacii: formirovanie sistemy interaktivnogo upravlenija rostom* [Nature of the crisis and modernization strategy: formation of an interactive growth management system] / V. M. Polterovich (ed) // *Strategija modernizacii rossijskoj jekonomiki*. - S-Pb.: Aletejja, pp. 35–90.

V. E. Dementyev⁶. Confidence in the future as an economic development factor. The level of confidence in the future is considered as one of the important characteristics of the quality of life.

⁶ *Viktor Dementyev*, Principal Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47 Nakhimovsky Prospect, Moscow 117418, Russia), D. Sc. Econ., Professor, Corresponding Member of the RAS, e-mail: vedementev@rambler.ru

Social and economic well-being depends on what expectations prevail in a society. It is shown that the reduction of interest rates on loans is not a sufficient condition for overcoming investment pessimism. It is indicated that with low capacity utilization, cheap loans can lead to stagnation of industries, contributing to the preservation of the existing structure of used capacities. The quality of coordination of economic activity is considered as one of the factors of business confidence in the future. It is noted that the competitiveness of existing industries has a great impact on the formation of new industries in the economy. It is emphasized that the transition to the system of interactive strategic planning remains an urgent task for our country.

Keywords: human potential, quality of life, coordination, confidence of economic agents, competitiveness, strategic planning.

*О. А. Александрова*¹

**КРИЗИС РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:
«ЭКССЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ»
ИЛИ ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ?»²**

Пандемия COVID-19 обострила вопрос о ситуации в сфере здравоохранения и направлениях ее дальнейшего реформирования. Анализ нормативных и иных документов, а также данных социологических исследований говорит, что такие результаты реформы, как резкое сокращение доступности качественной медицинской помощи, дефицит медицинских кадров и др., не являются следствием «эксцесса исполнителя». Они запрограммированы всем ходом реформы здравоохранения, являвшейся целенаправленным и последовательным процессом, заказчиком которого выступали международные финансовые организации и транснациональный капитал. Рассмотрены проблемы, обусловленные существенным недофинансированием здравоохранения, а также многочисленными институциональными противоречиями, порожденными реформой. Утверждается, что такие «реформы» стали возможны из-за игнорирования реформаторами мнения медицинского сообщества и отсутствия в российском обществе необходимого уровня солидарности.

Ключевые слова: медицинская помощь, реформа здравоохранения, расходы на здравоохранение, медицинские страховые компании, ВТО, Всемирный банк.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-63-71

УДК 414.2

Ситуация в системе здравоохранения волнует всех. Серьезные проблемы наблюдались в ней и до пандемии COVID-19, но возникший форс-мажор с новой силой поставил вопрос о том, с чем связан кризис российского здравоохранения и что требуется для его преодоления. Очевидно, что поиску ответа на сакраментальное «Что делать?» должен предшествовать анализ ситуации, сложившейся в последние десятилетия. А именно: была ли реформа здравоохранения спонтанной и непродуманной; виноваты

¹ *Ольга Аркадьевна Александрова*, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (117218, РФ, г. Москва, Нахимовский проспект, 32), профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, e-mail: info@isesp-ras.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

ли в том, что ее плоды оказались горькими, какие-то нерадивые, безответственные, иногда вороватые, чиновники на местах, или это был целенаправленный процесс, последовательный, состоявший из взаимоувязанных элементов, и такие плоды были неизбежны, запрограммированы? Конечно, реформаторам здравоохранения хотелось бы представить дело так, будто причиной кризисных явлений в отрасли является «эксцесс исполнителя». Однако, если рассматривать картину происходившего во всей полноте, то нельзя не заметить системный характер реформы и, соответственно, неслучайность ее результатов (прежде всего резкого снижения доступности для значительной части россиян качественной медицинской помощи). Осознание этого должно позволить научному сообществу и обществу в целом сформировать консолидированную позицию в отношении направлений дальнейшего реформирования системы здравоохранения и на этой основе оказывать влияние на структуры, принимающие решения.

Наши выводы основаны на серьезной информационной базе, сформированной в рамках исследования реформы бюджетных учреждений и непосредственно системы здравоохранения в течение последних десяти лет. Помимо документов, нормативно оформлявших реформы, источниками информации служили социологические исследования, проведенные в регионах и столице: массовые опросы врачей и среднего медперсонала, глубинные структурированные интервью с руководителями региональных структур управления здравоохранением, главврачами медицинских организаций, представителями медицинских вузов, колледжей, организаций дополнительного образования для медиков, экспертами в области организации здравоохранения – экономистами; специалистами в области государственного управления; юристами, специализирующимися в области медицинского права; представителями организаций, защищающих интересы пациентов и т. д.³

Рассмотрение причин кризиса российского здравоохранения начнем с его финансирования. В начале 1990-х гг. под предлогом необходимости увеличения бюджета началось внедрение в российское здравоохранение страховых принципов. Однако это только усугубило проблему: существенная часть бюджетных ассигнований стала оседать в медицинских страховых компаниях, а также в банках, занимающихся проводкой денег, компенсирующих лечебным учреждениям произведенные затраты. Эксперты обращают внимание на важный институциональный момент: медицинские страховые компании, по сути, таковыми не являются: страховщиком является государство, они же – лишь посредники между государством и государственными учреждениями. Более

³ Речь идет о проекте «Прогноз последствий реформы бюджетных учреждений» (2011–2012 гг.); пилотном опросе столичных врачей и пациентов (2014 г.); исследованиях «Развитие управленческих кадров медицинской организации как инструмент повышения эффективности российского здравоохранения» (2017–2018 гг.); «Развитие кадров столичного здравоохранения» (2019–2020 гг.) и др. Подробнее об их методологии и результатах см.: *Александрова, О. А., Ненахова, Ю. С.* Человеческий потенциал России и реформа социальной сферы // *Народонаселение*. 2012. № 4 (58). С. 51–59; *Александрова, О. А.* Реформа бюджетных учреждений: мнение пациентов и врачей // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. Т.7. №1 (25). С. 54–63; *Александрова, О. А., Комолова, О. А.* Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: ч. 1 и 2 // *Народонаселение*. 2018. Т. 21. № 4. С. 96–108; 2019. Т. 22. №1. С. 79–91; *Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения / А. В. Ярашева, О. А. Александрова, Е. И. Медведева, Н. В. Аликперова, С. В. Крошили* // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т.13. №1. С. 174–190 и др.

того, налицо явный конфликт интересов: с одной стороны, медицинские страховые компании должны защищать права застрахованных (пациентов); с другой стороны, как у любой ориентированной на извлечение прибыли коммерческой компании у них есть мотив, во-первых, экономить на объемах медицинской помощи (сэкономленные средства идут в доход этих компаний), под тем или иным предлогом не компенсируя медицинским учреждениям затраченные ими средства; во-вторых, их прибыль формируется за счет штрафов, поэтому они заинтересованы в некачественной медицине. При этом эффект от наложения штрафов весьма невысок, поскольку: 1) недостатки в работе учреждений нередко обусловлены объективными причинами, придирки страховщиков носят сугубо формальный характер (например, лечебному учреждению не возмещают затраты на оплату работы хирурга, выполнявшего операцию, когда формально он находился в отпуске – специалиста срочно вызвали на работу, не успев оформить отзыв из отпуска); 2) санкция накладывается не на совершившего оплошность медработника, а на учреждение в целом; 3) существуют коррупционные механизмы улаживания разногласий между лечебными учреждениями и страховыми компаниями. Более того, как подчеркивали наши эксперты, для России, имеющей советский опыт организации здравоохранения, переход к рискованной страховой медицине – откат назад, поскольку именно государство, и оплачивающее, и оказывающее общедоступную медицинскую помощь, стало логичным конечным звеном в развитии системы здравоохранения, начавшемся когда-то с больничных касс.

Теперь непосредственно об объемах финансирования здравоохранения, которые особенно примечательны в рамках международных сравнений. В России расходы на здравоохранение стабильно составляют менее 4 % ВВП, а средние показатели по странам ЕС – выше 7 % ВВП, и даже страны Восточной Европы, имеющие близкий к российскому доход на душу населения (Чехия и др.), тратят на здравоохранение в 1,4 раза больше, чем Россия⁴. Из-за существенного недофинансирования принимаемые медицинским ведомством документы, регламентирующие процесс оказания медицинской помощи и призванные обеспечить ее качество (стандарты, порядки и клинические рекомендации), не имеют под собой экономической базы. При этом от лечебных учреждений требуют выполнения указанных регламентов, что ставит их в уязвимое положение перед многочисленными контролерами и вынуждает прибегать к заимствованиям – в результате растет их кредиторская задолженность. Ограниченное бюджетное финансирование приводит к тому, что при госпитализации медицинским организациям компенсируют расходы на лечение только одного конкретного заболевания, хотя такой подход явно противоречит как интересам больных, нередко имеющих целый «букет» серьезных заболеваний, так и абсолютно верному принципу «лечить больного, а не болезнь», которым привыкли руководствоваться наши врачи.

Возникает вопрос: может быть, скромный объем бюджетных ассигнований объясняется отсутствием средств? Отнюдь: например, в 2018 г. на три ближайших года в федеральном бюджете был запланирован профицит: на 2019 г. – в размере 1,9 трлн рублей, на 2020 г. – 1,2 трлн рублей, на 2021 г. – 0,9 трлн рублей. Для сравнения: на реализацию в 2018–2024 гг. разрекламированного национального проекта «Здравоохранение» планировалось потратить 1,7 трлн рублей, что меньше размера профицита, запланированного на 2019 г.

⁴ Заключение «О расходах бюджетов бюджетной системы РФ по разделу «Здравоохранение» на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: https://www.vshouz.ru/docs/budget_zakl.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

К сожалению, ситуация, когда шумиха вокруг социально значимого проекта абсолютно не соответствует распределению имеющихся у государства средств, не нова. Так, в еще вполне «тучном» 2007 г. на все «приоритетные национальные проекты» («Образование», «Здравоохранение», «Доступное жилье», «Поддержка АПК») в совокупности было направлено 240 млрд рублей, при этом профицит бюджета в том же году составил 1502 млрд рублей, еще 10 000 млрд рублей тогда же были «заморожены» в Стабилизационном фонде и в непомерно раздутых золотовалютных резервах⁵.

Проблема недостаточного финансирования отрасли усугубляется неверно выбранными приоритетами расходования средств. Вместо укрепления первичного звена, призванного предупреждать развитие и хронизацию болезней и последующую инвалидизацию населения, сегодня в России непропорционально большие средства направляются в крупные медицинские центры (в том числе перинатальные)⁶, оказывающие высокотехнологичную помощь.

Нехватка бюджетных средств; требования, противоречащие реальным возможностям медицинских организаций; стимулирование корыстных мотивов и создание условий для их реализации приводят к припискам и фальсификациям. И делается это не только на бумаге: эксперты говорят о проблемах массовой гипердиагностики, когда пациентам без достаточных оснований ставят диагнозы, за лечение которых медицинским учреждениям будут перечислены существенные суммы. Имеет место и обратное – гиподиагностика в отношении больных, которых невыгодно держать на больничных койках. Более того, даже без приписок финансово стимулируемый пресловутый «вал», на который ориентируют лечебные учреждения, прямо противоречит такой важнейшей миссии здравоохранения, как профилактика заболеваний. Одновременно имеет место фальсификация успехов реформы здравоохранения, что вынуждены признавать и ее организаторы⁷.

По словам наших экспертов, в частных беседах представители органов управления здравоохранением признают, что государство, не выделяя до половины от необходимого лечебным учреждениям финансирования, исходит из того, что остальное они доберут за счет платных услуг, т. е. стимулирует медицинские организации к тому, чтобы принудить пациентов платить. И действительно: в результате такого намеренно-

⁵ Александрова, О. А. Расходы бюджета как показатель реального вектора социальной политики // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: Сб. материалов IV Международной науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Ярашевой, О. А. Александровой, Н. В. Аликперовой. Обнинск: ОАО «Фабрика офсетной печати», 2019. С. 12–14.

⁶ Подробнее см.: Александрова, О. А. Усилия по выхаживанию глубоко недоношенных детей и «оптимизация» в образовании и здравоохранении: нет ли противоречия? // Перспективы международного взаимодействия России с зарубежными странами в социально-экономической и гуманитарной сферах: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Д. Байрамова, И. Л. Литвиненко. М.: МГГЭУ, 2018. С. 89–92.

⁷ В 2018 г. получил подтверждение факт массового манипулирования показателями смертности от заболеваний, по которым были установлены целевые показатели. Так, поскольку действовавшая в 2008–2012 гг. программа, а затем и майские указы президента 2012 г. требовали снижения смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, эти показатели стали резко снижаться, а показатели смертности от старости и «прочих» болезней расти. См.: Линделл, Д., Звездина, П., Янаев, Д. Старость и «другие»: что не так со статистикой смертности россиян. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/12/2018/5c13be709a794763085f768c> (дата обращения: 15 января 2020 г.).

го недофинансирования оплата населением медицинских услуг из собственных карманов уже заметно превысила как соответствующий показатель в развитых странах, так и пороговое значение, рекомендуемое ВОЗ.

Подобная политика не случайна. С некоторых пор медицинская помощь, еще недавно являвшаяся социальным благом, была переведена в разряд услуг – так Россия готовилась к вступлению во Всемирную торговую организацию (ВТО). Неотъемлемой частью права ВТО является Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), которое относит здравоохранение к услугам (наряду с образованием и т. п.). ГАТС ВТО предусматривает, во-первых, непрерывную либерализацию сферы услуг, отказ от которой существенно затруднен; во-вторых, равные условия для национальных и иностранных поставщиков услуг; в-третьих, контроль над национальным законодательством через ежегодный отчет стран-участниц о новациях в законодательстве. И орган по разрешению споров (Суд ВТО) вправе потребовать их отмены, если сочтет, что они ограничивают свободную рыночную конкуренцию – несмотря на доводы стран о том, что законодательная новация призвана обеспечить реализацию гарантированных социальных прав [1]. Идейной основой подобной трансформации подхода к социальной сфере является неolibеральная идеология, согласно которой государство должно быть «компактным», а выполнение государственных функций следует передать бизнесу. Очевидно, что тем самым решается двойная задача: открытия для транснационального капитала новых рынков и подспудного размывания суверенитета государств.

В рамках подготовки к присоединению к ВТО было сделано несколько попыток радикальной реорганизации работы учреждений бюджетной сферы, нацеленной на коммерциализацию социальных отраслей. Сначала в 2006 г. был принят закон «Об автономных учреждениях»⁸, однако тогда инициаторам закона не удалось широко внедрить эту организационно-правовую форму. Поэтому в 2010 г. был принят закон №83-ФЗ⁹, техническое название которого абсолютно не отражало его суть, заключавшуюся в создании экономических стимулов и правовой основы для стремительной коммерциализации деятельности государственных организаций, в том числе медицинских. Заметим, что еще на этапе обсуждения проекта этого закона в Государственной Думе его многочисленные оппоненты (среди них – Профсоюз работников здравоохранения РФ) предупреждали: при сохранении текущего уровня бюджетного финансирования его принятие приведет к росту объема платных медицинских услуг, массовому сокращению количества медицинских учреждений и их работников, снижению качества и доступности медицинской помощи и т. д. Проведенные нами исследования в Московской области (2011 г.) и в пяти регионах России (2012 г.) выявили аналогичные ожидания у большинства руководителей медицинских организаций, в частности, «оптимизацию» сети лечебных учреждений ожидали 2/3 главврачей.

Заметим, что опрошенные тогда же жители областных центров были абсолютно не осведомлены о грядущих изменениях. Но в ходе массового опроса, отвечая на вопрос, как они поведут себя в случае перевода существенной части медицинской помощи на платную основу, большая доля горожан еще до всех «внешних шоков» и после-

⁸ Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/ (дата обращения: 09.01.2021).

⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 № 83-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 09.01.2021).

дующего снижения реальных доходов населения указывала, что от платных услуг в поликлиниках и стационарах им придется отказаться (частично или полностью)¹⁰.

К сожалению, свою лепту в прошедшую «оптимизацию» сети учреждений здравоохранения и их штатов внесли «майские указы» президента (2012 г.), поскольку содержащееся в них требование существенного повышения заработной платы медиков не сопровождалось выделением дополнительных бюджетных ассигнований. Вместо этого финансовое ведомство потребовало от учреждений здравоохранения сократить «неэффективные расходы», к ним были отнесены ... больничные койки и медперсонал, о нынешней нехватке которых столь ощутимо напомнила пандемия COVID-19.

Проведенное нами за год до начала борьбы с новой коронавирусной инфекцией исследование кадрового обеспечения столичного здравоохранения свидетельствует о серьезном негативном влиянии прошедшей «оптимизации» на работу столичных медиков (Москва, как известно, была здесь в числе лидеров). Так, еще в 2019 г. на вопрос о рабочей нагрузке 52 % врачей в поликлиниках и 60 % врачей в стационарах отвечали, что «очень устают», а 22 и 16 %, соответственно, – что «работают на пределе сил» (распределение ответов среднего медперсонала, занятого в поликлиниках и больницах, соответственно: 47 и 46 % – очень устают и 21 и 19 % – работают на пределе сил). И важной составляющей явно избыточной нагрузки, помимо непомерного объема отчетности, стали последствия «оптимизации». О том, что такая интенсивность их труда связана с «необходимостью выполнять функции недостающего или отсутствующего персонала», в среднем по выборке сообщили 44 % медиков (среди медицинских сестер, работающих в амбулаторном звене, – 52 %). В ответах на вопрос, какие стороны работы затрудняют ее качественное выполнение, вновь говорилось о «завышенных нормах обслуживания пациентов» (32 % врачей и 35 % медсестер в поликлиниках и 20 % врачей и 17 % медсестер в стационарах) и связанном с этим «психологическим дискомфортом при работе с пациентами», более заметно проявляющимся у медиков из поликлинического звена [2].

Отметим, что неангажированные эксперты своевременно предупреждали не только о неизбежной при такой «оптимизации» количественной нехватке медперсонала, но и об уроне, который очередные реформы (теперь уже в системе медицинского образования) нанесут профессиональной подготовке медицинских кадров, а, в конечном итоге, качеству медицинской помощи. Так, в 2011 г. в период обсуждения проекта закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в «Медицинской газете» было опубликовано открытое письмо¹¹, в котором говорилось, что проект закона открывает возможность для упразднения интернатуры, а это в корне неверно, поскольку во многом именно от квалификации врачей первичного звена, их способности верно поставить диагноз и назначить лечение зависит здоровье основной массы пациентов. Этот прогноз также сбился: сегодня работать в амбулаторные учреждения приходят выпускники вузов, которые, по словам опрошенных нами главврачей, боятся пациентов, не имеют необходимых мануальных навыков и т. д. В результате и без того

¹⁰ Подробнее см.: *Александрова, О. А.* Качество жизни и реформа бюджетных учреждений: почему все не так? // От качества жизни – к качеству народонаселения: сб. статей участников конференции в рамках программы «МЭФ-2016» / отв. ред. В. В. Локосов; ред.-сост. Е. В. Моргунов. М.: Вариант, 2017. С. 6–25.

¹¹ *Улумбекова, Г.* Открытое письмо академикам и членам-корреспондентам Российской академии медицинских наук // Медицинская газета. №82 от 26.10.2011.

перегруженный работой медперсонал вынужден заменять собой упраздненную интернатуру¹².

Еще одно следствие перевода здравоохранения из категории социальных благ в коммерциализированную услугу – превалирование финансистов и менеджеров над клиницистами. Опыт стран, где к управлению медицинскими организациями стали подходить с позиций бизнеса, говорит о серьезном конфликте между медиками и администраторами, обусловленном принципиальными различиями в понимании своей миссии, организационной культуре и т. д. Следствиями сложившейся диспозиции становятся ускоренное профессиональное выгорание врачей, недостаточное внимание к пациентам и иные негативные эффекты, снижающие качество медицинской помощи [3].

Отчетливо проступающий через совокупность логически взаимоувязанных элементов целенаправленный характер реформы здравоохранения ставит вопрос о природе заложенных в нее концепций и настойчивости в их реализации. Ответ на него находим, в частности, в интервью ряда известных российских медиков и организаторов здравоохранения. Так, в 2005 г. вышел ряд материалов, недвусмысленно указывающих на инициаторов и проводников подобных реформ. Появление интервью было связано с начавшейся перестройкой амбулаторно-поликлинической службы (переходом к так называемым врачам общей практики), угрожавшей упразднением педиатрического звена и в целом отказом от ключевых принципов «системы Семашко». В связи с этим Э. Нечаев, возглавлявший Министерство здравоохранения и медицинской промышленности в 1992–1995 гг., вспомнил, что с идеей перехода на новые принципы медицинского страхования и внедрения системы врачей общей практики к нему обращались представители Всемирного банка, заодно предлагавшие России взять кредит на реализацию этих реформ. По словам экс-министра, поняв, что эта программа «рассчитана на отсталые страны, а не на страну с развитой медицинской и общечеловеческой культурой», он наотрез отказался от предложений Всемирного банка, который ... «нашел другие способы для проведения реформы в нашей стране».

Когда спустя десятилетие, руководство Минздрава приступило к осуществлению реформы по лекалам Всемирного банка¹³, Э. Нечаев предостерегал: «Наше здравоохранение всегда было направлено именно на заботу о человеке, сейчас мы это величайшее достижение можем потерять навсегда»¹⁴. Тогда же известный детский врач Л. Рошаль рассказал о стремлении руководства Минздрава скрыть от медицинской общественности планы по реформированию амбулаторно-поликлинического звена: хотя соответствующий приказ был издан и зарегистрирован в Минюсте в феврале 2005 г., опубликовали его лишь месяц спустя – уже после окончания работы Всероссийского съезда педиатров, который несомненно выступил бы против подобных преобразований. Как и Э. Нечаев, Л. Рошаль указывал, что «родоначальником проекта является Всемирный банк», который не только продвигает эти идеи, но и дает заем на их реализацию. При этом, подчеркивал Л. Рошаль, разработчики реформ как будто не замечают, что в России проблема не в подходах к организации медицинской помощи, а в двукратном недофинансировании здравоохранения. Его собственный прогноз: «...специалисты Центра

¹² Подробнее см.: Управленческие кадры в московском здравоохранении: поиск ответов на актуальные вопросы / О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Е. И. Аксенова, Н. В. Аликперова, Ю. С. Ненахова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. №5. С. 522–528.

¹³ Скрытый перелом. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2005/10/20/24050-skrytyy-perelom> (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁴ Гончарова, О. Диагноз // Новая газета. 11.04.2005.

стратегических разработок (основной разработчик российских реформ с начала 2000-х годов – прим. авт.) решили ввести врачей общей практики за счет сокращения всех узких специалистов в поликлиниках, включая и педиатрическую службу, одну из лучших в мире. Это приведет к росту детской заболеваемости, инвалидности и смертности. Также планируют сократить стационары и перенести нагрузку на поликлиники»¹⁵.

На то, что разрушительные реформы здравоохранения навязываются России Всемирным банком, не раз указывал директор Научного центра здоровья детей академик РАМН А. Баранов. Когда в 2004 г. в проекте Концепции развития здравоохранения появился пункт о введении врачей общей практики с передачей им функций приговоренных к упразднению женских консультаций и педиатрических отделений, он заявил, что в России через участвовавших в разработке Концепции экспертов Всемирного банка пытаются внедрить систему, «разработанную ВОЗ для слаборазвитых стран»¹⁶. Союз педиатров России решительно отверг эту идею, однако уже через год была осуществлена новая попытка внедрить врачей общей практики, хотя в регионах, проводивших подобный эксперимент, росло число вызовов к детям «скорой помощи» и детская смертность. Благодаря протестам медицинской общественности, напоминавшей реформаторам, что сложившаяся в СССР педиатрическая служба славилась низкими показателями хронизации заболеваний и инвалидизации у детей, массовой замены педиатров на врачей общей практики тогда осуществить не удалось. Но попытки продолжались: как указывал (теперь уже в 2015 г.) академик А. Баранов, «где-то в недрах чиновничьего сословия такая пагубная идея продолжает жить», и пояснял причины ее живучести: «Почему нам все время пытаются ее навязать – понятно. Система врачей общей практики дешевле (вместо 2–3 узких специалистов работает один)»¹⁷. И как мы видим, в относительных величинах объем расходов на здравоохранение с тех пор практически не вырос, сеть лечебных учреждений и их штатов «оптимизирована», а в медицинских вузах массово готовят врачей общей практики, которые, как говорили нам эксперты, боятся иметь дело с детьми, поскольку им не преподают существенную часть курса педиатрии [2].

Итак, выполненный анализ позволяет утверждать, что реализовавшиеся в постсоветский период реформы здравоохранения не были спонтанными и непродуманными. Напротив: если иметь в виду интересы их заказчиков и проводников, то они были целенаправленными, логичными и последовательными, а их негативные для значительной части населения и медиков результаты были запрограммированы. Своевременные предупреждения представителей медицинского сообщества, других ученых и специалистов игнорировались – в отличие от советов наднациональных организаций и лоббистов транснационального и отечественного капитала.

В то же время нельзя не признать: реализация разрушительной реформы здравоохранения стала возможной в силу отсутствия в российском обществе необходимого уровня солидарности. Когда те или иные составляющие реформы начинали реализовывать, когда государственную медицину нещадно «оптимизировали», и медики пытались протестовать, основная масса населения полагала, что это проблемы протестующих. Но выяснилось, а пандемия COVID-19 сделала это еще более очевидным, что проблемы здравоохранения – это проблемы всего общества, а не отдельной професси-

¹⁵ Гончарова, О. Прогрессирующее заболевание чиновников Минздрава: свинка-копилка // Новая газета. 18.04. 2005.

¹⁶ Горбачева, А. Союз педиатров против Минздрава России // Независимая газета. 20.02.2004.

¹⁷ Борта, Ю. Кто вылечит детей? Зачем в России пытаются упразднить педиатров // Аргументы и факты. 27.02.2015.

ональной группы. Будем надеяться, что этот печальный опыт не останется для нашего общества «невыученным уроком».

Список литературы

1. Ждановская, А. Почему, все же, ГАТС ведет к коммерциализации общественных благ? / А. Ждановская, Е. Гоулд. URL: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_vto_inform_ellen_gould_ekspert_po_gats_kanada_pochemu_vse_zhe_gats_vedet_k_k/ (дата обращения: 29.11.2020).
2. Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения / отв. ред. Е. И. Аксенова, науч. редакторы: О. А. Александрова, А. В. Ярашева. – М.: НИИ ОЗ ММ ДЗМ, 2019. – 244 с.
3. Enock, K., Markwell, S. Interactions between managers, doctors and others. URL: <https://www.healthknowledge.org.uk/public-health-textbook/organisation-management/5a-understanding-itd/interactions> (дата обращения: 15.09.2018).

References

1. Zhdanovskaya A., Gould E. (2020) Pochemu, vse zhe, GATS vedet k kommercializacii obshchestvennyh blag? [Why Does the General Agreement on Trade in Services Lead to Commercialization of Public Goods?]. URL: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_vto_inform_ellen_gould_ekspert_po_gats_kanada_pochemu_vse_zhe_gats_vedet_k_k/ (accessed on 29.11.2020).
2. Alexandrova E.I., Yarasheva A.V. (2019) Razvitie kadrovogo potentsiala stolichnogo zdruvoohranenija [Development of HR Potential of Moscow Healthcare]. Moscow: NII OZ MM DZM.
3. Enock K., Markwell S. (2018) Interactions between managers, doctors and others. URL: <https://www.healthknowledge.org.uk/public-health-textbook/organisation-management/5a-understanding-itd/interactions> (accessed on 15.09.2018).

O. A. Aleksandrova¹⁸. Crisis of Russian healthcare: ‘excess perpetration’ or pre-programmed outcome? The COVID-19 pandemic further exacerbated the issue of the situation in the health care system and the directions for its further reform. An analysis of the transformation of the health care system based on the study of regulatory and other documents, as well as data from sociological studies witnesses that such results of reform as a sharp reduction in the availability of quality medical care, a shortage of medical personnel, etc. are not a consequence of the “excess of the implementer”, but are programmed by the course of health care reform, which was a purposeful and consistent process, the customer of which was international financial organizations and transnational capital. The article examines the problems caused by the significant underfunding of health care, as well as the numerous institutional contradictions generated by the reform. It is concluded that the reforms that led to such results became possible due to, first, the reformers ignoring the opinion of the medical community and, secondly, the lack of the necessary level of solidarity in Russian society.

Keywords: medical care, health care reform, health care spending, health insurance companies, WTO, World Bank.

¹⁸ Olga Aleksandrova, Deputy Research Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218 Russia), Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, e-mail: info@isesp-ras.ru

Д. Р. Белоусов¹

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЕРИОДА:
К ВЫРАБОТКЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА СРЕДНЮЮ
И ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ²**

Анализ экономической и социальной ситуации приводит к выводу о том, что мир вступает в полосу глобальной нестабильности и противоречий. Налицо кризис компенсаторных и базовых институтов; человек из субъекта исторического процесса превращается в объект управления; резко усиливаются противоречия на разных уровнях; конфликт труда и капитала с учетом национального характера труда и глобального характера капитала. Производство, сфера безопасности, прикладная наука регионализуются, а финансовая и институциональная системы остаются глобальными. Усиливаются информационные и торговые войны. В условиях многоуровневого кризиса трудно предсказать, каким будет новый социальный порядок, но переход к нему будет непростым, с большой вероятностью (макро-) региональных конфликтов.

Ключевые слова: противоречия перспективного периода, глобальная нестабильность, технологическое развитие, производительность, конкурентные преимущества, человек как объект социальных технологий.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-72-80

УДК 330.352

1. Основная проблема, касающаяся анализа долгосрочных процессов, состоит в том, что вместо ожидавшегося некоторыми исследователями начала периода «технологической гармонии», рациональным образом разрешающей имеющиеся противоречия, мы получаем более противоречивый и турбулентный мир.

Происходящие процессы и объективная логика развития экономической и социальной ситуации подтверждают, что мы вступаем в эпоху не глобальной гармонии, а новой глобальной нестабильности, усиления старых полей противоречий и возникновения новых. Против ожиданий, мы вступаем в эпоху дисбаланса, из которого и родится новый социальный порядок. Какой – мы пока не знаем.

¹ Дмитрий Рэмович Белоусов, руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, РФ, Москва, Нахимовский пр., д. 47), канд. экон. наук, e-mail: DBelousov@forecast.ru

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

2. Мир вступает в полосу глобальной нестабильности. Обсуждать социальную повестку дня, развитие общества и гуманитарной сферы придется в условиях многоуровневого кризиса:

- компенсаторных и базовых институтов (статус должника и кредитора, справедливая стоимость активов в эпоху «экономики пузырей», правосудие и санкции в эпоху «highly likely» – когда санкции, включая изъятие активов, накладываются без решения суда);

- человека в эпоху становления моделей социального управления, «постправды» и «настройки на пользователя» сетевого информационного контента.

С одной стороны, мы находимся в ситуации кризиса как компенсаторных, так и базовых институтов. Достаточно сказать, что глобальный должник (США) накладывает санкции на своих кредиторов – Китай и Россию. И мир это принимает. Должник является держателем системы институтов, в рамках которых он предъявляет претензии кредиторам, в том числе по активам (характерные примеры – дело Huawei или Дерипаски).

Какова «справедливая» стоимость активов в цифровую эпоху? Цифровые платформы, размещающие бумаги на глобальных рынках, стоят дороже Газпрома, за которым стоят и запасы сырья, и инфраструктура, и производственные мощности. При этом их капитализация существует под ожидание роста – причем сумма программ развития ведущих платформенных компаний несовместимы. Заметим, что эта экономика уже давно не является виртуальной: так, соответствующие бумаги становятся, например, обеспечением кредитов компаниям, производящим вполне себе физические товары и услуги. Соответственно вполне вероятный кризис на рынке бумаг сектора ИТ приведет к глубокому коллапсу реального сектора (не говоря уже об аспекте оценки рисков управления пакетами активов и т. д.) с соответствующими последствиями для занятых и т. п.

С другой стороны, очень быстро меняется сам человек. Принято считать, что человек – это субъект исторического процесса. Сегодня мы наблюдаем за становлением системы рынка образов, установлением системы социального, группового управления контентом информационного, настроенного на персонального пользователя. И это, превращая человека (и как личность, и как участника общественного процесса) в объект управления, «проблематизирует» саму концепцию человека как мерила и субъекта процессов в экономике и обществе.

3. Все это происходит на фоне резкого усиления противоречий

Первый уровень – противоречие глобального с национальным. Конкретно речь идет о противоречии между глобальными сетями институтов (в том числе финансовых), информации, соответствующих инфраструктур – и национальных государств.

Второй уровень – противоречие между национально «приземленным» производством и глобальным потреблением, финансами и технологиями.

С одной стороны, производство осталось «здесь». Люди работают (за исключением айтишников, людей «новых профессий» и т. д.) на конкретном предприятии, в конкретном городе, в своей стране.

При этом они потребляют продукцию со всего мира. Даже при низкой зарплате, работая на предприятии, откуда их не могут уволить в силу социальных причин (просто некуда), они все равно являются объектами глобальной социальной рекламы, глобальной маркетинговой политики, пользователями торговых сетей и т. д. Во всем мире потребители приобретают товары, произведенные глобальными компаниями, рекламируемые в рамках глобальных рекламно-информационных кампаний (в том числе

глобальными корпорациями ИТ-инфраструктуры, например Google) и поставляемые глобальными же торговыми площадками, такими, как Amazon.

Дополнительная проблема заключается в том, что новейшие технологии, выстроенные вокруг ИТ-сектора, трансграничны. Айтишники собирают свою работу по всему миру, финансисты работают по всему миру, ученые участвуют в глобальных проектах.

Один из наглядных результатов: массовые социальные движения привели, как правило, к ухудшению социальной ситуации на местах и улучшению ситуации у глобальных игроков, получивших, например, массовую трансграничную миграцию, сдерживающую удорожание труда.

Заметим, что вне наиболее развитых стран отсутствуют принципиально важные компоненты, обеспечивающие включенность на ключевой позиции в формирующуюся мировую «экономику цифровых платформ».

В условиях стремительной цифровизации создаются цифровые гиганты, контролирующие ключевые сервисы и инфраструктуру цифровой экономики глобального масштаба. С одной стороны, это ускоряет и удешевляет цифровую трансформацию деловых и общественных процессов; с другой – монополизирует рынки, препятствует возникновению конкуренции, ставит под контроль владельцев «цифровых гигантов» деятельность предприятий и организаций по всему миру. Они обладают свойствами, позволяющими им не только стабильно удерживать, но и улучшать свои рыночные позиции, управлять созданием и развитием огромных рыночных сегментов. Крупнейшие предприятия цифровой экономики:

- обеспечивают точки роста и развития новых технологий, скупают технологические разработки по всему миру, стремятся захватить несформировавшиеся рынки;
- определяют стандарты рынков, создают и продвигают новые бизнес-модели; рыночная и экономическая сила таких национальных цифровых чемпионов позволяет структурировать (в том числе вокруг соответствующих платформ) не только свой, но и иностранный бизнес, а в ряде случаев – информационные потоки и формы общественной активности;
- привлекают значительные капиталы. Сейчас практически все компании из Топ-10 индекса Nasdaq по капитализации имеют свои глобальные платформы и экосистемы, а часть компаний с помощью своих экосистем управляют глобальными ИКТ-инфраструктурами.

Сегодня ни одна российская корпорация не управляет глобальными цифровыми платформами, не влияет на глобальную инфраструктуру цифровой экономики – это делают американские, европейские и китайские корпорации.

Третий уровень – противоречие между локальным трудом и глобальными технологиями, становящимися все более малолюдными. Похоже, это проекция классического «марксистского» конфликта труда и капитала на новый мир глобальной конкуренции – с учетом национального (а то и локального – в рамках конкретного государства) характера труда и глобального характера капитала.

В силу сочетания малолюдности новых технологий и глобального характера конкуренции эта проблема не имеет простых решений, в том числе в рамках популярных идей «левого поворота» в экономике и политике России. Заметим, что неотъемлемой частью пути Китая к модернизации экономики и общества стал кризис госпредприятий 1990-х гг. – выгнавший на улицу и обрушивший в бедность миллионы людей (с жуткими историями – с оргпреступностью, с проституцией...). Одновременно возник запас дешевой и первично квалифицированной рабочей силы под приход иностранного капитала (так, сворачивание пусть и устаревших, но профильных произ-

водств, например в автопромышленности, обеспечило кадрами с базовой квалификацией новый, базирующийся на притоке иностранных капиталов и инвестиций, автопром Особых экономических зон).

Мы – вместе с остальными модернизирующимися странами – стоим перед дурной дилеммой. С одной стороны, мы вынуждены участвовать в технологической гонке, потому что проигравший потеряет даже собственные внутренние рынки. С другой стороны, чтобы обеспечить себе позицию на мировых рынках, страны вынуждены экономить на издержках, повышать производительность труда. У нас потенциал такого роста производительности (для обрабатывающих производств) очень велик. Если брать за точку отсчета производительность труда в центрально-европейских странах (Венгрия, Польша, Чехия), то этот запас – примерно 30...50 %, а если взять экономически развитые страны (Германия, Италия, Норвегия) – разрыв примерно двукратный и больше (рис. 1).

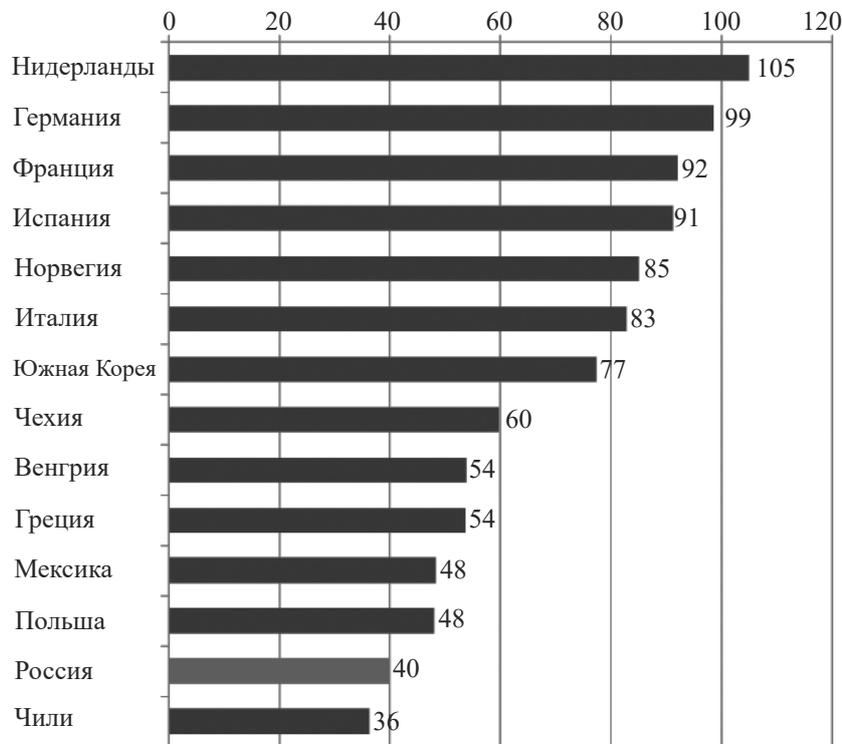

Рис. 1. Производительность труда в базовых несырьевых отраслях в 2015–2017 гг., тыс. долл. по ППС

При нынешних параметрах выпуска такой рост производительности будет означать массовое, миллионных масштабов, высвобождение занятых (рис. 2). Поскольку пойти на это мы не можем, в российской экономике образовался замкнутый круг: избыточная занятость – низкие зарплаты (чтобы удержать издержки компаний) – бедность занятых (и недопотребление населения) – барьер для сокращения занятости.

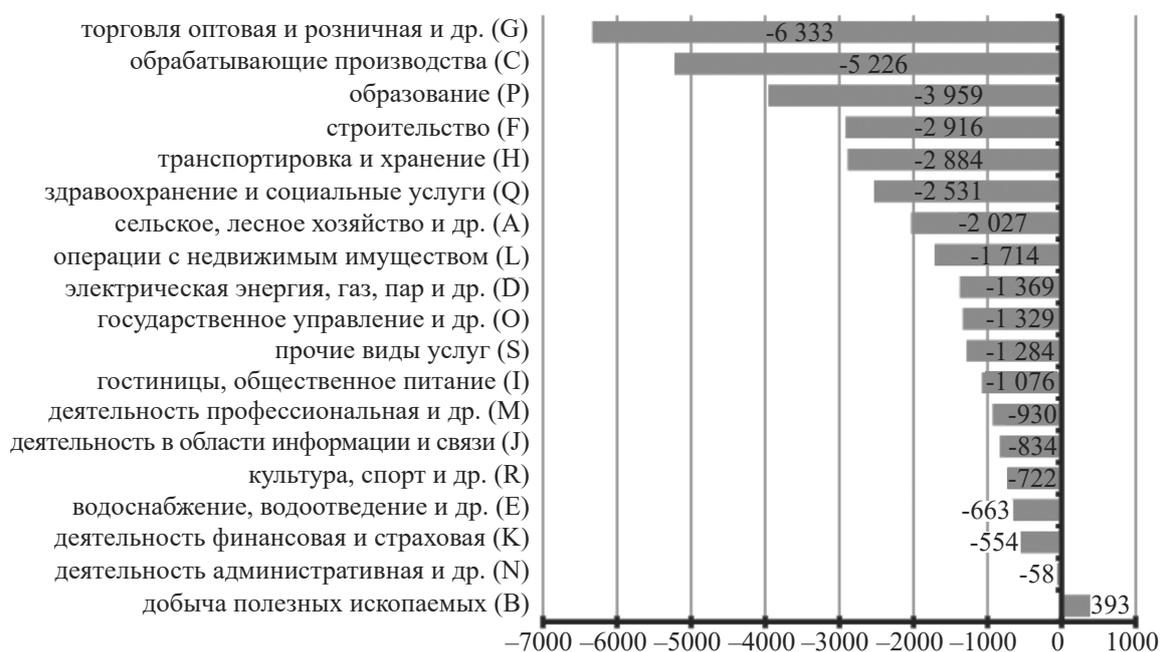

Рис. 2. Потенциал высвобождения занятых при выходе на нынешний уровень производительности труда Италии, тыс. чел.

Заметим, что ухудшение демографической ситуации, снижающее долгосрочное давление на рынок труда, создает «окно возможностей» для развития новых отраслей за счет горизонтального маневра занятыми между отраслями. Но это – масштабная государственная задача, предполагающая создание соответствующей по масштабу системы профессионального переобучения (примерно миллиона человек в год), жилищного строительства (80...100 млн м² в год) и новых центров роста.

Если мы не сможем пройти по этой достаточно тонкой грани, одновременно сворачивая производство в одном месте (и в отраслевом, и в территориальном отношении) и разворачивая в другом, в больших масштабах переобучая и перемещая людей, то мы либо получим кризис торгового баланса (из-за кризиса конкурентоспособности российских товаров и роста импорта) и выбор между девальвацией и масштабным спадом производства, либо крайне негативную социальную ситуацию (как когда-то в Китае). У нас уже есть определенные стандарты отношений между обществом и людьми. Это – сложная, но реально выполнимая задача, которая находится в центре нашей экономической политики.

Четвертое противоречие – между развитием и стабильностью. Это противоречие выходит на проблему технологического развития и социальных (этических) ограничений на него; промышленное развитие, создающее пространство для социального развития, и ограничения промышленного развития в логике предотвращения изменения климата.

С одной стороны, налицо массовый запрос на стабильность:

- высоки риски развития – социальные (высвобождение занятых), давление на приросту, «новая конфликтность»;

• ухудшение демографического баланса и старение населения в развитых странах ведет к размыванию их конкурентных преимуществ плюс «новая ригидность» (усталость от постоянных перемен) и желание «остановить процесс».

По социальным причинам (старение населения и большие требования к социальному комфорту) технологическое развитие, скорее всего, трансформируется в направлении экологически нейтральных/ природоподобных технологий – передачи «бремени решений» (человеко-) машинным системам. **Закрепление достигнутых позиций старых игроков (ЕС) в перспективе будет, видимо, идти через апелляцию к «высокотехнологичному неразвитию» – через «углеродные стандарты» доступа на рынок, избыточные барьеры в части безопасности, этические требования к продукции, гуманитарные/социальные обременения для партнеров. Собственно, это – просто механизм извлечения «институциональной ренты» от накопленного потенциала развития.**

Для Евросоюза (который из-за старения населения, исчерпания природных ресурсов и технологического роста стран-конкурентов постепенно теряет классические конкурентные преимущества) это – стратегия, основанная на реализации преимуществ в технологическом развитии и в институтах. Отсюда – создание барьеров для входа на рынок самих стран ЕС и стран, которые войдут с ними в альянс по стандартам доступа на рынок (углеродному индексу, использованию труда несовершеннолетних, гендерному равенству, поддержке разнообразных меньшинств, в перспективе – этическим стандартам в сфере цифровой экономики и искусственного интеллекта и т. д.). Выполнение таких требований ограничит доступ на рынок продукции менее технологически развитым странам (включая Россию) и даст простор для реализации более дорогой европейской продукции.

С другой стороны, только развитие позволяет снять постоянно возникающие противоречия:

• создает противоречия и риски – и само снимет их, трансформируя себя и социальную среду;

• создает новые центры силы,двигающие развитие мировой экономики в целом – в Китае идет индустриализация-3, на этот раз она базируется на выстраивании полноценной национальной инновационной системы (приоритеты – ИКТ, новая энергетика, робототехника, социальные технологии).

Через развитие противоречия снять можно. А его остановка – даже под «этическими» лозунгами – приведет лишь к накоплению кризисного потенциала и его разрешению через коллапс социальной системы.

Часто звучат разговоры о том, что ради сохранения экологической ситуации, социальной и гуманитарной стабильности надо остановить развитие. В реальности итогом отказа от ускоренного развития станет консервация структуры сложившихся противоречий с попыткой зафиксировать существующее положение игроков (получающих ренту разных типов) в мировой экономике и политике. Напомним, что без промышленной революции в Германии и Британии не было бы ни общественных движений, ни более-менее приемлемой социальной ситуации, которая сложилась в Европе в золотой период, в 1950–1960-е гг., после восстановления экономики.

Все эти противоречия разворачиваются и будут разворачиваться на фоне масштабной трансформации глобального порядка: интеграция, дезорганизация и дезинтеграция идут одновременно.

С одной стороны, производство, прикладная наука и сфера безопасности регионализуются, а финансовая и институциональные системы остаются глобаль-

ными. Так, Китай успешно создал национальную инновационную систему «полного цикла», опирающуюся на «утилизацию» результатов глобальной науки. В США последние 10 лет развивается реиндустриализация.

Усиливается самообеспечение крупных центров силы энергоносителями – «сланцевая революция», «революция ВИЭ». Тема «сланцевой революции – это еще и история про самообеспечение США, точнее, североамериканского центра экономического роста, нефтью. Газ у них канадский (и американский), нефть – американская (и немедленно возросла жесткость американской политики в Персидском заливе и Венесуэле), набор сырьевых ресурсов и производственных технологий тоже немаленький.

С другой стороны, регионализации финансовых систем **не произошло**: проекты альтернативных валютных пространств (Asio, Динар, Алтын...) не заработали.

В конце 1990-х и начале 2000-х гг. активно обсуждались темы образования суверенных валютных пространств: ожидалось, что за 10...15 лет вслед за евро стартуют Asio, «нефтяной динар» Персидского залива, может быть, валютные системы Латинской Америки. Говорили даже про возможность валюты Африки (уж не знаю, на каких активах). Ничего из этого не взлетело, даже евро, в общем, не вполне полноценная глобальная валюта, ну а юань стал лишь отчасти конвертируемым.

Статус глобальных макрорегиональных институциональных пространств не определен, и их перспективы не вполне ясны. С одной стороны, на наших глазах возникли и торговые споры США и Китая, и «кризисный протекционизм» в пандемию. С другой – только что «штатовская» администрация смогла распространить национальную юрисдикцию на глобальный уровень (санкции против России по «активам Дерипаски» и «Северному потоку 2.0» и против Китая по Huawei). Ирландскому премьеру, если не ошибаюсь, пришлось объясняться с рабочими ирландских заводов, почему глиноземный завод останавливается из-за претензий американского правительства к русскому миллиардеру.

Противоречие между глобальной финансовой институциональной системой и макрорегиональными центрами силы, основанными на производстве, является главным – задающим условия для разрешения всех остальных.

Пока главные игроки ищут выход в технологической гонке. При этом **США опирается на глобальные научные сети кооперации, Китай – на трансформацию в своих целях их результатов через национальную инновационную систему и глобальную сеть сбыта.** Кто кого обгонит в технологиях, в способности создавать новые товары и их идеи, тот и победит в борьбе за ресурсы, рынки и позицию в экономике. Но боюсь, что этого будет мало.

В этой ситуации запускается новое перераспределение труда, глобальные интеграционные процессы и возникают новые игроки.

Налицо диада глобальных вызовов:

- институциональный вызов – перезапускаются глубокие интеграционные процессы: новая администрация США, видимо, перезапустит «глобальные партнерства». Тем временем в ходе саммита Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) подписано крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле (документ о Всестороннем региональном экономическом партнерстве – ВРЭП), ориентированное на Китай. Развивается китайский проект «один пояс и один Путь».

Это создает потенциал для формирования плотных кооперационных пространств, трансформирующихся в пространства безопасности. Между этими пространствами – напряженность.

• структурный вызов: ведущие страны мира ведут дело к новому перераспределению ролей и функций в глобальном разделении труда. Происходит новое перераспределение производственных потенциалов: реиндустриализация США, завершение «второй модернизации» Китая. Старый глобальный (дис-)баланс производства, сбережений, долгов и потребления – разрушен.

Велика вероятность новой волны (макро-)региональных конфликтов, сопровождающих дрейф «глобального центра силы» от США к Китаю.

Ситуация чем-то напоминает первые 10...15 лет XX в. Есть Британия, «правлящая морями», которая контролирует мировые торговые пути и мировой торговый порядок, и есть новые игроки, имеющие более конкурентоспособное производство, правда, не глобальное. Заметим, что в тот раз все закончилось очень плохо.

Подводя итог, можно сказать, что вся эта пестрая картина содержит *два фокуса противоречий*.

Первый – глобальное/национальное, которое будет выталкивать мир в серию кризисов. «Она [рецессия] действительно странная. Вспоминая русский язык, стоит говорить не о буквах латинского алфавита, а о какой-то Ш-образной кривой восстановления, если использовать русские буквы [в другом переводе – «если обратиться к безднам русского языка» – Д. Б.]... нас ждут какие-то «американские горки»... Это же война на истощение, поэтому наличие запасов — это важно». Эти слова заместителя директора исследовательского департамента МВФ Антонио Спилимберго дорогого стоят. Никакого гладкого перехода к новой ситуации не будет и быть не может. Не будет устойчивого развития. Развитие будет, но неустойчивое, через серию кризисов и турбулентностей. Или не развитие, еще более неустойчивое.

И второй фокус – это вопрос, на который у нас нет ответа: человек – он субъект развития общества или объект приложения социальных технологий? Раньше нам казалось, что есть человек-субъект, к которому можно адресоваться, который что-то будет делать, меняя общество и себя самого. Сейчас мы видим, что человек – это то, что может быть легко трансформировано и управляемо, он может действовать во вред собственным интересам, в том числе социальным, и т. д. А это – совсем другая картина мира.

Мы вступаем почти в столь же значимое время, как первая половина XX в., которое надолго определит новый «порядок вещей». **Сегодня (как в начале машинной эпохи) кто-то должен дать ответ на вопрос о месте человека в новом обществе и во взаимодействии с машинами, занимающими его место. Тот, кто его даст (хотя бы сформирует поиск ответов на новые вызовы) – получит влияние, превосходящее роль марксистского дискурса в XX в.** (которые, в общем-то, его и сформировали, в том числе через формирование оппонентов себе).

D. M. Belousov³. Contradictions of the upcoming period: points for developing the agenda for medium- and long-term perspective. Analysis of the economic and social situation allows for the conclusion that the world is entering an era of global instability and contradictions. There is clearly a crisis of compensatory and basic institutions. Humans cease to be the subjects of the historical process

³ Dmitry Belousov, Head of Analysis and Forecasting of Macroeconomic Processes at the Institute of Economic Forecasting of the RAS, PhD in Economics (47 Nahimovskij pr., Moscow, 117418, Russia), e-mail: DBelousov@forecast.ru

and instead are becoming the object of control. Contradictions are sharply increasing at different levels. We are witnessing the conflict between labor and capital related to the national nature of labor and the global nature of capital. Production, security and regional applied science are changing, but financial and institutional systems remain global. Information and trade wars are intensifying. During a multi-level crisis, it is difficult to predict what a new social order will be like, but the transition to it will be difficult and highly possibly rife with (macro-) regional conflicts.

Keywords: contradictions of the upcoming period, global instability, technological development, efficiency, competitive advantage, human as an object of social technologies.

В. В. Окрепилов¹, А. Д. Шматко²

**ГЕНЕЗИС КАЧЕСТВЕННО НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОНЦЕПЦИИ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
НА ПЕРИОД ДО 2030 г.)³**

Технологические трансформации инновационного развития требуют переосмысления существующих инновационных стратегий на федеральном и региональном уровнях, перевода их на качественно новый уровень социально-экономических и общественных отношений, сконцентрированных на повышении качества жизни. Обеспечить учет всех факторов инновационного развития позволяет экономика качества, располагающая методами и инструментами исследования для разработки и оценки эффективности инновационных стратегий.

Ключевые слова: инновационное развитие, экономика качества, качество жизни, концепция научно-технологического развития.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-81-88

УДК 330.352

Существующая в России ориентация на развитие элементов инновационной инфраструктуры недостаточна для формирования необходимых для инновационного развития экономических механизмов. Даже более широкая концепция национальной инновационной системы (НИС) не охватывает все проблемное поле и не решает весь спектр проблем формирования экономической среды инновационного развития. Это нашло отражение в реорганизации институтов инновационного развития в России в ноябре 2020 г.

Основой развития НИС остаются регионы РФ с наиболее высокой концентрацией научно-технического, производственного и образовательного потенциалов. Это

¹ Владимир Валентинович Окрепилов, научный руководитель Института проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, РФ, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., 38), д-р экон. наук, академик РАН, профессор, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

² Алексей Дмитриевич Шматко, директор Института проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, РФ, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., 38), д-р экон. наук, профессор, e-mail: info@iresras.ru

³ Статья подготовлена по результатам ФНИ по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

определяет актуальность исследования территориальных факторов и закономерностей развития научно-инновационного пространства и формирования на этой основе региональных концепций научно-технологического развития.

Согласно международной практике, именно на региональном уровне формируются условия, от которых зависит успешность реализации стратегий инновационного развития. Опыт инновационного развития свидетельствует, что это требует обеспечения связности региональных инновационных систем.

Результаты и обсуждение

Среди ключевых проблем развития инновационного сектора и формирования качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций не решена важнейшая – проблема *эффективных связей* между сектором науки и производства. Последние могут быть созданы при активном участии государства как координатора инновационных процессов, создателя и регулятора национальной инновационной среды, что должно найти отражение в региональных концепциях научно-технологического развития [1, с. 39–50]. Необходимо внедрять на федеральном и региональном уровнях новые организационно-управленческие решения и механизмы, способствующие эффективному взаимодействию всех субъектов национальной инновационной системы (НИС) – научных организаций, вузов, предпринимательства и государственных структур.

Важным направлением исследований становится выявление характеристик институциональной среды, необходимых для реализации эффективной промышленной отраслевой политики, региональных концепций научно-технологического развития. Важным аспектом успешного проведения инновационной стратегии является также позитивное отношение общества – восприятие большинством экономических субъектов и населения страны отраслевой политики как составной части стратегии, направленной на расширение экономических и социальных возможностей развития и, в конечном счете, на повышение их благосостояния.

Следует учитывать, что изменения в экономических связях и хозяйственных механизмах управления инновационной деятельностью, обусловленные последствиями COVID-2019, в значительной степени влияют на их результативность.

Качественно новым направлением социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций выступает использование современных информационных и коммуникационных технологий во всех сферах деятельности, в частности формирование Индустрии 4.0 на основе цифровой трансформации, которая является условием использования передовых производственных технологий (ППТ). Технологические возможности развития новых видов услуг в сфере логистики, бизнеса и производства также определяются процессами цифровизации.

Между процессами оцифровки и цифровой трансформации, как и между прорывными и радикальными технологиями, существуют принципиальные различия. Цифровая трансформация – это не просто автоматизация в форме внедрения цифровых технологий в существующую систему управления. Она требует и, в свою очередь, вызывает изменения в структуре и культуре управления, стратегиях развития, а также еще более радикальные изменения, связанные с инновационным развитием – созданием абсолютно новых продуктов, видов услуг и сервисов, новых отраслей промышленности в соответствии с региональными концепциями научно-технологического развития.

Анализ практики инновационного развития зарубежом показал, что наиболее адекватной формой взаимодействия участников инновационного процесса (государ-

ства, малого, среднего и крупного бизнеса, научно-образовательных структур и др.) являются инновационные кластеры. Именно они обеспечивают реализацию нелинейных инновационных моделей, поскольку эффективные вертикальные и горизонтальные связи между участниками процесса оптимизируют весь инновационный цикл, способствуют эффективному распределению функций между субъектами, обеспечивают рост показателей эффективности инноваций [2, с. 168–171].

Переход к кластерному типу организации инновационного развития экономики, включая сектор образования и его предпринимательскую составляющую, обуславливает необходимость развития методологии управления кластерами, которая существенно отличается от традиционной методологии управления вертикально-интегрированными сложными системами. Преимущественно горизонтальные типы связей внутри кластера требуют применения методологии субъект-субъектного управления, точнее – субъект-субъектной координации.

Субъект-субъектное управление – это управление самоорганизующимися системами, в которых нет централизованного органа управления. Такие системы должны управляться через координационные органы с равным представительством в них всех участников.

Многочисленные исследования говорят о тесной взаимосвязи между устойчивым развитием регионов, качеством управления их экономикой и наличием региональных программ инновационного развития. Инновационное развитие, основанное на технологических трансформациях социально-экономического пространства, обеспечивает значительную часть роста валового регионального продукта и непосредственно влияет на качество жизни населения региона. В то же время широкий круг проблем инновационного развития отрицательно сказывается на политической обстановке, экономической активности и повседневной жизнедеятельности людей, усиливает традиционно высокую дифференциацию российских регионов. Для устранения региональных различий в качестве жизни населения требуется формирование эффективной государственной политики. Поэтому один из наиболее востребованных подходов к анализу социально-экономической дифференциации территорий базируется на оценке качества жизни населения, которое является индикатором общественного благосостояния.

Выступая как ключевой фактор социального устройства общества, качество жизни предопределяет постановку соответствующих задач макроуровня: оценки социально-экономических преобразований, уровня социальной напряженности, получения целостной картины развития региона, развития инновационных технологий и т. д.

Существует много трактовок понятия «качество жизни», что связано с множественностью подходов к анализу его содержания. Приведем одно из самых точных, на наш взгляд, определений. *Качество жизни* – это оценочная категория, которая обобщенно характеризует параметры всех составляющих жизни человека: его потенциала, жизнедеятельности и условий жизнедеятельности по отношению к стандарту или эталону, который выработан и институционализирован обществом и (или) существует в индивидуальном сознании человека [3, с. 318–330].

Развитие методологического аппарата и инструментов измерения качества жизни в отечественной и зарубежной науке и практике показывает, что на протяжении последнего столетия качество жизни превратилось из стихийного процесса в управляемый. Можно с уверенностью утверждать, что в условиях инновационной экономики основу разработки принципиальных подходов к уточнению роли инструментов экономики качества в оценке качества жизни населения региона составляет система управления качеством.

Ранее, исходя из принципов системного подхода, мы показали, что региональная система управления качеством является многоуровневой, она распространяется на макро-, мезо- и микроуровни экономического взаимодействия (рис. 1).

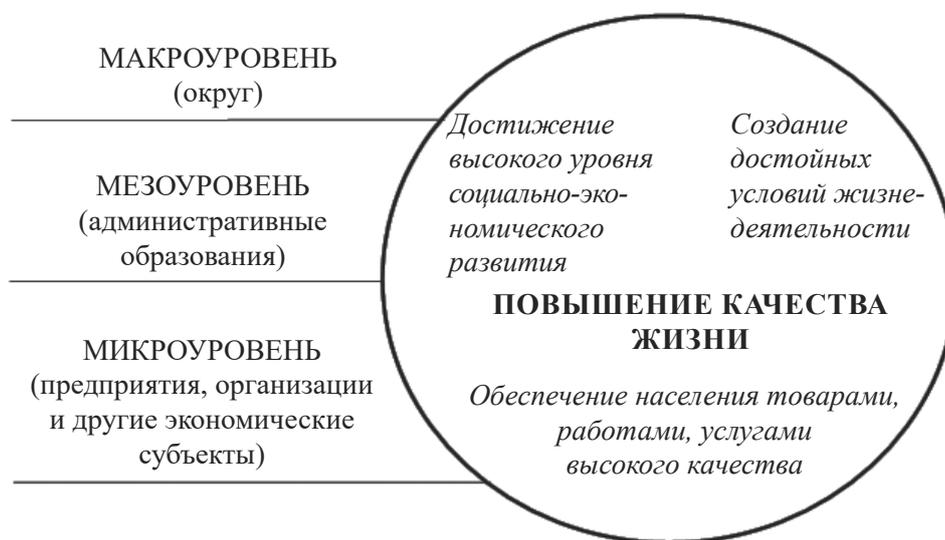

Рис. 1. Уровни функционирования системы управления качеством

Составляющие этой системы позволяют учитывать потребности населения региона и оценивать степень их удовлетворения; отслеживать и своевременно реагировать на изменения в отношениях между государством, бизнесом и обществом.

Многоуровневая система управления качеством позволяет обеспечить последовательный рост благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизацию производства, повышение инвестиционной привлекательности региона и дальнейшее развитие рыночных механизмов хозяйствования, укрепление конкурентоспособности, повышение качества жизни населения.

Рассмотрим место показателей качества жизни в структуре многоуровневой системы управления качеством (рис. 2). Управление качеством жизни на базе многоуровневой системы управления качеством можно назвать системным, поскольку показатели качества жизни органично вписываются в систему стратегических приоритетов и текущих показателей деятельности социально-экономической системы региона.

Необходимое качество жизни обеспечивается в процессе выполнения цикла PDCA, составляющего основу механизма функционирования системы. Показатели качества жизни находятся под управлением на каждом этапе цикла PDCA: на этапе определения целевых показателей развития экономики региона; на этапе реализации целевых программ и разработок; в связи с мониторингом и анализом целевых показателей; при выполнении корректирующих действий (см. рис. 2).

Системное управление качеством жизни призвано обеспечить условия для повышения качества жизни населения региона посредством нормативно-целевого подхода. Как показывает практика, это необходимое, но не достаточное условие достижения высокого качества жизни. Поэтому целесообразно задействовать внутрисистемные ме-

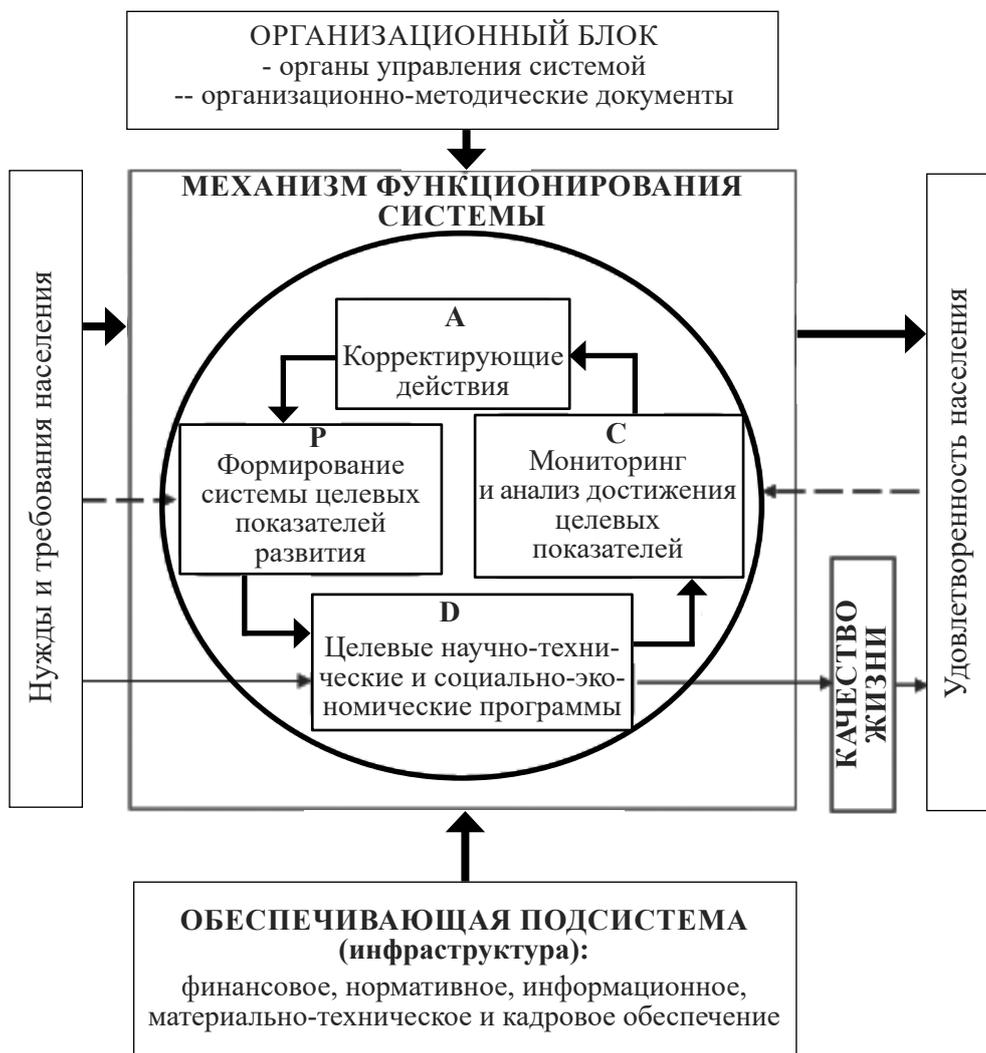

Рис. 2. Структура многоуровневой системы управления качеством

ханизмы; широкий круг проблем инновационного развития должен решаться именно на региональном уровне. Это особенно справедливо, когда речь идет о такой крупной стране, как Россия, с резко различающимся уровнем развития регионов. Управление региональным экономическим развитием должно базироваться не на отдельных единичных проектах, а на долгосрочных комплексных программах развития, интегрирующих синергетические эффекты, возникающие между отдельными направлениями.

В Институте проблем региональной экономики Российской академии наук сформирован новый методологический подход к управлению качеством жизни населения в регионах, сконцентрированный на оптимальном сочетании методов экономики качества и экономико-математического моделирования в стратегическом управлении экономикой региона; разработано методологическое обеспечение измерения качества

жизни, которое открывает новые возможности в области моделирования управления качеством жизни.

С учетом сказанного крайне важно обратиться к проекту Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г., разработка которой началась по инициативе Научно-технического совета, поддержанной губернатором города. Концепция разработана в полном соответствии с национальными целями России и стратегическими приоритетами развития Санкт-Петербурга. Ее осуществление должно создавать условия для достижения генеральной цели Стратегии развития Санкт-Петербурга 2035 – «обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности».

Концепция имеет принципиально важное значение не только для будущего Санкт-Петербургской науки, но и для долгосрочного развития всего комплекса экономики и социальной сферы города. Именно достижения в сфере науки, техники и технологий все в большей степени определяют общественный прогресс, позволяют ускорить решение самых актуальных и сложных проблем.

Работа над концепцией совпала с началом периода дополнительных сложностей в осуществлении стратегии устойчивого развития, вызванных пандемией коронавируса. Сегодня у нас есть понимание, что этот период не будет кратковременным и существенно скажется на динамике социально-экономических показателей. В этих условиях тем более важно изыскивать резервы для компенсации возникающих потерь. В этой связи разработка и принятие концепции, соответствующей моменту, представляются своевременными и чрезвычайно значимыми.

Отметим полноту вопросов, рассматриваемых в рамках концепции, и прозрачность заявленных целей, задач и результатов. Для ее подготовки проведен всесторонний анализ конкурентных преимуществ научно-технологического комплекса Санкт-Петербурга и дана обоснованная оценка перспектив его развития.

В основу разработки концепции положены национальные цели и приоритетные направления развития Санкт-Петербурга как субъекта Российской Федерации. В концепции отмечены важные особенности современных вызовов научно-технологического и инновационного развития, а также обосновано применение мер, позволяющих не только противостоять этим вызовам, но и использовать потенциальные возможности. Все это приводит к необходимости формирования проактивной политики в области научно-технологической и инновационной деятельности, обновления инструментальной базы исследований и разработок, совершенствования методов обработки информации, оценки ее качества и других мер.

При разработке проекта были учтены предложения многих научных, исследовательских, проектных, внедренческих организаций, учебных заведений, общественных объединений, фондов и институтов развития, в том числе представленных в Научно-техническом совете. Внес свои предложения и Институт проблем региональной экономики РАН, имеющий опыт разработки подобных документов. Над проектом концепции работали ученые, специалисты, объединенные в тематические группы на базе электротехнического университета (ЛЭТИ). Особо отметим координационную работу Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, который, согласно соответствующим рейтингам, является одним из лучших в стране. По его инициативе при полной поддержке администрации города проводятся конкурсы в области науки

и образования, определяются лучшие научные школы, многое делается для развития фундаментальной и прикладной науки.

К достоинствам концепции относится объективное представление вызовов в научно-технологической сфере Санкт-Петербурга и предложений по преодолению существующих проблем. В документе четко сформулированы задачи в различных направлениях научной, образовательной и технологической деятельности, решение которых призвано обеспечить позиционирование Санкт-Петербурга среди регионов России и мира. В концепции представлены принципы государственной политики в области научно-технологического развития Санкт-Петербурга, определены сферы деятельности, а также научные организации и структуры, на которые возложена ответственность за ключевые действия по реализации концепции.

Принципиальным моментом являются предложения о включении указанных в концепции структур в государственную программу Санкт-Петербурга «Экономика знаний», их поддержке и учете при формировании иных городских государственных программ.

Важно, что проект концепции обсужден на Общественном совете при Комитете по науке и высшей школе и Президиуме Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, а также прошел обсуждение и утверждение на заседании Научно-технического совета Санкт-Петербурга.

Выводы

Технологические трансформации инновационного развития радикально меняют качество жизни, что требует переосмысления существующих инновационных стратегий на федеральном и региональном уровнях; их перевода на качественно новый уровень социально-экономических и общественных отношений. Обеспечить учет факторов инновационного развития регионов на высшем, результирующем, уровне качества (качества жизни через повышение качества продукта, процесса и организации деятельности) позволяет экономика качества, которая располагает огромным арсеналом методов и инструментов исследования, сконцентрированных в метрологии, стандартизации и управлении качеством.

Принятие Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г. и ее осуществление в практической деятельности будет чрезвычайно важным вкладом в формирование качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций путем ускорения интеграционных процессов в научно-образовательной сфере и консолидации ресурсов образовательных организаций высшего и среднего образования, научных организаций и сектора реальной экономики для укрепления позиций Санкт-Петербурга как крупнейшего международного научно-образовательного центра и развития его экспортного потенциала.

Список литературы

1. Кузнецов, С. В. Инновационный процесс в экономике Санкт-Петербурга: стимулирующие и сдерживающие факторы / С. В. Кузнецов, Е. А. Горин // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2017. – № 3-4 (56-57). – С. 39–50.
2. Андрейковец, И. Н. Формирование инновационных кластеров: анализ существующего опыта и перспективы / И. Н. Андрейковец, В. С. Кудряшов, А. Д. Шматко // Журнал правовых и экономических исследований. – 2012. – № 1. – С. 168–171.

3. *Окрепилов, В. В.* Развитие оценки качества жизни населения региона / В. В. Окрепилов, Н. Л. Гагулина // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 318–330.

References

1. Kuznetsov S. V., Gorin E. A. (2017) Innovacionnyj process v ekonomike Sankt-Peterburga: stimulirujushchie i sderzhivajushchie faktory [Innovation Process in the Economy of St. Petersburg: Stimulating and Deterrent Factors]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitija* [Economy of the North-West: Problems and Development Prospects], 3-4 (56-57), pp. 39–50.

2. Andreikovets I. N., Kudryashov B. S., Shmatko A. D. (2012) Formirovanie innovacionnykh klasterov: analiz sushchestvujushchego opyta i perspektivy [Formation of Innovative Clusters: Analysis of Actual Experiences and Prospects]. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij* [Journal of Legal and Economic Research], 1, pp. 168–171.

3. Okrepilov V. V., Gagulina N. L. (2019) Razvitie ocenki kachestva zhizni naselenija regiona [Developing the Assessment of Regional Population's Quality of Life]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. Vol. 16, Iss. 3, pp. 318–330.

V. V. Okrepilov⁴, A. D. Shmatko⁵. Genesis of qualitatively new socioeconomic and public relations in the process of technological transformations (case study of the Concept of Scientific and Technological Development of St. Petersburg until 2030). The technological transformations of innovative development requires rethinking of the current innovative strategies at the federal and regional levels, raising to the qualitatively new level of socio-economic and public relations focused on improving quality of life. Economics of quality including metrology, standardization and quality management of the comprehensive methods' arsenals and research tools for developing and evaluating effectiveness of innovative strategies, allows to incorporate various factors of innovative development.

Keywords: innovative development, Economics of Quality, Quality of Life, the Concept of scientific and technological development.

⁴ *Vladimir Okrepilov*, Research Director, Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (38 Serpukhovskaya ul., St. Petersburg, 190013 Russia), Doctor of Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

⁵ *Alexey Shmatko*, Director, Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (38 Serpukhovskaya ul., St. Petersburg, 190013 Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: info@iresras.ru

*J. Sapir*¹

IS EUROZONE ACCUMULATING AN HISTORIC LAG TOWARD ASIA IN THE COVID-19 CONTEXT?²

The COVID-19 epidemic is affecting the global economy since early 2020. This pandemic has hit countries and shaken the global economy as it has not actually recovered from the financial crisis of the years 2008-2010.

The process of economic de-globalization accelerated in recent years. It began to manifest openly with the 2008-2010 crisis. In fact, it is from this crisis that we can date a breaking point in the various statistical data. This does not mean that the tendencies towards this de-globalization did not exist before 2007. However, it took this global financial crisis, which was a crisis of globalization both in its causes and in its unfolding, for these trends to manifest themselves openly.

The COVID-19 epidemic therefore broke out in a context that was then marked by fundamental changes. It has hit different countries very unevenly and will also unevenly affect post-COVID-19 recovery trajectories. The COVID-19 could then accelerate significantly trends, which were already perceptible before the pandemic. It will play the role of both revealing and accelerating changes that had been noticeable for ten years now. The shift of the world growth pole from the Atlantic zone (USA-Europe) to the Pacific zone, and more particularly Southeast Asia, seems irreversible today.

Keywords: Covid-19, Deglobalization, Multilateralism, Investment, Europe, Asia.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-89-102

УДК 330.352

The COVID-19 epidemic has particularly affected the global economy. Coming from China, this epidemic has hit different countries in a close succession. Western Europe and the Eurozone were severely hit by the pandemic. The so-called “2nd wave” is creating havoc in countries that had before quite well managed the 1st wave of spring 2020. Even with the vaccine it is quite probable that economic recovery will be postponed to 2022-2023. Would the Eurozone be accumulating an historic lag toward Asia in the pandemic context? Analysis done by end of September 2020, that is before the 2nd epidemic wave struck Europe were already showing that the EU and the Eurozone, as some other advanced economies, fared worse in that context. This 2nd wave would quite probably strengthen this trend.

¹ *Jacques Sapir*, economics professor; Director of Studies at École des Hautes Études en Sciences Sociales and Centre d'Étude des Modes d'Industrialisation (France); Associate Professor at Lomonosov Moscow State University; Foreign Member of the Russian Academy of Sciences.

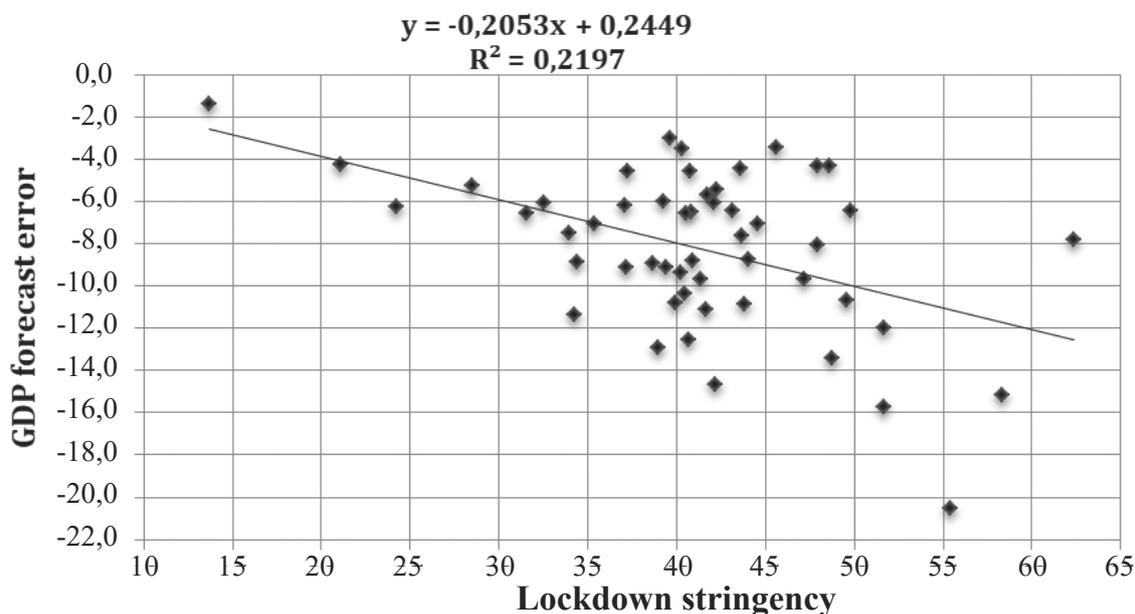
² Based on the paper delivered at the Joint International Congress Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarity (December 2-4, 2020).

1. The COVID-19 Shock

With the spreading of the COVID-19 and consequences of the « the Great Lockdown », the world faced a crisis like no other³. There is a subtle link between protective measures taken, like lockdowns, and the impact of the COVID-19 induced recession.

The analysis shows evidence on the association between lockdowns and economic activity over a sample of up to 52 advanced, emerging market, and developing economies. Graph 1 shows the correlation between the stringency of lockdowns during the first half of 2020 and the decline in GDP relative to pre-pandemic forecasts.

Graph 1
Relation between lockdown stringency and GDP forecast error

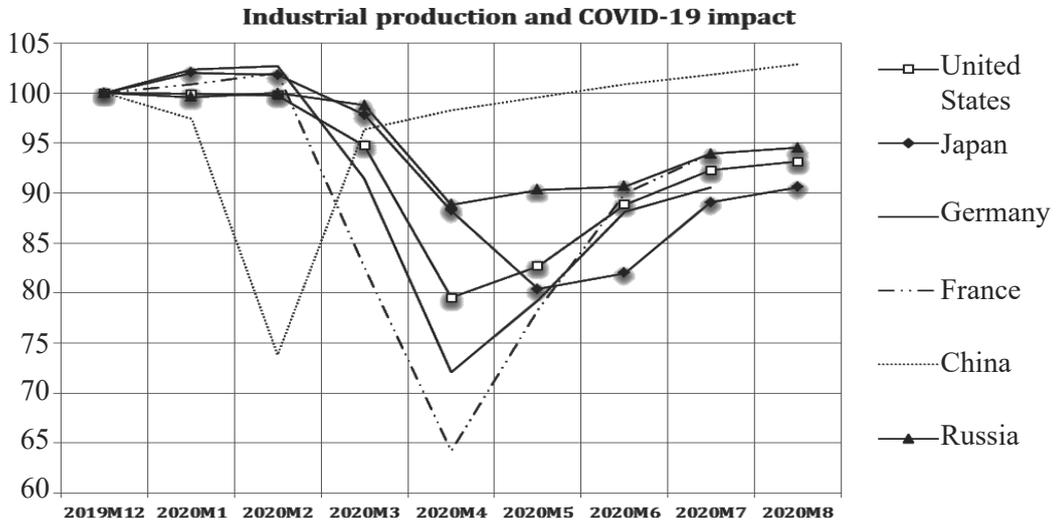
Source: IMF

Nonetheless, these findings have to be interpreted with some caution given omitted variable concerns that affect cross-country analyses. A number of variables (nature of production, weight of services in the GDP, population density) could alter the ultimate result. The situation can be also clearly seen through sectoral analysis and particularly when looking at industrial and services sector (graph 2 and 3). It is to be noted that China has been affected earlier than other countries, but is recovering now much faster.

It is then quite clear that the COVID-19 pandemic has affected different world economies in very different ways. Differences cannot be explained only by the stringency of sanitary measures and lockdowns. But, what is even more important is the fact that recovery path is to be very different in the coming months

³ <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>

Graph 2

Source: IMF

Graph 3

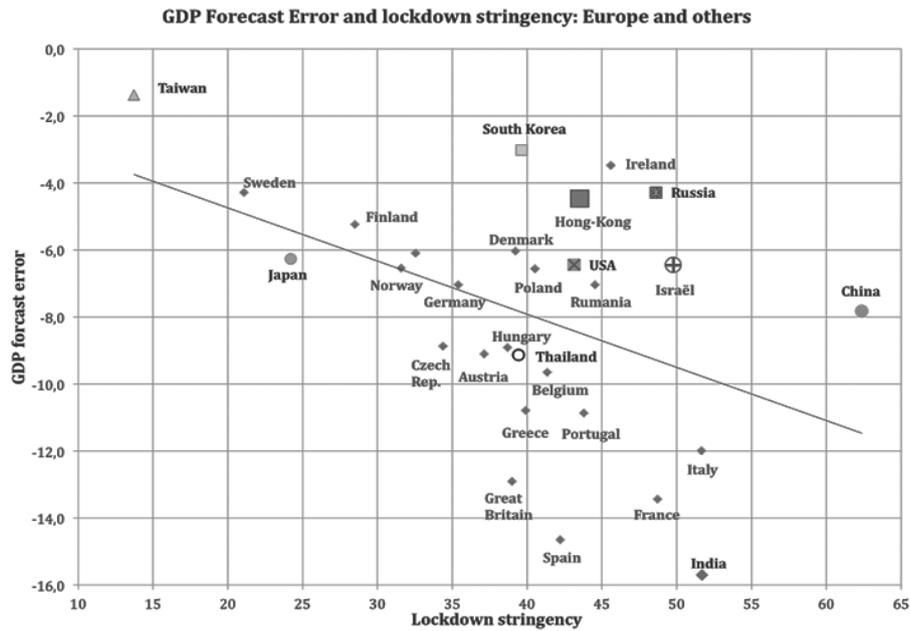

Source: IMF

2. How the European Union and the Eurozone have wavered the COVID-19 pandemic?

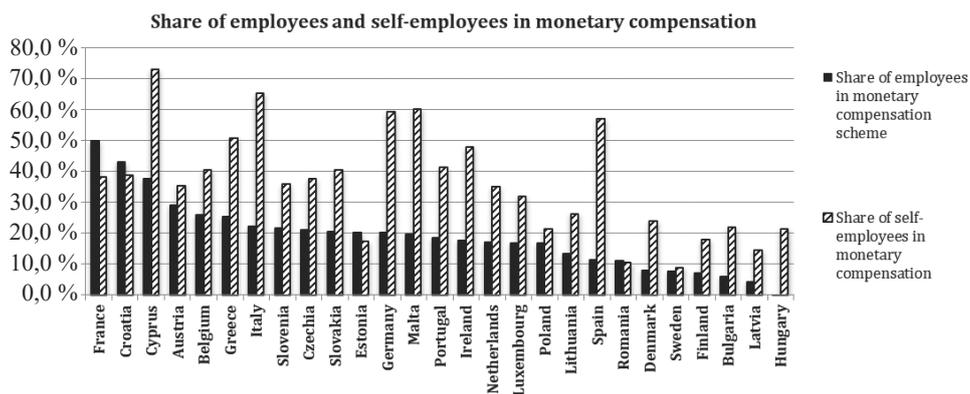
Lockdowns have been implemented in different European countries leading to different economic consequences. Quite interestingly on data compiled by the IMF by September 2020 (that is not including the 2nd wave shock), European countries are faring quite worse than non-European ones.

Graph 4

Source: IMF and CEMI

Graph 5

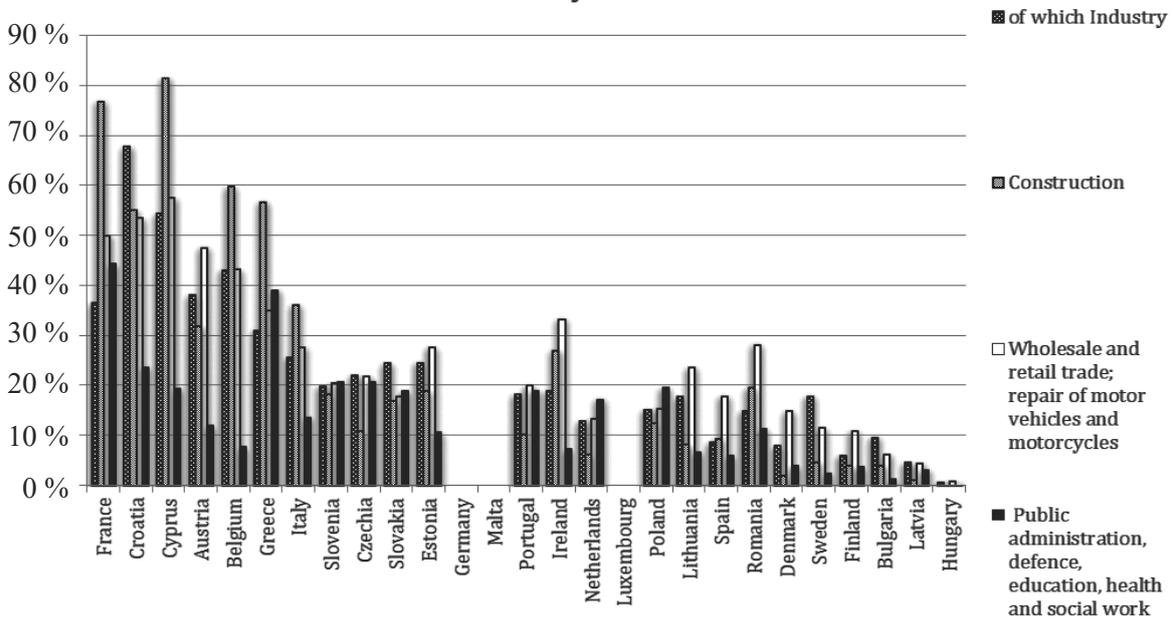
Eurostat

Quite interestingly in graph 4 no Asian countries (but for India) had a GDP forecast error worse than 10% when 6 European countries had (France, Italy, Greece, Spain, Great-Britain and Portugal).

How European countries have managed this situation? First of all, most countries tried to protect employees and, in some, even self-employees people (graph 5). France certainly was the country that protected most employees. But, she protected not as much self-employees, and this category was certainly hit the hardest by administrative lockdowns. On the contrary, Belgium, Greece, Italy, Spain, Portugal and Germany protected much better self-employees, to the point that in all these countries the share of self-employees in monetary compensation exceeded the share of employees. Actually, in 9 countries the share of self-employees in monetary compensation was equal or superior to 40%. This prove that we had significant differences in the way the welfare-state reacted to the Pandemy, even in countries where the model of welfare state and the level of protection it affords is quite comparable. Another interesting point is what economic sector got the major part of the protection afforded by the State in employees compensation scheme. Here too we can see some important differences among countries. Only 24 of the 27 EU countries have given disaggregated data (graph 6). On these countries, we can see 9 countries (France, Croatia, Cyprus, Belgium, Greece, Italy, Ireland, Spain and Romania), which gave their support in priority to the construction and wholesale retail trade workers. Other countries supported more industrial workers. However, these data are incomplete, as Germany has not provided disaggregated data.

Graph 6

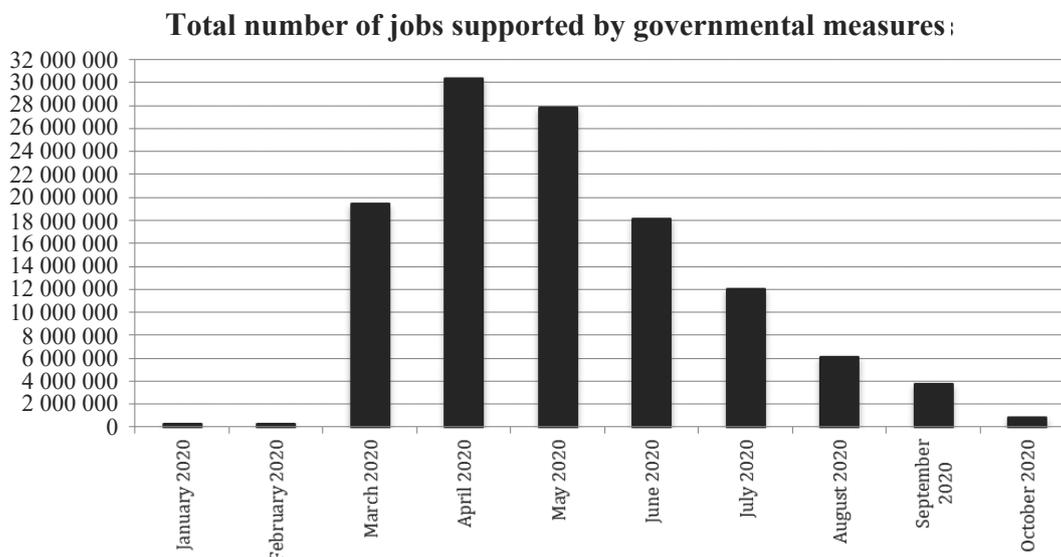
Share of employees in monetary compensation scheme in total economic sector by sector

Eurostat

This support was mostly done by March, April and May and protected, at its peak (graph 7), more than 30 millions of worker (employees).

Graph 7

Source: Eurostat

How EU countries have to pay for such massive a social protection is the next question to be asked. As a matter of fact, governments needed a lot of money for two different but interlinked undertaking: first to support people under administrative lockdowns and second to help the economic recovery. Here comes the complicated story of the EU recovery plan⁴.

On Monday, May 18, 2020, Berlin and Paris proposed a 500 billions stimulus plan, accompanied by a transfer mechanism: the European Union would thus create a common debt. However, this initiative provoked violent reactions from the so-called “frugal 4” countries, namely Austria, the Netherlands, Sweden and Denmark. They have presented very different proposals. The European Union agreed to go into debt to raise these some 500 billion and the countries which would receive this money would not reimburse what they would have received but in proportion to their share in the European budget. It is the European Commission, which will raise this sum on the markets - it represents three and a half times the annual European budget - before redistributing it via the budget to sectors and regions in difficulty, Italy and Spain in the lead. Undoubtedly, it is a mechanism that favours small countries that need a lot of money, but not the big contributors to the budget, like Germany or France. In fact, for some countries, the sums would be almost donations. Also, since what they would repay, if they repay it, would be through the EU budget, the debt burden would not be added to theirs.

The plan was finally adopted in July 2020 and confirmed on November 10, 2020. The European Parliament and the EU countries meeting in the Council reached agreement on the next long-term budget of the EU and *NextGenerationEU*. The Recovery and Resilience Facility is a cornerstone of *NextGenerationEU*⁵. It is endowed with € 672.5 billion in loans

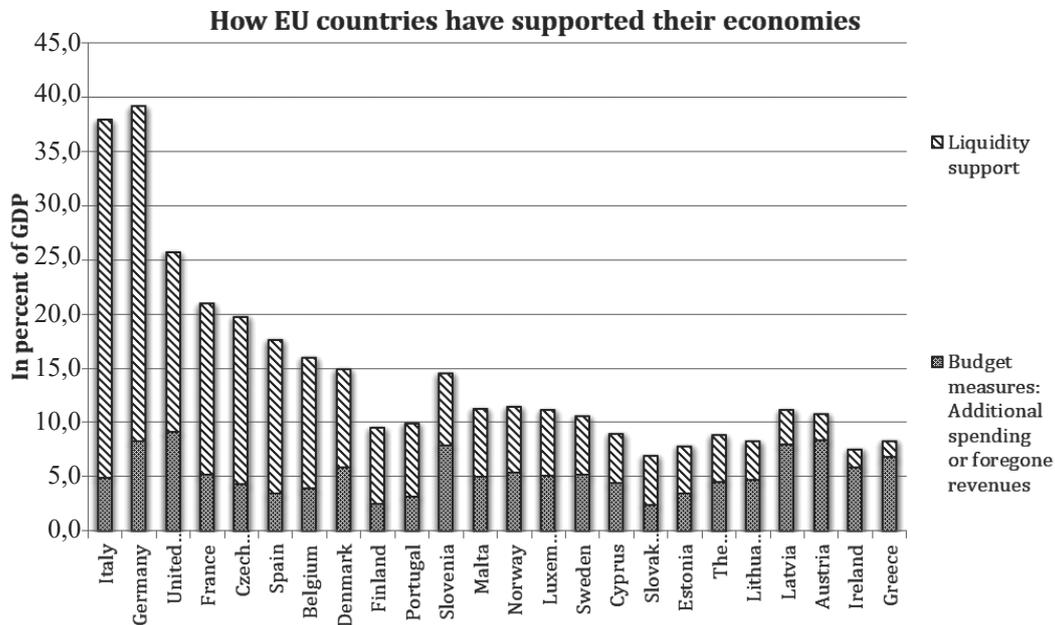
⁴ https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_fr

⁵ https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/recovery-coronavirus/recovery-and-resilience-facility_fr

and grants to support reforms and investments undertaken by EU countries. The aim is to mitigate the economic and social consequences of the COVID-19 pandemic and to make European economies better prepared for the challenges posed by ecological and digital transitions and the opportunities that they offer.

For European cohesion and territories (REACT-EU), *NextGenerationEU* also includes a budget of 47.5 billion euros. This is a new initiative that continues and expands crisis response measures and measures to address the consequences of the crisis⁶. However, for impressive it seems, this programme is not to be operational before late 2021 or early 2022, a good example of the slow and cumbersome bureaucratic process of the EU. So far it is the European Central Bank who is doing the job of supporting the Economy. Actually most of the money for support and recovery didn't come from budget.

Graph 8

Source: IMF

The predominance of liquidity support (graph 8) highlighted the European Central Bank role. In the context of the second wave of the COVID-19 pandemic, the European Central Bank (ECB) on Thursday, December 10, devoted its monetary policy meeting to the changes to be made to its action⁷. The Pandemic emergency purchase program (PEPP) was increased by 500 billion, bringing it to 1,850 billion euros and it will last until March 2022, a distant date to take into account the uncertainty about the deployment schedule of vaccines.

⁶ https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/cohesion-policy-support-measures-coronavirus-response-investment-initiative_fr

⁷ <https://covid19-economie.banque-france.fr/comprendre/la-bce-recalibre-ses-mesures-face-a-la-persistence-de-la-crise-sanitaire/>

This amounts to saying that the ECB is extending its horizon even beyond the health crisis and signalling that it will continue its special pandemic operations beyond the pandemic. This shows that these operations mainly aim to remove the risk of a debt crisis and to facilitate the financing and refinancing of States reassuring investors.

However, one of the problems posed by the ECB's actions is that only 25% of its operations have helped Eurozone banks. In fact, ECB helps a bit blindly. Instead of taking targeted actions like a national central bank would do, like the Bank of England, for example, it is watering the market. As a result, the asset buyback program will not help countries out of deflation and have little ripple effect on the real economy. On the other hand, we can fear a strong financial instability in the medium term, given the scale of these programs, and the mass of central liquidity discharged on the markets. The markets are now totally dependent on central bank liquidity. The addiction has become unhealthy.

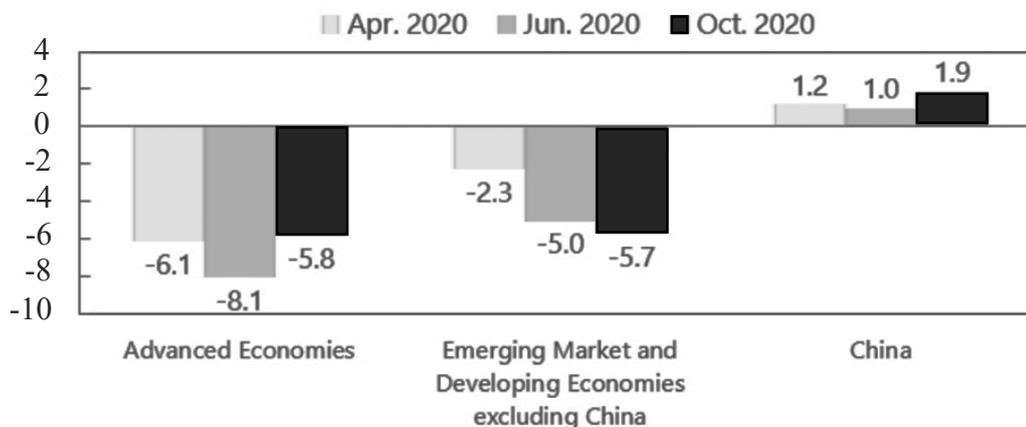
3. Differences in recovery path and the EU and Eurozone

The European Union and the Eurozone have stalled in relation to the process of economic recovery in Southeast Asia (graph 9). This stall is significant, because it could herald a form of marginalization of the EU and the Eurozone vis-à-vis what is now one of the main centres of global economic growth.

Graph 9

Uneven recoveries

(Year-on-year percent change)

Sources: IMF, and *World Economic Outlook*. October 2020

From: <https://blogs.imf.org/2020/10/13/a-long-uneven-and-uncertain-ascent/>

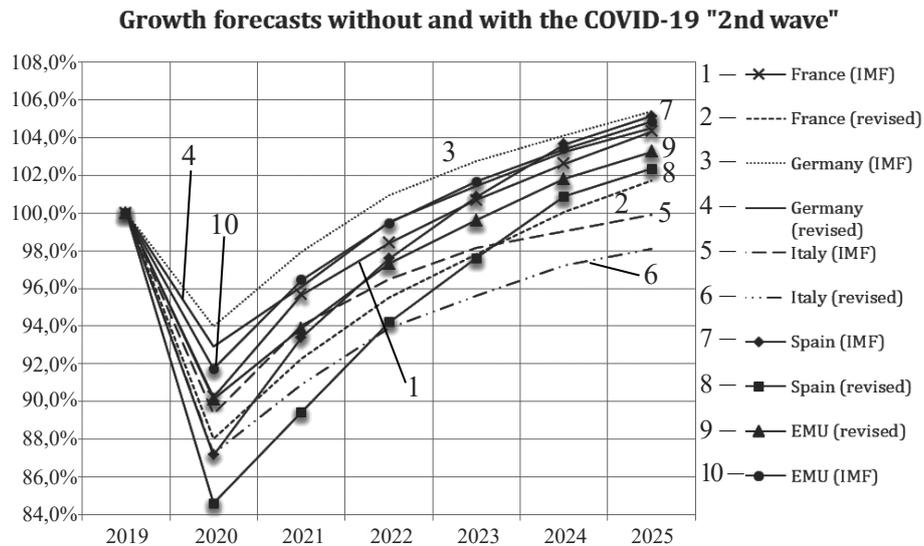
The second wave of the epidemic (fall 2020) is affecting Europe in a particularly strong and spectacular way, and will amplify this phenomenon. It is worth wondering here why countries whose health systems were often given as a reference could not manage this epidemic more adequately.

It could quite profoundly modify the situation of the countries of the European Union and of the Euro zone (EMU)⁸. The impact on the economy will be considerable and the

⁸ <https://www.lopinion.fr/edition/economie/pib-francais-devrait-se-contracter-11-en-2020-227896>

forecasts drawn up by the IMF at the beginning of October 2020 will necessarily have to be revised. From the revision carried out in November concerning the French economy⁹, we have here extended the reasoning to the main countries of the Euro zone (graph 10). The gap with what had been anticipated at the beginning of October 2020 is obvious.

Graph 10

Source: IMF (October 2020) and CEMI

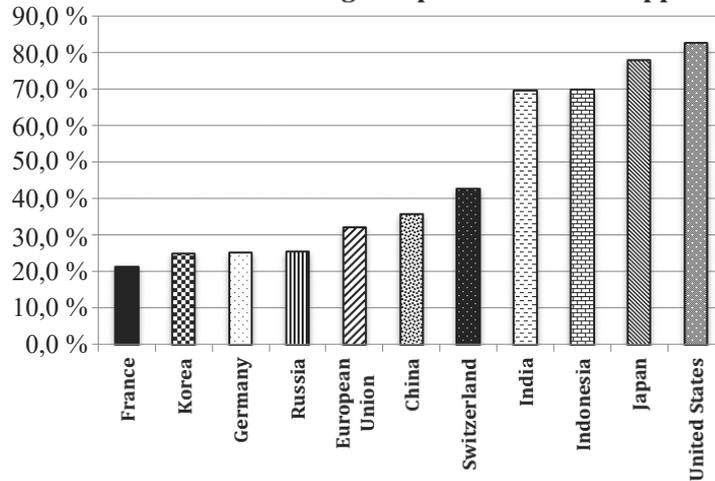
The fact that the health crisis is globally under control in Southeast Asia plays an important role in the trajectory of economic recovery of these countries. This difference in the path of recovery in economic activity also reflects to the strategies for supporting the economy adopted by each country. The interesting point here is not only that the volumes of support, calculated as a percentage of GDP, vary widely, but that there is also a clear difference between countries that support their economies through bank loans and bank shares and those who favour budgetary action, either through direct subsidies or tax cuts.

These data were (graph 11), again, compiled by end September 2020; differences nevertheless are significant. They display different approaches to the issue of fiscal deficits, and for relationship with central banks and in the role left to the latter in economic policy. This translates into significant uncertainties in the levels of economic activity and significant differences between the major economic areas of the world. But an important point is the fact that the EU appears quite low in this graph and that the two main countries of the EU and Eurozone, Germany and France appear even lower. One can wonder if the quality of aid will not be affected, if only indirectly, by the instruments of its financing.

⁹ Sapir J., «The economic consequences of re-containment on the French economy», paper presented to the French-Russian seminar on Economic Development of Russia, regional session, November 12th, 2020, Paris, *CEMI-Fondation Robert de Sorbon*.

Graph 11

Budget in percent of total support

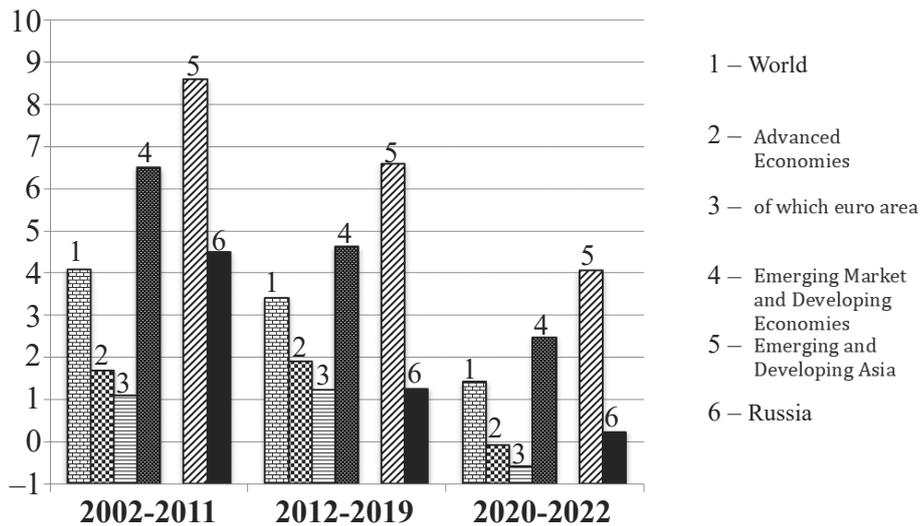

IMF

The difference between the recovery trajectories of economic activity in China and the European Union is to be noticed. With this second wave, we will have to expect an even greater difference. Computation of the probable EMU growth rate once the impact of the COVID-19 has been accounted for shows a decrease by at least 1,6% for 2020 and by around 2,6% for 2021. These differences also translate into divergences for the coming years. This was already obvious in data computed by the IMF *before* the second wave (graph 12)

Graph 12

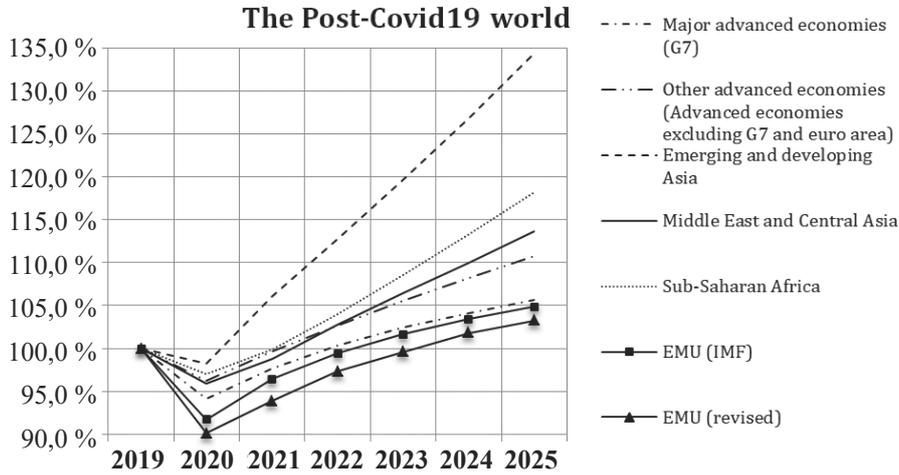
Average GDP rate of growth

Source: IMF

As shown in Graph 13, the EMU stall by comparison with other countries group is even more spectacular. It should be noted, however, that this trend already existed before the COVID-19 pandemic.

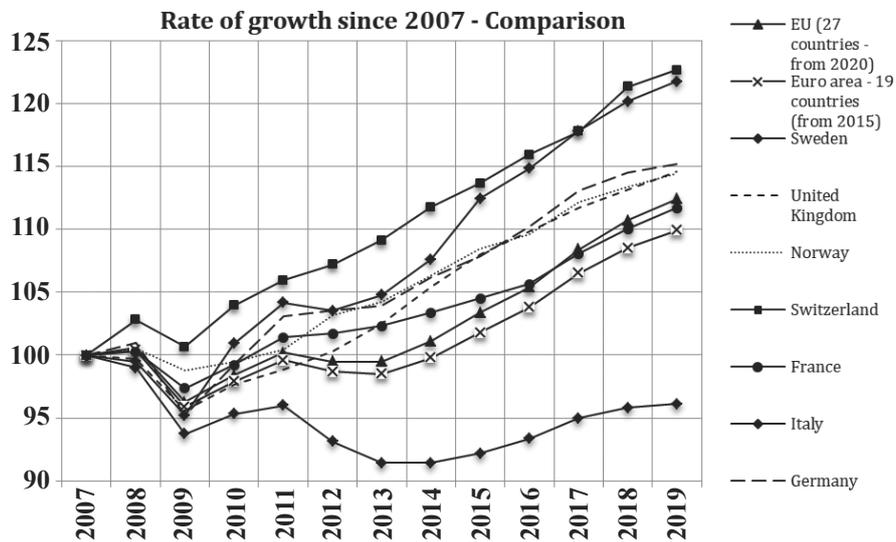
Graph 13

Source: IMF and CEMI

Indeed, the countries of the Euro zone have experienced abnormally low growth compared to other developed economies since 2007, or even since 2000¹⁰.

Graph 14

Source: Eurostat

¹⁰ Sapir J., Faut-il sortir de l'Euro ?, Paris, Seuil, 2012.

A study carried out by the Center for European Policy (CEP or Centrum für Europäische Politik) of Freiburg (Germany), has caused a lot of talk and writing, whether in France, Germany or even in Brussels¹¹. It shows that the introduction of the Euro made winners and losers and that the introduction of the Euro would have cost since 1999 and until 2017, in cumulative amounts, 3,591 billion Euros to France, 4,325 billion for Italy and 424 billion for Spain, while Germany would have earned 1893 billion euros and the Netherlands 346 billion.

It can be seen that, compared to the OECD average, the euro zone has only grown by 0.5% to 0.7% lower (table).

GDP growth rate at constant prices. Average per period

	Average 2001-2011	Average 2001-2007	Average 2007-2011
Australia	3,1%	3,4%	3,1%
Canada	2,1%	2,6%	1,4%
Norway	1,8%	2,3%	1,2%
Sweden	1,8%	3,0%	0,5%
Switzerland	1,7%	2,0%	1,6%
United Kingdom	1,6%	2,6%	0,4%
United States	1,9%	2,4%	1,3%
EMU (Eurozone)	1,1%	1,9%	0,4%
OECD, total	1,8%	2,4%	1,1%
Deviation from the OECD average	-0,7%	-0,5	-0,7

SOURCES: OECD database. For 2011, estimates. For 2010, provisional figures.

Sources and Methods, (<http://www.oecd.org/eco/sources-and-methods>). These figures are corrected for the number of working days.

Note: The establishment of the SNA93 and ESA95 systems of national accounts has progressed at an uneven pace between OECD member countries, for the variables and the period covered. As a result, several national series contain breaks. In addition, several countries use chain price indices to calculate real GDP and expenditure components.

From this point of view it is striking to note that, since the introduction of the Euro, the role of Europe on the international economic scene has continued to decrease. However, it should be noted that the impact of national economic policies implemented in the countries of the zone precisely because of the introduction of the single currency have had considerable importance too on the individual trajectory of the countries¹².

We can therefore think that the Euro has stifled growth in some of the countries that have adopted it, because of the transfers of wealth that it would have caused. This situation is very evident when we compare the different recovery trajectories of economic activity. As we have seen Eurozone and EU countries have adopted different strategies to face the COVID-19 challenge. These different, and national, strategies look now much more important than the “common” response of the EU Commission. Without the EMU, and the Euro, a logical consequence of these differences would have been depreciation and appreciation of national

¹¹ <https://www.dw.com/en/cep-study-germany-gains-most-from-euro-introduction/a-47675856>

¹² Bibow J. et A. Terzi (eds), (2007) *Euroland and the World Economy: Global Player or Global Drag?*, New York (NY), Palgrave Macmillan.

currencies. But, because of the Euro, a process of budget subsidization implying a process involving transfers of wealth had to be engineered, and that was exactly what aimed for the July 2020 agreement. However, we could wonder if the sums provided for in this agreement are up to the transfers that these different response strategies to COVID-19 make necessary in a common currency situation. If they aren't, as we actually believe, then the economic consequences on recovery paths not just for "worse-off" countries but for the Eurozone as a whole are to be very important¹³. This problem will arise in an acute manner as soon as the European Central Bank begins to reduce its bond purchase programs and the issue of financing policies to support the economy reverts to the top of the government's agenda. The debate on debt cancellation that is currently developing in Italy is an anticipation of the debates to come¹⁴. It is then clear that the COVID-19 epidemic will have played the role of both revealing and accelerating changes that had been noticeable for ten years now. The shift of the world growth pole from the Atlantic zone (USA-Europe) to the Pacific zone, and more particularly Southeast Asia, seems irreversible today.

The new division of the world will very likely take place without the Europeans, who remain faithful for the time being to the ideology of «globalization». It doesn't stop at the G-7 door, because both the EU and the Euro deserve to feature prominently here¹⁵. From this point of view, it is worth highlighting the extremely harmful consequences of German domination over the European Union, a domination that is expressed both by the standards that this country imposes and by the instruments it controls such as the euro¹⁶. The French President of the Republic, Emmanuel Macron, had he not recognized in a rare flash of lucidity that the euro had mainly benefited Germany?¹⁷ German policy is, as a matter of fact, destroying the European Union, and with it the idea of European cooperation¹⁸, as it could be seen in the tensions that have emerged between the France and Italy but also between Italy, Poland and Hungary and France and Germany.

But, the obvious failure of the G-7 signals too the exhaustion of the "Western model". This confirms a trend, which has been notable since the end of the 2000s¹⁹. It is therefore clear that the process of de-globalization is now irreversibly underway²⁰.

Conclusion

If we look at the growth rates as they were estimated before the 2nd wave in Europe, we see that the gap is widening between the developed countries, France, Germany, Japan and the United States of America on one side and China on the other.

¹³ See, Kelejian, H. & al. (2011), «In the neighbourhood: the trade effects of the euro in a spatial framework», *Bank of Greece Working Papers*, 136.

¹⁴ <https://www.lesechos.fr/monde/europe/les-italiens-revent-deffacer-la-dette-due-au-covid-1268709>

¹⁵ Voir, Joseph Stiglitz : « Il faudra peut-être abandonner l'euro pour sauver le projet européen », entretien avec Benoît Georges, in *Les Echos*, 16 septembre 2016.

¹⁶ Husson E., *Paris-Berlin, La Survie de l'Europe*, Paris, Gallimard, 2019.

¹⁷ Voir, « Emmanuel Macron in his own words – The French president's interview with *The Economist* », 7 novembre 2019, <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english>

¹⁸ Cafruny, A, *Europe's Twin Crises: The Logic and Tragedy of Contemporary German Power*, in Valdai Paper 10, 2015; Ryner, M et Cafruny, A, *The EU and Global Capitalism: Origins, Development, Crisis*, London: Palgrave, MacMillan, 2017.

¹⁹ Sapir J., *Le Nouveau XXIe Siècle*, op.cit..

²⁰ Sapir J., *La Démondialisation*, Le Seuil, Paris, 2011.

Obviously, with the economic consequences of the re-containment that we have seen in many European countries, this gap will widen even more. Countries, which have managed to partially preserve their economy, such as Germany or the United States, will be less affected than those, which have stopped many activities. But they too will fall significantly behind China, and Southeast Asia overall. The Covid-19 has thus revealed major trends that have been present for more than twenty years.

This translates to two things. On the one hand, the Euro acts as a stifle for growth. On the other hand, the pole of world growth has shifted over time to the Asia-Pacific basin.

Ж. Сапир²¹. Накапливается ли историческое отставание еврозоны от Азии в контексте Covid-19? С начала 2020 г. наблюдается влияние эпидемии COVID-19 на глобальную экономику. Эта пандемия затронула многие страны и стала потрясением для глобальной экономики, которая еще не успела восстановиться после финансового кризиса 2008–2010 гг. В последние годы ускорился процесс экономической деглобализации. Его первые открытые проявления связаны с кризисом 2008–2010 гг. Фактически в разных статистических данных наступление переломного момента приходится именно на этот кризис. Это не означает, что тенденций к деглобализации не существовало до 2007 г. Однако именно этот глобальный финансовый кризис, который являлся кризисом глобализации как с точки зрения причин его возникновения, так и с точки зрения его протекания, способствовал открытому проявлению данных трендов. Таким образом, эпидемия COVID-19 разразилась в контексте, уже отмеченном наличием фундаментальных изменений. Она крайне неравномерно затронула разные страны, и ее влияние на траектории восстановления после COVID-19 будет столь же неравномерным. COVID-19 мог значительно ускорить тренды, которые прослеживались и до пандемии. COVID-19 будет способствовать выявлению и ускорению изменений, наблюдавшихся в последние десять лет. Смещение мирового полюса роста из зоны Атлантики (США-Европа) в Тихоокеанский регион, в особенности в Юго-Восточную Азию, на данный момент представляется необратимым.

Ключевые слова: COVID-19, деглобализация, мультилатерализм, инвестиции, Европа, Азия.

²¹ *Жак Сапир*, профессор экономики, директор по исследованиям Высшей школы социальных наук и Центра исследований моделей индустриализации (Франция), доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН.

*James K. Galbraith*¹

NEOCLASSICAL ECONOMICS IN A BIOPHYSICAL WORLD²

Biophysical principles underlie all living, mechanical and social systems. They provide a simple and compelling way to think about economics and political economy, underscoring the critical role of effective regulation in advanced systems, the trade-off between efficiency and resilience, and the economic consequences of the present pandemic.

Keywords: Biophysical Economics, Regulation, Resources, Resilience, Pandemic.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-103-108

It is once again a pleasure to be invited to say a few words at the St. Petersburg Economic Congress. Especially at this moment in the relations between our countries it is vital to maintain and advance academic and scholarly debates, discussions and cooperation. I am especially happy to thank my friend Professor Sergey Bodrunov, for his many personal courtesies and generous references to the work of my father, and to express my appreciation also to my friend Aleksandr Buzgalin. I am proud to be a member of the Free Economic Society, and only regret that the circumstances of the pandemic make it impossible to join this meeting in person.

I was last in Russia in January, 2020, just a week before the lockdown in Hubei Province began the process of economic and social disruption that has challenged the entire world. We now have hope, if no certainty, that the global pandemic may be brought to heel over the next year by the dissemination of safe and effective vaccines. It may or may not happen, but our problem as economists is not there. Our problem is to assess the economic impact, and by extension the effect of these events on the structure of our ideas.

I have entitled my remarks “Neoclassical Economics in a Biophysical World” to place this immediate and practical concern in a broader and more theoretical context. It is hard to speak of neoclassical economics – the dominant strand in academic life – without caricature, since neoclassical economics is, basically, a caricature. But broadly we may identify two major strands of thought and their implications for economic analysis of the pandemic and its consequences.

The first, sometimes called “freshwater economics” in the United States, thanks to its base on the Great Lakes at the University of Chicago, is known generally as “market fundamentalism.” Russia has experience with this line of argument. Applied to the pandemic, the general theme is adjustment. Let consumers send market signals to stimulate the production of face masks and vaccines, let consumers make the trade-offs between their daily pleasures and the risk of death, let wages fall until the unemployed can find work again, let the market

¹ *James K. Galbraith*, Lloyd M. Bentsen Jr. Chair in Government/Business Relations and Professor of Government, University of Texas at Austin (USA)

² Based on the paper delivered at the Joint International Congress Genesis of Noonomy: Scientific and Technological Progress, Diffusion of Ownership, Socialization of Society, Solidarity (December 2-4, 2020).

punish the weak and reward the strong. If you haven't been hearing these arguments lately, it's because the economists to whom they are native have decided that their best course at the moment is a prudent silence.

Pitted against this view in what amounts to a mock debate, sufficient for the purposes of mainstream economics to preserve the illusion of discourse, we find the "flaws and frictions" analysis of the "saltwater economists." These are so named by virtue of their coastal origins and strongholds in Cambridge, Massachusetts and Berkeley, California.

The saltwater economists modify market fundamentalism with a dose of regrettable "rigidities," notably of wages and prices, so that the ideal state of flexibility leading to universal market-clearing does not arise. Since rigidities are difficult to abolish, the unhappy real world requires occasional "interventions" from government to help the economy "recover" and "get back to equilibrium." In the most recent variation of the saltwater theme, we read of "multiple equilibria," opening a path for interventions to move the economic system from a low-functioning to a high-functioning state – following which, presumably, the need for interventions will again recede.

A favorite policy concept of this crowd is "stimulus." This is the idea that by handing out money one can make the wheels of commerce turn, and that the major if not the only absolutely necessary agency of government is a green cheese factory, otherwise known as a central bank. This faction has practical relevance in a neoliberal state where writing checks is the one bureaucratic function that cannot be degraded by privatization and deregulation. Sometimes this faction identifies with John Maynard Keynes, although in real life Keynes was a much more subtle, realistic, pragmatic and radical thinker.

With either faction, the common theme in neoclassical or mainstream thought is the existence of equilibria, of a point (or points) of balance between market forces, with the government in the background, an add-on, necessary only to clean up some odds and ends that the market is not structured to provide, as well as to enforce contracts and property rights. This is the economics of 18th century agriculture, of comparative advantage and free trade, of King Cotton and of the Fugitive Slave Law. It is a triumph of doctrine over history and common sense. Russians who survived the 1990s will recognize the genre.

Most important, mainstream economics descends from a tradition of pre-scientific thought, which emerged in the Enlightenment as advanced spirits such as Hume and Smith struggled with the dead hands of church doctrine and feudal practice. The discipline still carries with it an aura of crusading virtue from those days, aimed at the perfection of human society along decentralized, competitive, commercial lines. The problem is that such a society, which has never actually existed, cannot actually exist. And the ideas that drive mainstream minds in this direction were superseded in the 19th century by the rise of evolutionary materialism, rooted in physics and biology, and in a never-ending process of irreversible changes conditioned by the arrow of time.

In the late 19th century the laws of thermodynamics captured the scientific world. My great-grandfather, Wilbur Olin Atwater, an early biochemist, relied on the First Law to develop the thermal calorimeter; his recognition was such that he was received by Tolstoy at Yasnaya Polyana. But these currents of thought and science passed economics by, and even so great an intellect as Nicolas Georgescu-Roegen [6], writing in 1971, could not inject them into mainstream economics. More recently, with the energy crisis augmented by recognition of climate change, a new effort has become imperative. This effort will not reform neoclassical economics, which is unreformable, but rather replace it with a mode of thinking that can actually illuminate the world in which we live.

A biophysical perspective (Chen and Galbraith [2–5]) admits that economic life is subject to the same physical laws as any biological or mechanical system. Resources must be extracted. Investment is necessary to do so efficiently. Scale, efficiency and fixed cost have a price – what they gain in productivity they lose in resilience. To be large is to be dangerous. To be large is, also, to be relatively fragile and endangered, subject to the possibility of collapse. The history of industrialization is full of examples, including railways, ocean liners, aircraft, dams, reactors, and much else besides. Nowhere in the world is this more clear than in the territories of the former USSR. It is the same, in the social sphere, for empires, from that of Rome to that of the United States.

Above all, the biophysical perspective calls attention to the role of regulation in any advanced system. Regulation is not an add-on to a pre-existing, complex life form, machine, or economy. It is the precondition without which no such life form, machine or economy can exist. Regulation makes possible the sustained operation of any advanced system – not indefinitely, but for a longer time, and with greater success, than would otherwise be possible. Regulation mitigates the dangers. If you doubt the principle underlying this claim, stop taking your blood-pressure medicine, drain the oil from your crank-case, fire the air traffic controllers – and let your bankers regulate themselves. The result is always disaster, as the energy flowing through the system quickly exceeds the capacity of the materials from which the system is built to contain it.

The essential difference between an advanced and a developing country therefore does not lie in education or technology. Education can be poor in rich countries and it can be good in poor ones; production technologies can be transferred and plants located almost anywhere on the globe. The critical difference lies in the ability and will to regulate; that is, to develop and enforce standards, for quality, for safety, for the environment, and for wages. This was also the decisive difference between the West and the former socialist bloc; while the latter concentrated on efficiencies associated with the scale of production and the uniformity of the resulting products – from clothing and food to cars and housing – the latter regulated to improve quality, safety, and (through the design function of industrial corporations) also the diversity and aesthetic appeal of what was produced. Part of the great success of China in recent decades lies in the fact that it solved the quality and diversity problems of socialist production economies, initially *by importing standards* from its markets in the West. Quite simply, anything that could meet the regulatory standards of the most advanced Western markets could also be sold at home, raising the living standard of the Chinese people as a secondary effect.

A biophysical vision of the economy is evolutionary in a strict sense. It does not suppose an equilibrium disturbed from time to time by shocks. It does not suppose multiple equilibria that once achieved are locally stable. It does not suppose that corporations or other business entities necessarily adapt to changing conditions or pass along acquired characteristics – an echo in economics of a genetic doctrine Russians will no doubt remember with distaste. Biophysical principles deny immortality, and accept that in the competition to survive, the young have an advantage over the old. They subsume the Second Law of Thermodynamics, to wit that the global entropy of the system is always increasing, and that local entropy may be controlled only by the introduction of new energy resources and the creation of new complex structures, represented by Professor Bodrunov's construction of "noonomy." [1].

In all these respects, biophysical principles refute the central principles of the neoclassical mainstream. They refute the theological fantasy of a self-regulating market, like God Himself, millions of times faster and wiser than the quantum computer. They reject the ergodic hypothesis, according to which the future is a stochastic projection of the past. They reject the possibility of "rational expectations," of making forecasts subject only to random

and unbiased error. But they also refute the “flaws and frictions” approach, which consists of adding a few restrictions to (or relaxing a few assumptions of) the freshwater theology, in hopes of more closely approximating “the real world.” For biophysical economics, nothing short of a full transition from Linnaeus and Smith to Mendel and Darwin and their successors including Thorstein Veblen, John Maynard Keynes and John Kenneth Galbraith will do.

Let me bring this back to the pandemic and what it means for our economic future. It means, first, that the economy will not self-adjust. It means that the world *ex post* will not correspond in all respects to the world *ex ante*. Full recovery is not inevitable. Since there was no equilibrium before the pandemic, the situation in the past is not a realistic guide to the situation in the future. Returning to a path described by the economic statistics of recent is not a process that will occur on its own; nor will it necessarily be effected by the mere act of accelerating the *pace* of activity – the declared goal of a “stimulus” program. While passing out cash is useful – even necessary – in the short term, cash is not sufficient. More fuel it will not by itself repair the damage to a broken engine or a worn-out transmission, any more than food is by itself a cure for infection or cancer.

It is a feature of the biophysical view, not incidentally, that each situation requires its own experts; there are no universal policy formulas in economic life, notwithstanding the repetitive prescriptions of the International Monetary Fund and itinerant professors with high-status academic appointments. I will therefore not try to comment on how the pandemic may affect the course of economic development and the evolution of social structures in Russia. That is a task for economists with far greater familiarity with the specific conditions in Russia. With respect to the economy of the United States, which I have been trying to observe closely, there are three principal specific concerns:

In the advanced sectors, such as aircraft and energy and information, and in investment sectors such as commercial and retail construction, the demand for product will not return to previous patterns or levels. This is an obvious consequence of vastly excessive supply and pandemic-induced obsolescence. For example, with a large share of airworthy civilian aircraft parked on the ground, new ones need scarcely be manufactured. Office buildings and retail malls are vacant and filling with dust and microbes, so new ones will not be built. The price of petroleum is about half of the lifting cost in the Permian Basin, so new fracking wells will not be drilled. And it appears that the future of American telecommunications hegemony rests on the ability of the state to crush a low-cost competitor from China, a proposition that is possible but far from assured. The capabilities that underlie these sectors, along with the biomedical sciences, are at the heart of the American position in the global economy. If the industries collapse, then the underlying capabilities will wither; they will fade out of existence and the people who presently animate those sectors will retire or turn to other activities, not using their training, talents and teamwork. To keep the capabilities, therefore it will be necessary to mobilize for some other uses, to use them for public and social purposes, and so to obtain a distinct social benefit from their reinvention. Whether such a mobilization is possible in the present social conditions of the United States is an important, open question.

The services sectors employ many millions of less-skilled, less-interdependent workers; they are the main source of jobs and incomes in the United States, and have been for many years. In the United States, with a minor exception for industries attracted in recent years by the low cost of North American natural gas, all of the net gain in employment for twenty years or more has been in a vast complex of restaurants, bars, gyms, hotels, spas, resorts, leisure and business travel, nail and hair salons, massage parlors and tattoo shops, schools, office work and retail and the like. Profit margins in the services sector are low, but all services enterprises face fixed costs, in the forms of rent, maintenance, utilities and interest. To be

profitable, they require a certain level of clientele, in many cases that the facilities be packed with people on certain days of the week or parts of the year. But public health has forced many businesses to shutter while others were obliged to operate far below their design capacity. Shuttering of some businesses creates blight, making entire districts unattractive and so less profitable for those who survive. In many cases, what was profitable before the pandemic is not profitable now and may well not become so again, even if the virus recedes over the next year or so.

What will happen is, of course, not entirely known. But full recovery of the services sector will face three obstacles. The first is a kind of doom loop: the fact that the clients of many services are the employees of other services, who will not resume their previous consumption habits until they are themselves re-employed. The second is the problem of blight: neighborhoods with shuttered and decaying storefronts and offices are less inviting for services and less profitable going forward. And their third is the possibility that habits changed in the pandemic may stay changed. For safety's sake, as Covid spread, middle class Americans retreated, by and large, to their homes, often in suburbs, where the instincts of an earlier generation had provided adequate equipment for cooking, entertainment and the raising of children. Some will emerge when the pandemic ends to resume the previous patterns of life, but others will not.

In short, to provide employment and to maintain the viability of the services sector after the virus recedes, new cooperative, public-private models will be necessary for private concerns. And to absorb those who may not be so easily re-employed, expanded public services and a job guarantee program will be necessary to provide jobs where the private for-profit sector fails to measure up. Conscious institutional design – and not market-clearing through ever-lower wage rates – will be required.

Finally, debts contracted under the old assumptions cannot and will not be paid in full under the new conditions, and the attempt to maintain them will act as a barrier to new economic activities. This is one of the oldest problems in economic dynamics. In good times, people take on debts – mortgages, rental contracts, utility obligations, car loans and in the US student loans and health care loans – all of which are non-contingent obligations. But the incomes that support those contracts are contingent – on personal good health, on economic conditions both local and national. The pandemic has disrupted the contingent incomes while leaving the non-contingent obligations intact.

For the moment, temporary deferrals, forbearance and a moratorium on evictions and foreclosures are keeping the debt problem under control. But when these provisional measures expire, a wave of obligations will come due, and many will be defaulted, with consequences for the credit ratings and future economic viability of the debtors, as well as for their immediate social welfare. There is no easy resolution here, since the viability of the system going forward also depends on the credibility of debt contracts. One cannot maintain a capitalist system if debts are routinely or frivolously excused. But one also cannot maintain the system under a crushing burden of unpayable debts. So it will be necessary to restructure, to write-down and to settle up a wide range of pandemic-induced debts, as fairly as possible to all parties involved, and to restructure the financial system as necessary to reflect the resulting improvement in the overall distribution of financial wealth.

In short, even though the Great Financial Crisis failed to dislodge neoclassical thinking from its death-grip on the academic mainstream, the situation is even more serious today. The imperative is therefore all the greater. Each of these problems mentioned above attests to the relevance of a biophysical, evolutionary mindset, and to the irrelevance of the ergodic hypothesis and the neoclassical framework. Historical events have consequences. The future

is not a predestined extension of the past. In the words of Omar Khayyam: “The moving finger writes, and having writ, moves on.”

Biophysical economics is, in short, a practical, common-sense analytical approach, rooted in reality, based on science, consistent with institutionalism, with my father’s work on the corporation, with the work of this Congress and of Professor Bodrunov on noonomy. May you prosper and succeed in your efforts to advance economics along these lines.

References

1. Bodrunov, Sergey (2018) *Noonomy*, Moscow, St. Petersburg, London, UK.
2. Chen, Jing and James K Galbraith, (2012b), “A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics,” *Journal of Economic Issues*, Vol XLVI No. 2, June, 419-428. DOI 10.2753/JEI0021-3624460217
3. Chen, Jing and James K Galbraith, (2012a), “Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance,” *Cambridge Journal of Economics*, Volume 36 Issue 1 January, 335-343. doi:10.1093/cje/ber027
4. Chen, Jing and James K Galbraith, (2011), “Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: A Fixed Cost Perspective,” *Journal of Economic Issues*, Vol. XLV No. 2 June, 301-309. DOI 10.2753/JEI0021-3624450206
5. Chen, Jing and James K Galbraith, (2009), “A Biophysical Approach to Production Theory,” *UTIP Working Paper No. 55*, <http://utip.lbj.utexas.edu>, Feb. 1, 2009.
6. Georgescu-Roegen, Nicholas, (1971) *The Entropy Law and the Economic Process*, Cambridge: Harvard University Press.

Д. К. Гэлбрейт³. Неоклассическая экономическая теория в биофизическом мире. Биофизические принципы лежат в основе функционирования всех биологических, механических и социальных систем. Они подчеркивают определяющую роль эффективного регулирования в системах, построенных на базе последних технических достижений, важность компромисса между эффективностью и устойчивостью к внешним воздействиям и значение экономических последствий текущей пандемии и таким образом дают возможность простого и наглядного подхода к осмыслению экономики и полит-экономики.

Ключевые слова: биофизическая экономика, регулирование, ресурсы, устойчивость, пандемия.

³ Джеймс К. Гэлбрейт, заведующий кафедрой правительственных и деловых связей им. Ллойда М. Бентсена-мл. Школы по связям с общественностью им. Линдона Б. Джонсона и профессор государственного управления Техасского университета в Остине (США).

А. В. Бузгалин¹

КРЕАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ТРАНСФОРМИРУЕТ РЫНОК И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ²

Дается характеристика качественных изменений, происходящих в общественном производстве, основой которых становится креативная революция, переход к доминированию творческой деятельности. Показано, что творчество есть процесс субъект-субъектных отношений, в результате которого создаются общественные блага. Вследствие этих изменений возникают глубокие противоречия в развитии рынка, отношениях собственности, ценностях и мотивации человека. Все большую роль в накоплении капитала начинает играть не прибыль, а интеллектуальная рента; возникают новые формы подчинения труда капиталу и феномен эксплуатации капиталом мировой культуры. Креативная революция создает условия для появления субъекта, сопоставимого по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это – человек творческий, но и для него в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала характерны глубокие противоречия, раскрываемые автором статьи.

Ключевые слова: креативная революция, рынок, собственность, капитал, марксизм.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-109-115

УДК 332.352

Рассматриваемая проблема, имеет меньший исторический горизонт, чем исследования, посвященные переходу от мира социально-экономического отчуждения к качественно новому общественному состоянию, которое интерпретируют по-разному: «царство свободы» [1, с. 386–387], информационное общество [2], постиндустриальное общество [3] или подвергающая критике миражи постиндустриализма теория ноономики [4, 5]. Вопрос о качественном скачке обсуждается давно, хотя и недостаточно активно. Несколько сужая временной горизонт, сегодня будем говорить о том, что изменения в реальных экономических отношениях современного позднего капитализма [6, 7] – отношениях, называемых рынком, и отношениях, которые называют капиталом, – происходят под влиянием креативной революции.

¹ Александр Владимирович Бузгалин, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46), руководитель Московского отделения Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте (197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16), д-р экон. наук, профессор, e-mail: buzgalin@mail.ru.

² Подготовлено по материалам доклада на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

Несколько слов об этой революции. На мой взгляд, ключевое изменение происходит в содержании труда. Этот процесс носит, с одной стороны, по видимости, постепенный характер, но с другой – это качественный скачок. Приведу образ-аналогию – лесное озеро. В России, вы знаете, бывает холодно, и озера замерзают, весной постепенно превращаются в замечательное пространство с чистой водой, но превращаются постепенно. Сначала среди льда появляются лужи, затем среди воды остается очень много льдин, но в конечном итоге происходит качественный скачок: H_2O из твердого состояния переходит в жидкое. Вот точно так же происходят революции в социально-экономических отношениях. Качественное изменение есть, и одно из них – это качественное изменение в содержании труда: с конца XX – начала XXI в. все больше людей (а в ближайшей перспективе – большинство), которые могут стать креаторами и посвятить свою основную деятельность творческим функциям, работая педагогом, медиком, программистом, инженером, художником и т. п. Материальная база для этого создана. Когда-то считали, что эта материальная база будет создана к 1980 г.: была такая программа КПСС, были научно-фантастические книги и научные прогнозы, которые утверждали, что к концу XX в. на дорогах не останется водителей – будет полная автоматизация, в кафе не будет ни одного официанта, магазины вообще исчезнут, потому что люди будут получать достаточное количество благ и проблемы новой кофточки или здоровой еды исчезнут сами собой. Но реальность оказалась иной. Прогресс идет гораздо медленнее. И причина этому – тот самый рынок и тот самый капитал, о которых я хочу сейчас поразмышлять. Но сначала – о некоторых принципиальных изменениях в труде.

Творческая деятельность становится массовой. И речь идет не только об ученых, программистах, инженерах, о которых мы привыкли говорить. Это и огромный слой работников здравоохранения в широком смысле слова, начиная от тех, кто приходит к тебе и помогает, когда ты в больнице в тяжелом состоянии (мне довелось познакомиться с этими людьми), и от их творческого, человеческого отношения к тебе здоровье зависит не меньше, чем от профессионального врача, и заканчивая гениальным хирургом или гениальным диагностом. Это широчайший круг педагогов, которые работают с тобой всю жизнь и работают с каждым – «образование для всех и через всю жизнь» (не забудем, что образование – это единство воспитания, просвещения и обучения; об этом последние работы Н. Яковлевой) [8, 9]. Это погружение в эстетическую среду, где каждый включен в художественное творчество, хотя бы как человек, способный распределить музыку, картину, произведение искусства в любой его форме. Это огромный пласт работы для каждого, работы, которая занимает всю жизнь и все время, ибо для творческого человека нет границы между свободным и рабочим временем. Самые интересные мысли приходят мне в голову в консерватории или в бассейне. Я отдыхаю или я работаю в этом пространстве-времени? Свободным становится время личностного развития, включая творческую деятельность, а рабочим становится то время, когда ты занят репродуктивной, рутинной деятельностью. Это качественное изменение.

Еще одно качественное изменение связано с тем, что творческая деятельность делает феномены культуры из феноменов культуры. Материальное производство выступает как посредник, как предпосылка, но не как главное пространство и не как главный фактор развития (об этом в последние годы пишет С. Д. Бодрунов [4, 10, 11]).

Еще один тезис, также хорошо известный, – творчество является субъект-субъектным диалогом. В нем нет субъекта и объекта. Нет ситуации, где один начальник, другой – дурак (замечу в скобках: в наших реалиях даже в университетах ситуация «я начальник, ты – дурак» срабатывает очень часто, но это исключение, точнее, извра-

щение творческого процесса). Творчество – это пространство, где мы соревнуемся, кто больше подарит другому. Любая конференция, конгресс – это соревнование «кто больше подарит знаний», кто представит самый аргументированный доклад. Тот, кто дарит больше всех, лучше всех, интереснее всех, тот выигрывает соревнование. Это нечто противоположное рыночной конкуренции.

Далее. Творчество создает результат, который по своей природе, по своему содержанию не ограничен. Все, что сказано творцом, может быть использовано каждым жителем планеты Земля, если... если мы не вводим режим интеллектуальной собственности. Это потенциальное движение от частной собственности к собственности каждого на все [12] или к отсутствию собственности, о чем говорится в работах профессора Бодрунова [13]. Такое творчество создает новую экономику, новую реальность, но пока оно осуществляется в условиях господства рынка и капитала, причем особого типа. И здесь генерируется огромное количество новых противоречий.

Противоречие первое связано с тем, что рынок становится тотальным и выходит за пределы производства, обмена, распределения и потребления. Рынку подчиняются те сферы, которые, в принципе, должны лежать в пространстве сотворчества. Это вся социальная сфера – образование, искусство, наука и т. д.; сфера межличностного общения – семья, отношения дружбы, любовь и т. д. Рынку становится тесно в экономике, и он паразитирует, более того, он подчиняет себе неэкономическую сферу. И с этим связаны противоречия – он вторгается туда, где он подрывает сами основы жизнедеятельности. Как только, скажем, врач начинает ориентироваться на коммерческий результат в узком смысле слова, как только он попадает под власть капитала, который имманентно ориентирован на прибыль, мы оказываемся в пространстве, где врач работает «на деньги». Знаете главный лозунг платной медицины? Главное, чтобы пациент не умер, но и не вылечился. И это лишь отчасти шутка. То же самое касается и других пространств творческой деятельности.

И здесь начинается глубокое, фундаментальное противоречие, которое в марксизме называли противоречием производительных сил и производственных отношений: содержание труда, с одной стороны, и социально-экономические отношения, с другой стороны: рынок, особенно современный тотальный рынок, ограничивает и тормозит, ограничивает и деформирует творчество, подчиняя его отчужденным целям и трансформируя мотивацию его актора. Из этого не следует, что завтра необходимо рынок запретить, но из этого следует, что его вытеснение и создание отношений, адекватных для прогресса сотворчества, есть императив современности.

Второе противоречие состоит в том, что рынок сам по себе генерирует высокий уровень концентрации производства и капитала (эта связка давно известна, но от этого не перестает быть очень значимой). Более того, в сфере производства креативных результатов наблюдается удивительная закономерность: чем четче специфицированы права частной собственности, т. е., чем лучше работают институты рынка, тем меньше возможностей для конкуренции. Если вы абсолютно жестко запатентуете каждую технологию и превратите ее навсегда в частную собственность данного актора, то конкуренция будет невозможна. Если сегодня некто «Икс» придумает вакцину от коронавируса и запатентует технологию ее производства, превратив ее в свою интеллектуальную частную собственность, и этот патент будет бессрочным, то человечество никогда не сможет использовать лекарство от коронавируса без позволения собственника патента. Никакой конкуренции.

Находятся и паллиативы. Например, патенты выдают на несколько лет, но это паллиативы. Мы входим в противоречие творческой деятельности и частной собствен-

ности, противоречие спецификации частной собственности и конкуренции. Рынок начинает отрицать сам себя и создавать сам себе проблемы.

Третье противоречие современного рынка – подрыв обособленности, независимости, экономической свободы производителей вследствие распространения манипулирования. Мы все превращаемся в марионеток, подвешенных на ниточках корпоративного манипулирования. Об этом писал Джон Кеннет Гэлбрейт [14]. Чем сильнее корпорация, тем мощнее ее манипулятивное воздействие, тем меньше экономической свободы и частной собственности у акторов, вступающих с ней во взаимодействие. Это реалии сегодняшнего дня. Напомню, что информационную сферу в настоящее время контролирует «банда пятерых» (старшее поколение помнит, как китайское руководство в свое время критиковало «банду четырех», сегодня одна из студенток МГУ ввела понятие «банда пятерых»). Пять крупнейших корпораций контролируют сегодня ИТ сферу. В 2020 г. общая капитализация Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet и Facebook превысила ВВП большинства стран «Большой двадцатки» (G20) за 2019 г.³

Важнейший компонент сегодняшней экономики – это трансформация в новое качество – homo economicus (человека экономического). Человек творческий по своей природе ориентирован на другую логику действий. Для него труд является потребностью. Кстати, о коммунистической утопии: когда приводятся слова о коммунизме как пространстве, в котором распределение осуществляется «по потребностям», то у реципиента невольно возникает ассоциация с сегодняшним homo economicus, утилитарные потребности которого бесконечны: каждый хочет иметь бесконечное количество максимально дорогих костюмов, дворцов, автомобилей... Это, естественно, невозможно. Но предпосылкой торжества «царства свободы», и об этом писали все теоретики коммунизма, начиная от Маркса, является превращение труда в потребность вследствие развития творческого содержания деятельности. По Марксу – всеобщего труда. Но если труд – потребность, то человеку просто неинтересно тратить силы и время на то, чтобы купить дворец и потом думать о том, как его содержать... Человеку интересно быть, а не иметь [15]. Работать. Совершать поступки. Творить. В этом пространстве-времени главная проблема распределения по потребностям – это проблема распределения труда. Доступа к интересной, творческой деятельности. По поводу чего конкурируют профессора в общественном университете, если они работают фулл-таймерами с пожизненным контрактом? Главный объект их конкуренции – количество студентов и курсов (при той же зарплате). Они конкурируют за возможность больше и интересней работать. Больше дарить свои знания и талант студентам, человечеству.

Рынок вступает в противоречие с этой системой. В реальных условиях позднего капитализма каждый homo creator находится в двойственном, противоречивом положении. С одной стороны, каждый творец есть актор рынка и как таковой он хочет как можно больше денег. С другой стороны, он хочет интересной работы, главная его потребность – в труде, в творческой деятельности, самореализации, общественном признании. Если ты художник, это противоречие становится особенно мучительным. Я хочу писать стихи («Я помню чудное мгновенье...»). Но если ты хочешь зарабатывать на жизнь и иметь приличный доход, ты должен пойти в рекламную фирму, и кто-то эти строки превратит в рекламный слоган, что-то вроде: «Я помню чудное мгновенье, купите мыло “Очищенье”»...

³ Стоимость пяти ИТ-гигантов США – \$7 трлн. Больше, чем ВВП 16 стран G20. РБК, 26 августа 2020 г. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f4363819a79479d6cdb08a1> (дата обращения: 3.02.2021).

Не меньшие изменения происходят и с капиталом. Капитал стремится купить креативного работника, причем купить уже не его рабочую силу, не способность к труду, а купить его «бессмертную душу». Купить его творческий потенциал. Заключить с ним долгосрочный контракт, чтобы все, что он создал, принадлежало капиталу. Интеллектуальная частная собственность – это в большинстве случаев **собственность на производство не творца**. Это собственность капитала в той или другой его форме. И даже если небольшие творческие коллективы развивают стартапы, их новации очень быстро скупает или «банда пятерых», или кто-то еще из крупных корпораций. То же самое происходит в искусстве. Художник продает вдохновенье (свою «бессмертную душу») и получает за это большие деньги. Так возникает новая форма подчинения труда (и человека) капиталу – своего рода «крепостничество XXI века» – нечто наподобие крепостных художников или крепостных актеров в России XVIII–XIX вв.⁴

Еще одно противоречие: капитал начинает эксплуатировать уже не просто работника, пусть даже креативного, он эксплуатирует мировую культуру. Когда на коробке конфет появляется Моцарт, или в рекламе звучит музыка Бетховена, или строчки из Толстого, капитал присваивает себе мировую культуру. Он подчиняет ее себе и использует в своих целях. Точно так же капитал эксплуатирует бесплатное образование, присваивая себе его результаты, и т. п.

Еще один феномен – интеллектуальная рента. Сегодня главный источник богатства крупных, креативных корпораций (в том числе вот этой «пятерки») интеллектуальная рента. Не прибавочная стоимость, не прибыль, а рента. Рента – это всегда паразитический доход, мы это знаем из истории феодализма, против чего боролись капитализм и рынок.

И наконец, последнее: креативная революция создает условия, в которых возникает субъект, сопоставимый по своей созидательной (и разрушительной) мощи с капиталом. Это человек творческий, способный создать культурные феномены, эффект (влияние на развитие технологий, человеческих качеств, социальный прогресс) которых будет превосходить эффект функционирования корпоративных капиталов. Но и ему в пространстве тотального рынка и гегемонии капитала присущи глубокие противоречия, на которые было указано выше.

Мы входим в реальность, в которой рынок и капитал, по большому счету становятся излишни и вредны, но это реальность, в которой рынок и капитал господствуют, это реальность, которая из хомо креатора делает крепостного, из рынка – систему манипулирования людьми, а из нас – тех, кто дергается на ниточках капитала и рынка, да еще с бюрократией сверху. Вот такая не очень оптимистичная картина, но с надеждой на будущий скачок в «царство свободы».

Список литературы

1. Маркс, К. Капитал. – Т. III / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 25, ч. II. – М.: ИПЛ, 1962.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 944 с.

⁴ Подробнее об этом см.: [16].

4. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. Бодрунов, С. Д. К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма / С. Д. Бодрунов // Вопросы политической экономии. – 2020. – №3. – С. 52–66.
6. Бузгалин, А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – №2. – С. 10–38.
7. Бузгалин, А. В. Реальные противоречия (не)реального капитализма: Рецензия на книгу: Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России. М.: Экономика, 2016) // Вопросы политической экономии. – 2016. – №3. – С. 146–150.
8. Яковлева, Н. Г. Социальные последствия финансиализации образования / Н. Г. Яковлева // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 104–114.
9. Яковлева, Н. Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 149–153.
10. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 328 с.
11. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. – М., 2020. – 224 с.
12. Межуев, В. М. Социализм – пространство культуры / В. М. Межуев // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 113–164.
13. Бодрунов, С. Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. – 2020. – №2. – С. 4–14.
14. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 900 с.
15. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 384 с.
16. Булавка-Бузгалина, Л. А. Не продается вдохновенье? / Л. А. Булавка-Бузгалина // Вопросы философии. – 2021. – №1.

References

1. Marx K. (1962) Capital. Vol. III. In Marx K., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 25, Part II. M: IPL, 1962, pp. 386–387.
2. Castells M. (2000) Informacionnaja epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. Transl. from English ed.by Shkaratan O.I. Moscow: State University High School of Economics.
3. Bell D. (2004) Grjadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia.
4. Bodrunov S.D. (2018) Noonomika [Noonomy]. Moscow: Cultural Revolution.
5. Bodrunov S.D. (2020) K voprosu o sravnitel'nom analize teorij noonomiki i socializma [On the Issue of Comparative Analysis of Noonomy and Socialism Theories]. Questions of Political Economy, 3, pp. 52–66.
6. Buzgalin A.V. (2018) Pozdnij kapitalizm i ego predely: dialektika proizvoditel'nyh sil i proizvodstvennyh otnoshenij (k 200-letiju so dnja rozhdenija Karla Marksa) [Late Capitalism and its

Limits: Dialectics of Productive Forces and Production Relations (for the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. *Questions of Political Economy*, 2, pp. 10–38.

7. Buzgalin A. V. (2016) *Real'nye protivorechija (ne)real'nogo kapitalizma* (Recenzija na knigu: Rjazanov V. T. (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politekonomija krizisa i ego posledstvij dlja mirovoj ekonomiki i Rossii. M.: Ekonomika, 2016.) [Real Contradictions of (Un)real Capitalism (Book review: Rjazanov V. T. (Un) real Capitalism. Political Economy of the Crisis and its Consequences for the World Economy and Russia. Moscow: Economics, 2016.)]. *Questions of Political Economy*, 3, pp. 146–150.

8. Yakovleva N. G. (2019) *Social'nye posledstvija finansializacii obrazovanija* [Social Consequences of the Financialization of Education]. *Sociological Research*, 12, pp. 104–114.

9. Yakovleva N. G. (2018) *Obrazovanie v Rossii: obshchestvennoe blago ili kommercheskaja usluga?* [Education in Russia: Public Good or Commercial Service?]. *Sociological Research*, 3, pp. 149–153.

10. Bodrunov S. D. (2016) *Grjadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka* [The Coming of New Industrial Society: Reloaded]. 2nd ed. St. Petersburg: S. Y. Witte INID.

11. Bodrunov S. D. (2020) *Noonomika: traektorija global'noj transformacii* [Noonomy: Trajectory of Global Transformation]. Moscow: Cultural Revolution.

12. Mezhuiev V. M. (2009) *Socializm – prostranstvo kul'tury* [Socialism - the Space of Culture]. In *Socialism-21. 14 Texts of Post-Soviet School of Critical Marxism*. Moscow: Cultural Revolution, pp. 113–164.

13. Bodrunov S. D. (2020) *Global'nye riski v prostranstve pandemii: praktika podtverzhdaet teoriju noonomiki* [Global Risks in the Space of a Pandemic: Practice Confirms the Theory of Noonomy]. *Economic Revival of Russia*, 2, pp. 4–14.

14. Galbraith J. K. (1969) *The New Industrial State*. Moscow: Progress.

15. Fromm E. (1990) *To Have or to Be*. Moscow: Progress.

16. Bulavka-Buzgalina L. A. (2021) *Ne prodaetsja vdohnoven'e?* [Is Inspiration for Sale?]. *Questions of Philosophy*, 1.

A.V. Buzgalin.⁵ Creative revolution transforms market and property relations. The author describes the qualitative changes currently taking place in social production indicating that their basis is the creative revolution, the transition to the dominance of creative activity. The article shows creativity is a process of subjects' subject, as a result of which unlimited public goods are created. So deep contradictions arise in the market development, property relations, values and the human motivation. Intellectual rents, instead of profit, begins to play an increasing role in capital accumulation, new forms of subordination of labor to capital and the phenomenon of exploitation by capital of world culture arise. The creative revolution creates the conditions in which the subject comparable in its creative (and destructive) power with capital, arises. This is a creative person but for him deep contradictions in the space of the total market and the capital hegemony, revealed by the author of the article, are typical.

Keywords: creative revolution, market, property, capital, marxism.

⁵ *Alexander Buzgalin*, Professor of Moscow State University (Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia), Doctor of Economics, Professor, e-mail: buzgalin@mail.ru.

Г. А. Маслов¹, З. Р. Хабибуллина²

**НА ПУТИ К НООНОМИКЕ:
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА³**

Выполнен обзор международного конгресса «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (СПЭК-ПНО-2020), объединившего «Санкт-Петербургский международный экономический конгресс» (СПЭК-2020) и международный конгресс «Производство. Наука. Образование» (ПНО-2020). Данное мероприятие стало площадкой для всестороннего обсуждения актуальных проблем современной экономики, поиска новых стратегий цивилизационного развития. На повестку дня были поставлены вопросы фундаментальных изменений рыночной экономики вследствие современных технологических трансформаций, движение в сторону эко-, социо-, гуманитарно ориентированной модели развития. Участники конгресса подчеркнули, что творческий потенциал человека становится главным ресурсом и целью производства в противовес рыночноцентричной установке максимизации материального потребления.

Ключевые слова: СПЭК-ПНО-2020, ноономика, НИО.2, научно-технический прогресс, диффузия собственности, интеграция производства, науки и образования, солидаризм, социализация общества, технологические трансформации.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-116-126

УДК 330.354

2–4 декабря 2020 г. прошел объединенный международный конгресс «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (СПЭК-ПНО-2020), организованный Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте при поддержке Секции экономики Отделения общественных наук РАН. Соорганизаторами конгресса выступили: Вольное экономическое общество России,

¹ Глеб Андреевич Маслов, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16), научный сотрудник Института экономики РАН, канд. экон. наук, e-mail: glemiach@yandex.ru

² Зенфира Рафкатовна Хабибуллина, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16), e-mail: ruzen7@mail.ru

³ Подготовлено по материалам докладов на Объединенном международном Конгрессе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» (2–4 декабря 2020 г.).

Конгресс работников образования, науки, культуры и техники, философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), общероссийское общественное движение «Образование – для всех».

В этом году конгресс объединил два значимых ежегодных научных мероприятия, традиционно проводимых ИНИР им. С. Ю. Витте при поддержке РАН: Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК-2020) и международный конгресс «Производство. Наука. Образование» (ПНО-2020).

В связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой все секции прошли в онлайн-формате. На конгрессе выступили 552 докладчика из многих российских регионов, стран ближнего и дальнего зарубежья (в их числе Бразилия, Великобритания, Греция, Дания, Канада, Китай, Куба, США, Франция), представлявших научно-исследовательские и образовательные учреждения, органы государственной власти, общественные движения, бизнес-сообщество. Число слушателей конгресса в онлайн-режиме составило 2 366 человек. Видеоматериалы ключевых секций доступны на сайте Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте⁴.

Основными темами дискуссий стали генезис новых общественных отношений вследствие наступления четвертой промышленной революции; переход к эко-, социо-, гуманитарным критериям развития вместо максимизации материального потребления; трансформации общественных институтов при продвижении к НИО.2 и ноономике; новый характер трудовых отношений; изменения векторов пространственного развития и др.

Докладчики затрагивали как международные, так и национальные аспекты проблем с выходом на рекомендации мер социально-экономической политики. Актуальность поставленных вопросов задает сама жизнь. Технологическое развитие начала XXI в., ускоряющееся в последнее время, стремительно трансформирует привычные экономические отношения. Размываются институты частной собственности (что во многом связано с распространением различных форм шеринга), меняются мотивы к труду, приоритеты политики в пользу императивов устойчивого развития. Необходимо в короткие сроки, но не в ущерб качеству переосмыслить прежние теоретические положения экономической теории, раскрыв новые феномены хозяйственной жизни. Без этого невозможно дать ответы на обостряющиеся вызовы практики.

Открыл конгресс председатель оргкомитета, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор **С. Д. Бодрунов**. Была отмечена актуальность выносимых на обсуждение проблем, подчеркнуто, что социально-экономический кризис, усугубленный пандемией, требует выработки не только текущих тактических, но и устремленных в будущее стратегических решений. На открытии было представлено приветствие академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академика РАН А. В. Смирнова.

В первый день конгресса состоялась работа первого пленарного заседания, которое модерировали **С. Д. Бодрунов** и **А. В. Бузгалин** (директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, профессор МФЮА, д-р экон. наук, профессор).

Первую сессию «Генезис ноономики: новая повестка для XXI века» открыл **С. Д. Бодрунов**. В докладе «Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм» он обратился к источникам глобальных кризисных

⁴ Сайт ИНИР имени С. Ю. Витте. URL: <https://inir.ru/spec-pno-2020-news/>

явлений современной экономической системы. Было отмечено, что «невидимая рука» рынка все чаще указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнической эксплуатации ресурсов, нежели на прогресс человеческих качеств и решение социальных проблем.

При поиске нового вектора цивилизационного развития необходимо осознание важности превращения знаний в главный источник, ресурс и результат развития. Таким вектором может служить движение к ноономике через новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2). Основой такой трансформации должно стать развитие индустрии на основе НБИКС-технологий, которые имеют потенциал ускорения научно-технического и общественного прогресса, большего выведения деятельности человека в сферу творческого труда. Хотя теоретический мейнстрим пока далек от принятия этих идей, отражение данных положений уже можно найти в программах крупных международных институтов. В частности, концепция устойчивого развития ООН постулирует приоритет развития человеческих качеств в противовес максимизации материального потребления.

В качестве базовых принципов для перехода в ноопространство было выдвинуто четыре равнодействующих вектора: 1) НТП как материальное условие перехода на новый уровень развития; 2) диффузия собственности как процесс размывания прежних институтов собственности; 3) социализация общества как база развития ноокачеств человека, возвышение общественных интересов над частными; 4) солидаризм как идеологическая платформа и разновидность кооперации общественных сил на основе социально ответственной деятельности. С. Д. Бодрунов подчеркнул, что квадрига векторов цивилизационного развития (НТП, диффузия собственности, социализация общества и солидаризм) создает объективную, исторически обусловленную основу генезиса ноообщества.

Поднятую С. Д. Бодруновым проблему развил **С. Ю. Глазьев** (министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, д-р экон. наук, профессор) в докладе «Формирование интегрального мирохозяйственного уклада и/или генезис ноономики: контекст – пандемия», отметив, что пандемия резко ускорила структурные изменения мировой экономики, связанные со сменой технологических и мирохозяйственных укладов. Докладчик обратил внимание, что во многих странах ставка сделана на активизацию механизмов государственно-частного партнерства, основанных на солидарном понимании необходимости совместных усилий государства, науки и бизнеса. По мнению С. Ю. Глазьева, сегодня существует два сценария цивилизационного развития: 1) продвижение в сторону ноономических критериев развития как основ модели интегрального мирохозяйственного уклада, направленного на гармонизацию интересов различных социальных групп и устойчивое развитие; 2) регрессивное движение к формированию мирового олигархического правления и глобальной гегемонии американской властной элиты. Можно без преувеличения сказать, что от выбора пути зависит будущее человечества на многие десятилетия.

А. Г. Аганбегян, заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН, д-р экон. наук, профессор в докладе «О приоритетном развитии сферы «экономика знаний» привлек внимание к теме развития экономики знаний и человеческого потенциала. В качестве эффективного механизма управления было рекомендовано использовать программно-целевые проекты, значительно повысить расходы государства в ключевые сферы общественного развития: образование, здравоохранение и НИОКР. В настоящий момент в России объемы финансирования социальной сферы недостаточны, что препятствует выходу на интенсивную модель экономического роста.

В выступлении американского коллеги **Дж. К. Гэлбрейта**, профессора Школы по связям с общественностью имени Линдона Джонсона Университета Техаса (тема доклада: «Неоклассическая экономика, ноономика и биофизический мир») был подчеркнут тезис о необходимости критического переосмысления существующего экономического порядка. Неоклассическая экономика в силу ограниченности предмета и метода не способна адекватно реагировать на происходящие в мире события. Пандемия коронавируса начинает выступать триггером распространения альтернативных взглядов на социально-экономическое развитие. Как отметил Дж. К. Гэлбрейт, страны, отошедшие от слепого следования установкам *laissez-faire*, гораздо успешнее справляются с последствиями пандемии. В результате новая модель развития, ориентирующаяся на развитие человеческого потенциала с широким участием государства, получает все большее признание.

С. В. Калашников, первый заместитель председателя Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству Государственной Думы ФС РФ, д-р экон. наук, в докладе «Наметившиеся контуры трансформации экономических, социальных и государственных структур в сегодняшнем мире» рассмотрел широкий спектр проблем и трендов, ставших повесткой дня XXI в. Был отмечен системный характер происходящих в мире трансформаций, которые ведут к масштабному изменению характера труда, института собственности, новых способов организации и мотивации интеллектуальной творческой деятельности и др. Однако, по мнению докладчика, социальное развитие не может пройти без социальных конфликтов, поскольку часть общества заинтересована в сохранении прежнего порядка. Данное противоречие, вероятно, будет решаться в русле процессов дальнейшей социализации экономики и расширения тенденции нооразвития.

О. Н. Смолин, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ, академик РАО, д-р филос. наук, профессор, в докладе «Наука и образование как факторы движения к ноономике» развил тему, поднятую А. Г. Аганбегяном, подчеркнув, что сокращение расходов на образование, науку и здравоохранение – это крайне непродуктивный путь с точки зрения достижения как «социальной справедливости», так и «экономической эффективности». Для настоящей модернизации отечественной экономики необходимы: 1) новая индустриализация на основе интеграции науки, образования и производства; 2) более справедливое распределение общественного богатства; 3) наращивание вложений в человеческий потенциал как элемент инвестиций в образование, науку, медицину и культуру.

О. Н. Смолин подчеркнул, что продвижение к более релевантной вызовам времени социально-экономической модели возможно только при условии приоритетного развития человеческих качеств. Для этого недостаточно одного энтузиазма ученых и педагогов. Необходима последовательная государственная политика с долгосрочным горизонтом планирования.

В выступлении **Д. Е. Сорокина**, руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, члена-корреспондента РАН, д-ра экон. наук, профессора (тема доклада: «Реалии общественной собственности») был затронут ряд аспектов теории ноономики. Так, докладчик отметил, что частный интерес на длительном историческом отрезке времени сыграл прогрессивную роль, но к настоящему моменту его потенциал в качестве одного из двигателей развития близок к исчерпанию. Логичным следствием становятся процессы диффузии собственности.

Принципы нооразвития, формирование в человеке качеств, существенно возвышающих общественные интересы над частными, необходимы для устойчивого разви-

тия человечества. В этой связи биологическая природа человека (то, что профессор С. Д. Бодрунов называет зоо-) должна трансформироваться в ноо-, позволив человеку по-настоящему реализовывать свой творческий потенциал. Однако на этом пути встречается множество препятствий. К примеру, в результате манипулятивных технологий в медиа-среде, социальных сетях человек становится не субъектом истории, а ее инструментом в руках различных влиятельных групп.

Пленарное заседание продолжилось работой второй сессии «Генезис ноономики: выработка стратегий».

В. В. Окрепилов, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН, академик РАН, д-р экон. наук, профессор и **А. Д. Шматко**, временно исполняющий обязанности директора Института проблем региональной экономики РАН, д-р экон. наук, профессор в совместном докладе: «Генезис качественно новых социально-экономических и общественных отношений в процессе технологических трансформаций (на примере разработки Стратегии научного, научно-технологического и инновационного развития Санкт-Петербурга)» затронули региональные аспекты формирования инновационной стратегии. Для обеспечения интенсивной цифровизации производства, перехода к индустрии 4.0 важнейшей задачей является выработка региональной стратегии научно-технического развития и программ промышленной политики. В докладе отмечено, что предыдущий исторический опыт свидетельствует об эффективности распространения инновационных кластеров. Кроме того, была предложена авторская многоуровневая модель управления качеством жизни населения в регионах, показанная на примере стратегии развития Санкт-Петербурга.

Г. Б. Клейнер, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор в докладе «Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики» подчеркнул наличие опасной тенденции коммерциализации социальной сферы (прежде всего образования и здравоохранения), неадекватной для ответа на современные вызовы времени. В то же время в социальных науках формируется совокупность концепций, обосновывающих отказ от узкой ориентации на рыночные критерии успеха в пользу более полного учета принципов справедливости, нравственного долга перед обществом.

Спикер предложил основные направления построения нового общенационального проекта, предполагающие (1) демонетизацию льгот; (2) изменение пропорций между материальными и моральными стимулами на всех уровнях управления; (3) институциональное отделение бизнеса от экономики через создание отдельных систем горизонтального и вертикального представительства; (4) укрепление института репутации и престижа как факторов кумулятивной оценки результативности трудового процесса человека и хозяйственной деятельности; (5) включение в учебные планы по экономической специальности новой дисциплины «Культурологическая экономика».

Е. Б. Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук посвятила свой доклад «О качестве государственного управления научно-технологическим развитием» проблеме контроля и координации научно-технологического развития. Была обоснована необходимость формирования новой управленческой структуры, нацеленной на реализацию перехода российской экономики на траекторию высокотехнологичного развития. Она подчеркнула, что РАН имеет достаточный научный и управленческий потенциал для системного изучения новых явлений, вызванных технологической революцией, а также выработки комплекса практических шагов для перестройки экономи-

ческой модели. Принимая по внимание задачи, стоящие перед отечественной экономикой, Е. Б. Ленчук поддержала призыв О. Н. Смолина и А. Г. Аганбегяна пересмотреть расходование государственного бюджета в сторону значительного повышения вложений в науку, образование и здравоохранение.

Д. Р. Белоусов, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, канд. экон. наук в докладе «Противоречия перспективного периода: к выработке повестки дня на среднюю и долгосрочную перспективу» выделил ряд тревожных экономических и политических тенденций, которые ведут к нестабильности, а не к гармоничному развитию. Нарастают региональные военные конфликты, страны ведут информационно-пропагандистские и торговые войны. Размываются границы экономического пространства: глобальные системы формируются все больше транснациональными корпорациями, а не государствами. Возникает риск лишения человека субъектности и превращения индивида в объект социальных технологий. Каким общество станет после разрешения множатых противоречий, сказать сложно, однако переход к новому обществу едва ли будет безболезненным.

Сессия «Генезис ноономики: в поисках средств» завершила работу первого дня конгресса.

О. А. Александрова, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, профессор в докладе «Кризис российского здравоохранения: «эксцесс исполнителей» или запрограммированный результат?» поставила проблему кризиса российского здравоохранения, что в период пандемии стало крайне актуальным. Спикер поделилась результатами социологических исследований, проведенных под ее руководством. Они показали, что переход на страховой принцип не решает проблему недостатка денег в медицине, а, напротив, усугубляет ситуацию, перекладывая средства на содержание посреднических структур и покрытие транзакционных издержек. Так как деятельность страховых компаний направлена на получение прибыли, возникает конфликт интересов: у страховщиков появляется заинтересованность в большем количестве клиентов (болеющих людей). Это деформирует систему здравоохранения. Социальное благо превращается в социальную услугу, что идет против интересов развития человеческого потенциала.

В. Е. Дементьев, руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор в своем докладе: «Уверенность в будущем как фактор экономического развития» обратился к проблеме уверенности экономических агентов в завтрашнем дне. В период трансформаций боязнь рисков является ограничивающим фактором развития ведущих отраслей. Однако сам характер технологических изменений предвещает переход на парадигму устойчивого развития, обеспечивая более гармоничное удовлетворение человеческих потребностей. В России на данный момент институциональная среда не способствует ориентации на долгосрочные проекты и снижению тревожной неопределенности.

Докладчик привел опыт японского проекта «Society 5.0». В данной модели приоритетом являются качество жизни человека в широком смысле, не ограниченное лишь материальным потреблением, социальная сфера, в особенности здравоохранение. Отмечено сходство такого видения с императивами концепции ноономики.

Я. М. Миркин, заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, д-р экон. наук, профессор, в докладе «Трансформация в социальную рыночную экономику – миф или реальность для России?» в качестве задачи ближайшего времени предложил использование опыта модели социального рыночного хозяйства, реализованной в Западной Европе. Одним из ключевых шагов должна стать система изменения стимулов для экономических агентов – на данный момент слишком большая ставка делается на далеко не всегда эффективные меры государственного вмешательства в рынок. Докладчик считает, что степень экономического участия российского государства в воспроизводственном процессе необходимо снижать для расширения возможностей частной инициативы, особенно в сфере генерирования инноваций. Крайне низкой остается доля малого и среднего бизнеса в структуре отечественного ВВП. В рамках нынешней модели массовое внедрение нового типа технологий наталкивается на множество препятствий, что будет подрывать конкурентоспособность национальной экономики на мировом рынке.

А. А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор в докладе «Человек, человеческий капитал, искусственный интеллект: технологизация versus гуманизация жизни» обратился к различным сторонам человеческой деятельности в экономической системе, возрастающей роли человеческого потенциала в современном производстве. Помимо фиксации созидательной, творческой функции человека была выражена обеспокоенность возможным бесконтрольным развитием искусственного интеллекта. В таком случае большинство работников рискуют стать безмолвными придатками машины. Необходимо найти баланс между процессами технологизации и гуманизации жизни, в котором развитию человеческих качеств будет отведена главная роль. Это во многом перекликается с идеями перехода к нооразвитию, где новые технологии должны стать предпосылкой для снятия социального отчуждения, а не закрепощения человеческой личности.

Во второй день конгресса прошла работа 7 семинаров и 15 «круглых столов».

Семинары

1. Трансформации экономики XXI века: противоречия и перспективы.
2. Технологический прогресс как основа социально-экономических трансформаций.
3. Человек как высшая ценность и главный источник социально-экономического развития.
4. Социально ориентированное развитие: к новому качеству экономики и общества.
5. На пути к нооэкономике: труд, наука, образование.
6. Генезис нооэкономике: диффузия собственности и новая роль государства.
7. Социально-экономические трансформации XXI века: отрасли, регионы, фирмы.

«Круглые столы»

- 8.1. Социально-экономические аспекты борьбы с COVID-19 в России и Китае: сравнительный анализ.
- 8.2. Кризис 2020: обеспечение национальной экономической безопасности в условиях пандемии.
- 9.1. Здравоохранение и качество жизни как интегральный индикатор траектории развития государства и общества.
- 9.2. Трансформации аграрной сферы.

9.3. Противоречия и перспективы финансовой системы в эпоху глобальных трансформаций.

10. Производство, образование и наука промышленного региона в условиях технологических и социально-экономических трансформаций.

11. Прогресс общественного сектора в условиях технологической, социально-экономической и ноономической трансформации.

12. Менеджмент в экономике будущего: исследовательские траектории и научные императивы.

13. Глобальные вызовы пенсионной реформы в условиях современных технологических трансформаций.

14. Тенденции развития российского высшего технического образования в условиях социализации собственности.

15. Трансформация системы взаимодействия университетов и бизнес-сообщества в условиях цифровизации и новой нормальности.

Отдельно отметим первый семинар, на котором представили доклады ведущие отечественные и зарубежные специалисты. Было показано, что, несмотря на национальные особенности, большинство стран сталкиваются с похожими проблемами, вызванными переходным состоянием мировой хозяйственной системы. Спикеры подчеркнули, что в условиях усиливающегося процесса социализации капитализма естественным образом повышается роль государства как института, координирующего деятельность экономических агентов, имеющих зачастую противоположные интересы. Успешность прохождения трансформационного этапа зависит от способности стран придерживаться единого курса, направленного на формирование и развитие новых высокотехнологичных секторов производства.

В заключительный день была проведена презентация серии книг и других материалов, выпускаемых Институтом нового индустриального развития имени С. Ю. Витте. Центральное место в презентации заняло обсуждение новой книги С. Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации» [1]. Были представлены и другие издания [2–7].

В дискуссии о книгах приняли участие ведущие российские и зарубежные специалисты: **Р. С. Гринберг** (научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор), **А. И. Колганов** (заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор МФЮА, д-р экон. наук, профессор), **Р. Десаи** (профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы), **М. Данфорд** (почетный профессор Университета Сассекса, профессор Китайской академии наук), **П. С. Лемещенко** (заведующий кафедрой международной политэкономии Белорусского государственного университета, д-р экон. наук, профессор), **Д. Е. Сорокин** (руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор). Модераторами выступили **С. Д. Бодрунов** и **А. В. Бузгалин**.

Спикеры отметили недостаток фундаментальных работ, комплексно характеризующих нарастающие общественные трансформации нашего времени. Представленные издания в какой-то мере восполняют этот пробел, затрагивая широкий круг аспектов. Это дает системный взгляд на проблемы, позволяя ответить на новые вызовы.

Завершило работу конгресса заключительное пленарное заседание «Генезис ноономики: преодолевая кризис», которое модерировали **С. Д. Бодрунов** и **А. В. Бузга-**

лин. Свои доклады представили **А. В. Бузгалин**, **Р. С. Гринберг**, **Ж. Сапир** (директор Центра исследований индустриализации СЕМП-ЕHESS, научный сотрудник Высшей школы социальных наук (ЕHESS), иностранный член РАН), **Д. Фазенфест** (профессор Лондонского университета востоковедения и африканистики) в соавторстве с **А. С. Филхо** (профессор Лондонского университета востоковедения и африканистики, сопредседатель Ассоциации по продвижению политической экономии (ПРРЕ)).

Можно сказать, что все выступления на заключительной сессии были устремлены в будущее, так как затрагивали явления, которые все больше будут распространяться и развиваться в новых технико-экономических условиях. Однако их первые проявления возникают уже сейчас, что позволяет описывать данные феномены, ориентируясь не только на теорию, но и на практику. Докладчики сделали акцент на социальной сфере как ключевом источнике развития общества, приоритетом которого будет не максимизация материального потребления, а всестороннее развитие человека. Однако инерционность подходов мейнстрима экономической теории может стать тормозом к широкому признанию необходимости новых целей экономической жизни.

Итогом конгресса стала не только презентация новых теоретических положений, но и выработка ряда практических рекомендаций. Это найдет отражение в сериях материалов, которые будут опубликованы в различных научных изданиях, в том числе в сборнике материалов, представленных на конгрессе.

Академическую и общественную работу, результаты которой были представлены на конгрессе, необходимо развивать. Дальнейшее обсуждение поставленных проблем является одним из инструментов формирования оптимальной социально-экономической политики, адекватной новым реалиям.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР; Культурная революция, 2020.
2. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. 4. Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества: сб. науч. тр. / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020.
3. *Десаи, Р.* Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи / Р. Десаи; науч. ред. российского издания С. Д. Бодрунов. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центр каталог, 2020 (серия «Современная экономическая мысль»).
4. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. – Т. 1: сб. пленарных докл. V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭЖ–2019) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2019.
5. Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. – Т. 2, 3: сб. докл. V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭЖ–2019) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2019.
6. Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI). – Т. 1, 2 / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020.
7. На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020.

References

1. Bodrunov S. D. Noonomika: traektorija global'noj transformacii [Noonomy: the trajectory of global transformation] / Monografija / – M.: INIR; Kul'turnaja revoljucija, 2020.
2. Novoe industrial'noe obshhestvo: istoki, real'nost', grjadushhee. Noonomika. IV-j tom (Izbrannye materialy seminarov, publikacij i meroprijatij Instituta novogo industrial'nogo razvitija (INIR) im. S. Ju. Vitte po tematike koncepcii novogo industrial'nogo obshhestva vtorogo pokolenija i nooindustrial'nogo razvitija obshhestva) [New industrial society: origins, reality, future. Noonomy. Volume IV (Selected materials of seminars, publications and events of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development on the topic of the concept of a new industrial society of the second generation and nooindustrial development of society)] / Pod obshh. red. S. D. Bodrunova. Sb. nauch. trudov. – SPb.: INIR im. S. Ju. Vitte, 2020.
3. Desai Radika. Geopoliticheskaja jekonomija: posle amerikanskoj gegemonii, globalizacii i imperii: Monografija [Desai Radhika. Geopolitical Economy: After American Hegemony, Globalization and Empire: A Monograph] / nauch. red. rossijskogo izdanija S.D. Bodrunov. – M.: INIR im. S. Ju. Vitte: Centr katalog, 2020. (serija «Sovremennaja jekonomicheskaja mysl'»).
4. Forsajt «Rossija»: budushhee tehnologij, jekonomiki i cheloveka. Tom 1 [Foresight “Russia”: the future of technology, economy and man. Volume 1] / Sbornik plenarnyh dokladov V Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo kongressa (SPEC–2019) / Pod obshh. red. S. D. Bodrunova. SPb: INIR, 2019.
5. Forsajt «Rossija»: budushhee tehnologij, jekonomiki i cheloveka. Tom 2, 3 [Foresight “Russia”: the future of technology, economy and man. Volume 2, 3] / Sbornik dokladov V Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo kongressa (SPJeK–2019) / Pod obshh. red. S. D. Bodrunova. SPb: INIR, 2019.
6. Proizvodstvo, nauka i obrazovanie v jepohu transformacij: Rossija v [de]globalizirujushhemsja mire (PNO-VI). Tom 1, 2 [Production, science and education in the era of transformations: Russia in the [de] globalizing world (PNO-VI). Volume 1, 2] / Pod obshh. red. S. D. Bodrunova. M.: INIR im. S. Ju. Vitte, 2020.
7. Na puti k noonomike: chelovek, tehnologii i obshhestvo v prostranstve associirovannogo proizvodstva i potreblenija [Towards noonomy: man, technology and society in the space of associated production and consumption] / Pod red. A. V. Buzgalina, A. I. Kolganova. M.: INIR im. S. Ju. Vitte, 2020.

G. A. Maslov⁵, Z. R. Khabibullina⁶. Towards Noonomy: Technological and Socioeconomic Transformations of the 21st Century. The article is devoted to the review of the international congress “Genesis of noonomics: scientific and technical progress, diffusion of property, socialization of society, solidarism” (SPEC-PSE-2020), which has united the “St. Petersburg International Economic Congress” (SPEC-2020) and the international con-

⁵ *Gleb A. Maslov*, Leading Researcher at the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Econ. Sc., e-mail: glemiach@yandex.ru

⁶ *Zenfira R. Khabibullina*, Leading Researcher at the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development (16 Bolshaya Monetnaya St., St. Petersburg, 197101, Russia), e-mail: ruzen7@mail.ru

gress “Production. Science. Education “(PSE-2020). This event became a platform for a comprehensive discussion of the topical issues related to the modern economy, the search for new strategies of civilizational development. The agenda included issues of the market economy fundamental changes due as a consequence of modern technological transformations, movement towards a socio-ecological and humanitarian-oriented development model. The congress participants emphasized that human creativity is becoming the main source and goal of production, as opposed to the market-centric attitude of maximizing material consumption.

Keywords: SPEC-PSE-2020, noonomy, NIS.2, scientific and technical progress, diffusion of property, integration of production, science and education, solidarity, socialization of society, technological transformation.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

*А. А. Белецкий*¹

ВНУТРИРОССИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Экономическое развитие регионов Российской Федерации оценивается по ряду показателей и их динамике. Показатели носят комплексный характер и требуют решений, сфокусированных на стратегических целях и задачах субъектов и национальных интересах. Показано, что большинство программ стратегического развития в первую очередь опираются на социально-экономический базис. Ключевым ресурсным ограничением при этом является снижение численности народонаселения в стране и обостряющаяся борьба за трудовые ресурсы на всех уровнях управления. Разработка отдельных региональных стратегий зачастую носит локальный характер и не учитывает действия других участников. Дается обоснование значимых тенденций и трендов – как базовый этап регионального стратегирования. Приводится анализ стратегических прогнозов и обосновываются мероприятия по изменению существующего тренда динамики численности населения Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: стратегирование, трудовые ресурсы, мотивация, прогнозирование, социально-экономическое развитие, приоритеты, региональные стратегии.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-127-135

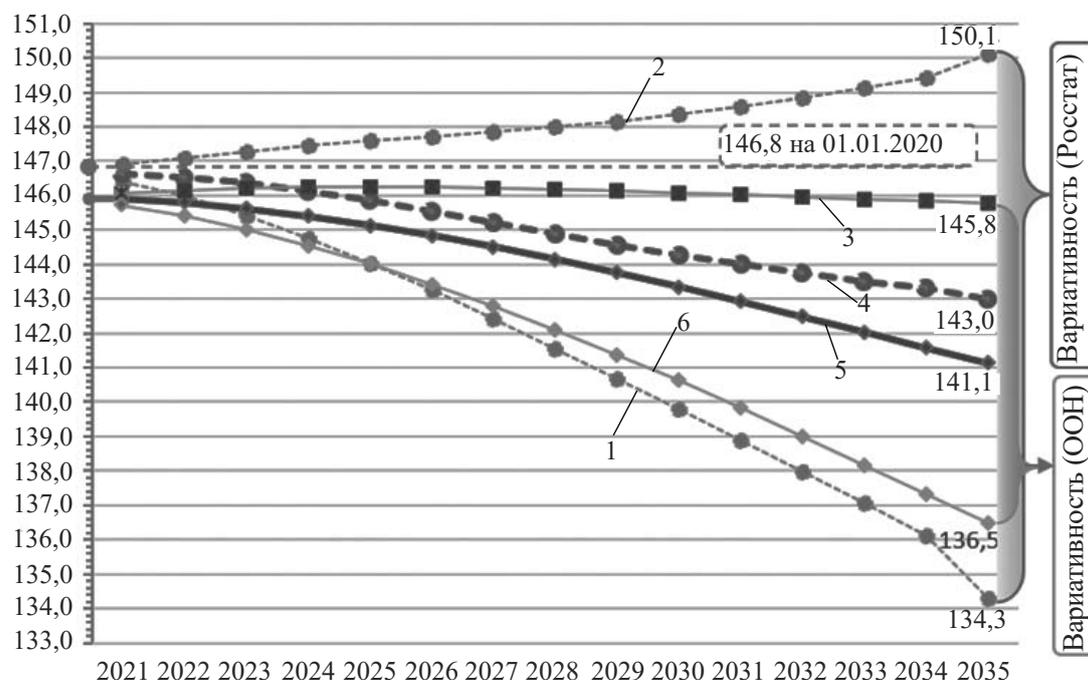
УДК 330.352

В последние годы вопросам демографии в Российской Федерации уделяется много внимания. Повышенный интерес вызывают как ситуация с динамикой численности населения в целом, так и демография отдельных регионов, например Дальневосточного федерального округа. Это беспокойство не случайно, так как вопрос демографии напрямую связан с одним из факторов производства – трудовыми ресурсами. К сожа-

¹ *Андрей Альфредович Белецкий*, доцент департамента инноваций Политехнического института Дальневосточного федерального университета (690922, Приморский край, остров Русский, пос. Аякс, 10), канд. экон. наук, e-mail: 016499@mail.ru.

лению, любые мероприятия в этой сфере не могут иметь сиюминутного результата для оценки их эффективности. Однако на текущий момент можно оценить сложившиеся тренды – как глобальные, так и внутри страны.

По прогнозу Росстата и оценкам ООН (рис. 1), численность населения Российской Федерации в среднем продолжит снижаться.

1 – Низкий вариант (Росстат)	4 – Средний вариант (Росстат)
2 – Высокий вариант (Росстат)	5 – Средний вариант (ООН)
3 – Высокий вариант (ООН)	6 – Низкий вариант (ООН)

Рис. 1. Прогноз численности населения России до 2035 г., по оценкам Росстата РФ и ООН, млн чел.² (составлено автором на основе прогнозных данных^{3,4})

Демографический прогноз Росстата составлен до 2035 г. с базовой датой 01.01.2020 г. для трех вариантов в зависимости от демографической и миграционной ситуации: низкого, среднего и высокого. Во всех трех вариантах естественный прирост

² Оценку численности населения России ООН берет без двух субъектов – Крыма и г. Севастополя. Они, по международной классификации, учитываются в составе Украины.

³ Федеральная служба государственной статистики. Демографический прогноз до 2035 года URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/> (дата обращения: 02.10.2020).

⁴ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics. World Population Prospects 2019, Online Edition. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 02.10.2020).

отрицательный, но с разной динамикой; миграционный прирост везде положительный также с разной динамикой. К 2035 г. Росстатом предполагается следующая вариативность изменения численности населения Российской Федерации: +2,3 % (3,4 млн чел.) при высоком варианте прогноза и -8,5 % (-12,5 млн чел) при низком варианте. Средний вариант прогноза закладывает снижение численности Российской Федерации на 3,8 млн чел. (-2,6 %) к 2035 г., т. е. умеренное сокращение численности населения за счет естественной убыли, не компенсированной миграционным приростом.

Прогнозные расчеты ООН для населения мира в разрезе стран, крупных географических регионов составлены с временным горизонтом до 2100 г.⁵ Для сопоставимости прогнозов в данном исследовании принят временной горизонт прогноза ООН по России до 2035 г.

Вариативность прогноза ООН меньше, чем у российских специалистов, и он более пессимистичен. Так, согласно оценкам ООН, к 2035 г. численность населения России снизится во всех трех вариантах: от 0,1 млн чел. (-0,07 %) при высоком прогнозе до 9,4 млн чел. (-6,4 %) при низкой оценке.

Сравнительный анализ двух прогнозов позволяет сделать следующие выводы:

1. Прогноз российских специалистов излишне оптимистичен, так как не основан на стратегически значимых мероприятиях для достижения более высоких показателей от срединного варианта. В прогнозе не указано, за счет каких ресурсов изменение численности населения пойдет по высокому сценарию, нет теоретических обоснований и методологических разработок. На более вероятный негативный сценарий развития событий указывает и Счетная палата РФ в заключении на проект ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов»⁶. В заключении отмечены два фактора негативного развития событий. Во-первых, отсутствие программ, направленных на достижение национальной цели развития «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ»⁷. Во-вторых, необходимость пересмотра инструментов достижения целей с учетом возможных последствий пандемии.

2. Тренд численности населения Российской Федерации и построенные на его основании прогнозы свидетельствуют о постепенном снижении народонаселения в целом по стране вплоть до 2050 г.

3. Ввиду специфики социально-экономического и территориального обустройства Российской Федерации необходимо оценивать и учитывать конкуренцию субъектов Федерации за трудовые ресурсы при их ограниченности. Это ресурсное ограниче-

⁵ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics. World Population Prospects 2019, Online Edition. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 02.10.2020).

⁶ Заключение Счетной палаты РФ на проект ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (утверждено Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 13 октября 2020 г. № 52К-1425) URL: <https://ach.gov.ru/audit/proekt-2021> (дата обращения: 16.10.2020).

⁷ Национальная цель «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации» стояла первой в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г., утвержденном Указом Президента РФ №204 от 07 мая 2018 г. Указом Президента РФ №474 от 21 июля 2020 года цели скорректированы: их число сокращено до пяти, период продлится до 2030 года, «сохранение населения» также на первом месте.

ние должно стать базовым при разработке обоснованно связанных последовательных процессов прогнозирования и регионального стратегирования.

Кроме общероссийского тренда динамики численности народонаселения, есть и внутрирегиональные сложившиеся тенденции и тренды. С учетом того, что область данного исследования затрагивает Дальний Восток, рассмотрим основные демографические изменения в стране за последние три года – период, когда национальная программа по развитию Сибири и Дальнего Востока значительно активизировалась, что, по мнению разработчиков, должно было сказаться на приросте (или снижении оттока) трудовых ресурсов из региона.

Численность населения России за период 01.01.2017–01.01.2020 гг. уменьшилась на 55,8 тыс. чел. (табл. 1). Динамика по федеральным округам (ФО) сильно различается, однако можно выделить некоторые тенденции. Явно положительную динамику имеют: Центральный, Северо-Западный, Южный и Северо-Кавказский ФО (наиболее высокий темп роста численности населения). Наихудшие показатели у Приволжского ФО – минус 348,8 тыс. чел. (-1,2 %) за три года; на втором месте по антипоказателям Дальневосточный ФО – минус 76,6 тыс. чел. (-0,9 %).

В каждом из федеральных округов есть субъекты, обладающие конкурентными преимуществами, позволяющими наращивать численность населения (и трудовых ресурсов соответственно).⁸

Группировка субъектов внутри федеральных округов по признакам *высшая положительная динамика и все прочие субъекты* (см. табл. 1) позволяет выявить субъекты, имеющие значительный разрыв в социально-экономическом развитии в границах одного территориального округа.

Таблица 1

Динамика численности населения по группам субъектов федеральных округов*

Группа субъектов Российской Федерации	Дата, количество, тыс. чел.				Отклонение				
					абсолютное, тыс. чел.			%	
	01.01.17	01.01.18	01.01.19	01.01.20	2017	2018	2019	Три года	Три года
Центральный ФО	39 209,6	39 311,4	39 378,1	39 433,6	101,8	66,6	55,5	224,0	0,6%
Москва и Московская обл.	19 804,2	20 009,9	20 214,9	20 368,9	205,7	205,1	154,0	564,7	2,9%
Прочие субъекты	19 405,4	19 301,6	19 163,1	19 064,6	-103,8	-138,4	-98,5	-340,8	-1,8%
Северо-Западный ФО	13 899,3	13 952,0	13 972,1	13 982,0	52,7	20,1	9,9	82,7	0,6%
Санкт-Петербург и Ленинградская обл.	7 073,5	7 165,8	7 231,8	7 273,9	92,3	66,0	42,2	200,4	2,8%
Прочие субъекты	6 825,8	6 786,3	6 740,3	6 708,1	-39,5	-45,9	-32,3	-117,7	-1,7%
Южный ФО	16 428,5	16 441,9	16 454,6	16 466,1	13,4	12,7	11,5	37,6	0,2%
Краснодарский край	5 570,9	5 603,4	5 648,2	5 675,5	32,5	44,8	27,2	104,6	1,9%
Прочие субъекты	10 857,6	10 838,4	10 806,3	10 790,6	-19,2	-32,1	-15,7	-67,0	-0,6%
Северо-Кавказский ФО	9 775,8	9 823,5	9 866,7	9 930,9	47,7	43,3	64,2	155,1	1,6%
Республики Дагестан, Ингушетия и Чеченская республика	4 937,3	4 988,9	5 040,5	5 096,6	51,6	51,6	56,2	159,3	3,2%

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 02.10.2020).

Группа субъектов Российской Федерации	Дата, количество, тыс. чел.				Отклонение				
					абсолютное, тыс. чел.				%
	01.01.17	01.01.18	01.01.19	01.01.20	2017	2018	2019	Три года	Три года
Прочие субъекты	4 838,5	4 834,6	4 826,3	4 834,3	-3,9	-8,3	8,0	-4,2	-0,1%
Приволжский ФО	29 636,5	29 542,7	29 397,2	29 287,7	-93,8	-145,5	-109,5	-348,8	-1,2%
Республика Татарстан	3 885,2	3 894,3	3 898,6	3 902,9	9,1	4,3	4,3	17,7	0,5%
Прочие субъекты	25 751,3	25 648,4	25 498,6	25 384,8	-102,9	-149,8	-113,8	-366,5	-1,4%
Уральский ФО	12 345,8	12 356,2	12 350,1	12 360,8	10,4	-6,1	10,6	15,0	0,1%
Тюменская обл.	3 660,0	3 692,4	3 724,0	3 756,5	32,4	31,6	32,6	96,5	2,6%
Прочие субъекты	8 685,8	8 663,8	8 626,2	8 604,2	-22,0	-37,7	-21,9	-81,6	-0,9%
Сибирский ФО⁹	17 263,1	17 230,2	17 173,3	17 118,4	-32,9	-56,8	-54,9	-144,7	-0,8%
Новосибирская и Томская обл.	3 858,4	3 867,1	3 870,8	3 877,4	8,7	3,7	6,6	19,0	0,5%
Прочие субъекты	13 404,7	13 363,0	13 302,5	13 240,9	-41,7	-60,5	-61,6	-163,8	-1,2%
Дальневосточный ФО¹⁰	8 245,8	8 222,6	8 188,6	8 169,2	-23,2	-34,0	-19,4	-76,6	-0,9%
Республика Саха (Якутия)	962,8	964,3	967,0	972,0	1,5	2,7	5,0	9,2	1,0%
Прочие субъекты	7 283,0	7 258,3	7 221,6	7 197,2	-24,7	-36,7	-24,4	-85,8	-1,2%
ИТОГО РФ	146 804	146 880	146 780	146 748	76,0	-99,7	-32,1	-55,8	-0,04%

*Составлено автором на основе статистических данных¹¹.

Выполненная выборка показывает, что наиболее проблемными с точки зрения падения численности населения являются группы субъектов Центрального и Северо-Западного федеральных округов (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей). Северо-Кавказский ФО – единственный, где положительная динамика в 2019 г. наблюдается по всем группам субъектов. Дальневосточный ФО по большинству субъектов имеет отрицательную динамику численности населения (исключение – Республика Саха (Якутия)).

Нами сделана выборка по субъектам Российской Федерации с наибольшими отклонениями в численности населения (табл. 2). Выбрано по десять субъектов с наибольшей динамикой численности населения в удельном весе за три года (положительной и отрицательной). Остальные 65 субъектов суммированы в строку «Прочие субъекты». Положительную динамику имеют 26 субъектов РФ, в остальных 59 субъектах за последние три календарных года численность населения стабильно снижается. Наибольшее падение в удельном весе в двух субъектах Дальневосточного ФО – в Магаданской области (-3,7 %) и Еврейской автономной области (-3,6 %). В абсолютных величинах наибольшее падение численности наблюдается в Саратов-

⁹ Сибирский ФО рассчитан без Республики Бурятия и Забайкальского края, которые были исключены из него Указом Президента России № 632 от 3.11.2018 года.

¹⁰ Указом Президента России № 632 от 3.11.2018 года в состав ФО включены Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в Сибирский ФО. Для сопоставимости динамики расчет сделан с учетом этих субъектов с 01.01.2017 г.

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 02.10.2020).

ской области (минус 57,3 тыс. чел., -2,31 %) и Кемеровской (минус 50,9 тыс. чел., -1,88 %)¹².

На основе анализа региональных трендов динамики численности населения сделаны следующие выводы:

1. Большинство субъектов Российской Федерации имеют отрицательную динамику численности населения. В основном это вызвано внутренней миграцией – население (за редким исключением) концентрируется в крупных городских агломерациях.

Таблица 2*

Субъекты Российской Федерации с наибольшим отклонением по численности населения за период 01.01.2017–01.01.2020 гг.

Субъекты Российской Федерации	Количество, тыс. чел.				Отклонение				
	01.01.17	01.01.18	01.01.19	01.01.20	абсолютное, тыс.чел.				Три года
					2017	2018	2019	%	
Республика Ингушетия	480,5	488,0	497,4	507,1	7,5	9,3	9,7	26,6	5,5
Севастополь	428,8	436,7	443,2	449,1	7,9	6,5	5,9	20,3	4,7
Ленинградская обл.	1 791,9	1 813,8	1 847,9	1 875,9	21,9	34,1	28,0	84,0	4,7
Чеченская Республика	1 414,9	1 437,0	1 457,0	1 478,7	22,1	20,0	21,8	63,8	4,5
Московская обл.	7 423,5	7 503,4	7 599,6	7 690,9	79,9	96,3	91,2	267,4	3,6
Республика Тыва	318,6	321,7	324,4	327,4	3,1	2,7	3,0	8,8	2,8
Калининградская обл.	986,3	994,6	1 002,2	1 012,5	8,3	7,6	10,3	26,2	2,7
Тюменская обл.	3 660,0	3 692,4	3 724,0	3 756,5	32,4	31,6	32,6	96,5	2,6
Москва	12 380,7	12 506,5	12 615,3	12 678,1	125,8	108,8	62,8	297,4	2,4
Республика Дагестан	3 041,9	3 063,9	3 086,1	3 110,9	22,0	22,2	24,7	69,0	2,3
Прочие субъекты	106 939,9	106 759,1	106 414,6	106 155,1	-180,8	-344,5	-259,5	-784,8	-0,7
Псковская обл.	642,2	636,5	629,7	626,1	-5,7	-6,9	-3,5	-16,1	-2,5
Архангельская обл.	1 165,7	1 155,0	1 144,1	1 136,5	-10,7	-10,9	-7,6	-29,2	-2,5
Ивановская обл.	1 023,2	1 014,6	1 004,2	997,1	-8,6	-10,5	-7,0	-26,1	-2,5
Орловская обл.	754,8	747,2	739,5	733,5	-7,6	-7,8	-6,0	-21,3	-2,8
Тверская обл.	1 296,8	1 283,9	1 269,6	1 260,4	-12,9	-14,2	-9,3	-36,4	-2,8
Курганская обл.	854,1	845,5	834,7	827,2	-8,6	-10,8	-7,5	-26,9	-3,2
Тамбовская обл.	1 040,3	1 033,6	1 016,0	1 006,7	-6,7	-17,6	-9,2	-33,6	-3,2
Республика Коми	850,5	840,9	830,2	820,5	-9,6	-10,6	-9,8	-30,0	-3,5
Еврейская автономная обл.	164,2	162,0	159,9	158,3	-2,2	-2,1	-1,6	-5,9	-3,6
Магаданская обл.	145,6	144,1	141,2	140,1	-1,5	-2,9	-1,1	-5,5	-3,7
ИТОГО РФ	146 804	146 880	146 780	146 748	76,0	-99,7	-32,1	-55,8	-0,04

* Составлено автором на основе статистических данных¹³.

¹² Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 02.10.2020).

¹³ Там же.

2. Базовым фокусом для социально-экономического развития любого российского региона является необходимость сканирования внешней среды для оценки трудовых ресурсов, динамики их изменения, действий других субъектов, являющихся конкурентами внутри страны за ограниченный ресурс.

3. Москва и Московская область – безусловные лидеры в привлечении населения. Однако следует признать положительным (по отношению к другим субъектам) снижение темпа прироста населения.

4. В Дальневосточном ФО динамика оттока населения выше общероссийской. Кроме того, при наименьшей плотности населения два субъекта округа имеют наихудшие в России показатели по снижению численности населения за последние три года. Напомним, что в этот период активно развивались программы «дальневосточного гектара», территорий опережающего развития и пр., которые должны были обеспечить внешний миграционный приток (при потенциальном снижении численности людей, покидающих Дальний Восток).

Очередной этап активизации внимания к проблемам регионального развития и демографии Дальневосточного ФО начался после поручений Президента России, изложенных в Указе №427 от 26.06.2020 года «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». Главой государства были обозначены основные цели государственной политики в дальневосточных регионах с двумя горизонтами планирования. В ближайшие четыре года на Дальнем Востоке все ключевые показатели качества жизни людей и показатели экономического развития должны расти быстрее, чем в среднем по России. Стратегические цели заданы на горизонте планирования 2035 г., первая из них – прекращение миграционного оттока населения. Для реализации Указа Президента была разработана и утверждена Распоряжением Правительства России «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года». Структурно документ отличается от принятых в теории стратегирования стандартов [1]. В программе приводятся географическое описание субъектов Дальневосточного ФО, конкурентные преимущества и факторы, сдерживающие развитие, перечень целей из Указа Президента, а также мероприятий с горизонтами планирования 2024 г., 2030 г., 2035 г. В документе не указаны причинно-следственные связи между мероприятиями и стратегическими целями (их три – прекращение миграционного оттока населения, превышение среднероссийских показателей качества жизни населения и превышение среднероссийских показателей экономического развития). Вероятно, более детальная проработка документа будет в последующих подзаконных нормативных актах.

Стратегическая цель – прекращение миграционного оттока населения – предполагает выполнение следующих условий.

Понимание региональных задач, при которых миграционный поток станет положительным или, по крайней мере, выше общероссийского. Для этого должны быть конкурентные преимущества по сравнению с другими субъектами Российской Федерации (первыми в списке табл. 2). Однако другие субъекты также включаются в борьбу за трудовые ресурсы [2]. Например, одной из последних, наиболее значимых, в 2020 г. была разработана стратегия Кузбасса, в которой основной задачей является «преодоление одного из самых опасных и долгосрочных трендов в развитии Кемеровской области – оттока населения...» [3]¹⁴. Вопросу динамичного развития трудовых ресурсов Дальнего

¹⁴ Общественное обсуждение проекта Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года. URL: <https://ako.ru/obshchestvo/obshchestvennoe-obsuzhdenie.php> (дата обращения: 16.10.2020).

Востока уделяется внимание не только в государственных программах, но и в научных исследованиях [4, 5]. Исследования базируются на базовых понятиях «качество жизни» или «процветание» (безотносительно к жителям конкретного региона) [6]. По мнению ряда исследователей, опора только на экономический рост может завести в тупик из-за следующих факторов: изменение климата, порождающее различные вызовы для граждан, регионов и компаний; новые угрозы, включая кибербезопасность, терроризм и эпидемии; технологическое развитие, меняющее общую структуру и профили занятости; новые форматы жизни, продиктованные экологическими стандартами; снижение доверия к политическим лидерам; растущий запрос на совместную разработку и реализацию проектов местного уровня; новые формы конкуренции между регионами или между городскими центрами и провинцией [6]. Для учета этих базовых понятий и факторов в планы социально-экономического развития конкретного региона необходимо закладывать специфику, которая будет не просто проецироваться из вышестоящего документа, а раскрывать реальные потребности людей с учетом особенностей региона (географических, климатических, национальных и т. д.). Разрабатываемые и осуществляемые сейчас мероприятия социально-экономического развития Дальнего Востока несомненно будут приводить к результатам, но их достаточность для достижения стратегических целей вызывает сомнения. Вектор усилий реализации целей требует уточнений, необходимость и значимость внесения которых актуализирована в данной статье.

Заключение

Разработка стратегии социально-экономического развития любого региона России столкнется с ключевым ограничением внешней среды – трудовыми ресурсами. Падение численности народонаселения России стало трендом, который в условиях внутреннего перетока населения в более конкурентные городские агломерации усугубляет проблему большинства регионов. Создание условий для достойной жизни людей в конкретном регионе позволит выйти на качественно новый уровень. Материальные стимулы необходимы, но недостаточны для мотивации людей. На первый план в современном мире выходит территориальное развитие, направленное на человека.

Список литературы

1. *Квинт, В. Л.* Концепция стратегирования – Т. 2. / В. Л. Квинт. – СПб.: СЗИУ РАН-ХиГС, 2020. – 164 с.
2. *Kozyrev, A. A.* Work and Competition in the Digital Age / A. A. Kozyrev. – Saint-Petersburg: Strata, 2019. – 130 p.
3. *Квинт, В. Л.* Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России / В. Л. Квинт // Экономика в промышленности. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299
4. *Новикова, И. В.* Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке Российской Федерации / И. В. Новикова. – М.: КноРус, 2019. – 360 с.
5. *Новикова, И. В.* Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России / И. В. Новикова. – М.: Креативная экономика, 2019. – 158 с.
6. *Фелпс, Э.* Хорошая экономика для Китая // Экономика и математические методы / Э. Фелпс. – 2017. – Т. 53, № 1. – С. 19–20.
7. Dou H., Clerc P., Juillet A. (2020) Changing Priorities for Strategic Planning from National to Territorial Levels. Foresight and STI Governance, vol. 14, no 3, pp. 88–99. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.3.88.99

References

1. Kvint V. L. (2020) *Koncepcija strategirovanija [The Concept of Strategizing]*. Vol. 2. Saint Petersburg: SZIU RANEPА.
2. Kozyrev A. A. (2019) *Work and Competition in the Digital Age*. Saint Petersburg: Strata.
3. Kvint V. L. (2020) Teoreticheskie osnovy i metodologija strategirovanija Kuzbassa kak vazhnejshogo industrial'nogo regiona Rossii [Theoretical Foundations and Methodology of Strategizing Kuzbass as the Russia's Most Important Industrial Region]. *Ekonomika v promyshlennosti [Economy in Industry]*, 13(3), pp. 290–299. DOI: 10.17073 / 2072-1633-2020-3-290-299.
4. Novikova I. V. (2019) *Regulirovanie zanjatosti naselenija na Dal'nem Vostoke Rossijskoj Federacii [Regulating Employment in the Far East of the Russian Federation]*. Moscow: KnoRus.
5. Novikova I. V. (2019) *Strategicheskoe razvitie trudovyh resursov Dal'nego Vostoka Rossii [Strategic Development of Labor Resources of Russia's Far East]*. Moscow: Kreativnaja ekonomika.
6. Phelps E. (2017) Horoshaja ekonomika dlja Kitaja [Good Economy for China]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 53(1), pp. 19–20.
7. Dou H., Clerc P., Juillet A. (2020) Changing Priorities for Strategic Planning from National to Territorial Levels. *Foresight and STI Governance*, 14(3), pp. 88-99. DOI: 10.17323 / 2500-2597.2020. 3.88.99.

A. A. Beletsky¹⁵. Internal migration and strategic priorities of population increase in Russia's Far East. The article uses several indicators and their dynamics to assess economic development of Russian regions. The indicators are holistic and require solutions that would target regional strategic goals and tasks, as well as national interests. While there are numerous and diverse strategic development programs, the majority of them rely predominantly on the socioeconomic basis. These programs face a key resource restriction due to a nationwide population drop and escalating competition over human resources at all management levels. Regional strategies are often developed locally and do not account for actions of other relevant participants. The articles seeks to substantiate significant tendencies and observed trends as a basic stage in regional strategizing. The author analyzes existing strategic forecasts and substantiates activities for changing current trends in population size dynamics exhibited by the Far Eastern Federal District.

Keywords: strategizing, human resources, motivation, forecasting, socioeconomic development, priorities, regional strategies.

¹⁵ *Andrey Beletsky*, Associate Professor, Department of Innovation, Polytechnic Institute of Far Eastern Federal University (10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory 690922, Russia), PhD in Economics, e-mail: 016499@mail.ru

Е. А. Черных¹ Н. В. Локтюхина²

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ АСПЕКТЫ САМОЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ³

Рассмотрены масштабы самозанятости и выявлены противоречия между данными Росстата и иных источников, что говорит о необходимости корректировки методологии соответствующих обследований рабочей силы. Проанализирована структура самозанятости по критериям отношения к основной работе, статусу, другим критериям (демографическим, профессиональным, отраслевым). Представлены результаты авторского анализа характеристик самозанятых на основании данных RLMS.

Рассмотрено соотношение самозанятости с пересекающимися формами занятости, в том числе фрилансом, платформенной занятостью и заемным трудом. Фиксируется проблема подмены самозанятостью фактических трудовых отношений. Обоснованы рекомендации по урегулированию социально-трудовых аспектов самозанятости в рамках специального закона о самозанятых, системы пенсионного страхования и иных гарантий самозанятым.

Ключевые слова: самозанятость, независимые работники, налог на профессиональный доход, статус занятости, неустойчивая (прекаризованная) занятость, качество трудовой жизни, фиктивная занятость, платформенная занятость, заемный труд.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-136-151

УДК 331.52 JEL code: J4, J21, J53, J58, J82, J83

Введение

В России вследствие развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), цифровизации, расширения и специализации сферы услуг, повышения гибкости и мобильности носителей рабочей силы все большие масштабы приобретают не-

¹ *Екатерина Алексеевна Черных*, старший научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни ИСЭПН ФНИСЦ РАН (117218, Россия, Москва, Нахимовский пр., 32), канд. экон. наук, e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com

² *Наталья Викторовна Локтюхина*, доцент, профессор Академии труда и социально-трудовых отношений (119454, Россия, Москва, ул. Лобачевского, д. 90), д-р экон. наук, e-mail: loktn@mail.ru

³ Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме: «Компоненты, социальные стандарты и индикаторы уровня и качества жизни населения в современной России: качественная идентификация и количественное оценивание в условиях социально-экономического неравенства» (№0137-2019-0032).

стандартные формы занятости, одной из которых выступает самозанятость. Суть самозанятости – самостоятельное ведение трудовой деятельности с целью получения дохода (без отношений найма с работодателем и привлечения наемных работников, на взаимоотношениях с потребителем услуг напрямую или через посредников).

Актуальность изучения социально-трудовых аспектов самозанятости обусловлена, *во-первых*, стремительным масштабированием данного вида занятости. В России число самозанятых граждан увеличивается за счет использования специального налогового режима. Налог на профессиональный доход (НПД) для самозанятых был введен в 2019 г. в Москве, Татарстане, Московской и Калужской областях, с 2020 г. его распространили еще на 19 регионов, а с 1 июля 2020 г. уже все регионы могут самостоятельно вводить такой режим⁴. Статус самозанятого могут получить также граждане стран Евразийского экономического союза.

В числе преимуществ НПД для самозанятых: льготная налоговая ставка в размере 4 % при получении доходов от физических лиц и 6 % – с юридических; налоговый вычет в 10 тыс. рублей (ставка 4 % может уменьшиться до 3 %, а 6 % – до 4 %⁵); ведение профессиональной деятельности без регистрации ИП, без обязанностей об отчетности и применении кассовой техники; регистрация без визита в налоговую (через приложение «Мой налог» или сервисы банков).

Во-вторых, актуальность обусловлена тем, что за рамками правового поля и экономической оценки остаются многочисленные социально-трудовые аспекты самозанятости и качество трудовой жизни работников, что представляет серьезную проблему, поскольку данная форма занятости является неустойчивой [1]. С точки зрения регулирования внимание к самозанятости связано прежде всего с экономическими, налоговыми, организационными вопросами.

Цель исследования – выявление ключевых социально-трудовых проблем самозанятости, требующих решения в системе госрегулирования, и обоснование практических рекомендаций для этого регулирования. Научная задача исследования – развитие представлений о новых формах занятости, которые могут составлять основу будущего мира труда, уточнение современных теоретико-методологических основ самозанятости. Практические аспекты исследования связаны с частными задачами обеспечения прав и гарантий самозанятых, а также (с учетом масштабов распространения данной формы занятости) со стратегическими задачами повышения уровня жизни граждан, создания условий и возможностей для их самореализации и раскрытия таланта⁶.

Для достижения поставленной цели мы опирались на исследования по теме самозанятости, которые в России начались с рассмотрения ее в качестве нестандартной формы занятости [2, 3], а в последние годы все больше связаны с правовыми аспектами (и налогообложением) и экономическими перспективами данного вида занятости [см., например, 4]. Данная тема также является предметом внимания российских СМИ. Иностраные источники довольно разнородны и отражают национальные подходы к

⁴ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

⁵ В России выросло число регионов с налогом для самозанятых URL: <https://rns.online/finance/V-Rossii-viroslo-chislo-regionov-s-nalogom-dlya-samozanyatih--2020-01-02> (дата обращения: 19.10.2020).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

выделению самозанятых. В зарубежных публикациях в основном рассматриваются правовые аспекты, экономическая эффективность, а также социально-демографические характеристики самозанятых [5, 6].

1. Масштабы самозанятости в России

Первый источник, позволяющий судить о масштабах самозанятости, – данные Росстата, отслеживающего данную форму занятости в рамках выборочных обследований рабочей силы, т. е. на основании опросов населения (см. таблицу).

Занятое население в возрасте 15 лет и старше по статусу на основной работе, тыс. чел.

Год	Всего	Работающие		В том числе			
		по найму	не по найму	работодатели	самостоятельно занятые	члены производственных кооперативов	помогающие на семейном предприятии
2015	72324	67109	5214	931	4012	8	263
2016	72393	66968	5424	929	4195	9	291
2017	72316	67520	4796	973	3542	13	269
2018	72532	67577	4954	1049	3598	8	299
2019	71933	67109	4824	1037	3521	9	257
I кв. 2020	71289	66768	4521	847	3450	6	218
II кв. 2020	70112	65257	4855	1072	3497	6	280

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы, II квартал 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 19.10.2020).

Из данных Росстата не видно роста самозанятых как в абсолютном, так и в относительном выражении (их доля до начала эксперимента в 2016 г. составляла 5,8 % от занятого населения, а во II квартале 2020 г. – 5 %).

Второй источник – данные органов государственной власти, которые фиксируют «официальную» самозанятость по данным регистрации налоговых агентов. Общая численность самозанятых, по данным ФНС, в конце августа 2020 г. достигла 1 млн человек, при этом каждый день регистрировалось 3,5 тыс. человек⁷. В октябре 2020 г. на учете состояло уже более 1,2 млн плательщиков НПД⁸. При этом у 82 % зарегистрированных самозанятых ранее не было официальных доходов от предпринимательства, а у 42 % вообще не было официальных доходов за год до постановки на учет.

⁷ ФНС сообщила о ₽130 млрд выведенных из тени доходов самозанятых URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/08/2020/5f479f9a9a7947f30cef78b0>; (дата обращения: 19.10.2020).

⁸ Правительство просят ужесточить правила работы в такси для иностранцев URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/11/08/846177-pravitelstvo-uzhestochit> (дата обращения: 12.11.2020).

В Москве, по данным мэрии, за полгода число самозанятых увеличилось на 70 %⁹. Органы власти прогнозируют масштабирование самозанятости: 2,4 млн самозанятых до конца 2024 г. – одна из целей нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Третий источник – данные цифровых платформ, на которых регистрируются самозанятые. По данным сервиса «Яндекс.Касса», количество «официальных» самозанятых по итогам первого полугодия 2020 г. выросло в 10,5 раза по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.¹⁰. На платформе YouDo число официально регистрирующихся в качестве самозанятых россиян возросло в 8 раз, а количество ежемесячно регистрирующихся исполнителей в разгар пандемии (март – май 2020 г.) выросло на 42 % по сравнению с предыдущими месяцами¹¹.

Четвертый источник – исследования и опросы. В России, по данным опроса РАНХиГС, полностью или частично самозанятых – около 17 млн человек, т. е. 22,4 % работающего населения (в 2016 г. – 24 %) ¹², и наблюдается устойчивая тенденция роста самозанятости в качестве основного доходного занятия: 10 % в 2019 г. (в 2016 г. – 7,7 %). На дополнительной работе в качестве самозанятых работают еще 12,4 % опрошенных (примерно 9...10 млн чел.) (в 2016 г. – 16,3 %). При этом «неофициально» работают 53,3 % самозанятых.

Таким образом, мы видим противоречие между данными Росстата, показывающими стабильность числа самозанятых, и данными других источников, демонстрирующими тенденцию быстрого роста их числа. Причина данного противоречия в методологии Росстата, который, проводя обследование рабочей силы путем опроса населения, не выделяет в рамках самозанятости ее формальную («официальную») и неформальную части (неформальная часть самозанятых скрыта от других источников). Ошибка может крыться и в ответах граждан на анкеты в рамках обследования (самозанятые могут относить себя к работодателям, что невозможно в рамках официальной самозанятости). Росстат, проводя обследование рабочей силы, должен раскрывать именно трудовые аспекты самозанятости, но, по сути, этого не происходит. Имеющиеся противоречия и явные недостатки данных приводят нас к *выводу* о необходимости выборочных статобследований самозанятости, что может послужить одной из основ для корректировки статистики.

2. Структура самозанятости в России

Анализируя структуру самозанятости, методологически необходимо выделять ее по следующим *критериям*: отношению к основной работе (основная или дополнительная деятельность); статусу («официальная» (формальная) или неофициальная (нефор-

⁹ Количество самозанятых увеличилось на порядок URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/08/10/836329-kolichestvo-samozanyatihP> (дата обращения: 19.10.2020).

¹⁰ Почему быть самозанятым в России становится выгодно URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838927-bit-samozanyatim> (дата обращения: 19.10.2020).

¹¹ Почему компании все чаще нанимают самозанятых URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/10/13/842984-pochemu-kompanii> (дата обращения: 19.10.2020).

¹² Соцопрос РАНХиГС: в России около 17 млн самозанятых – четверть от работающего населения URL: <https://www.ranepa.ru/sciencehelp/news/socopros-ranhigs-v-rossii-okolo-17-mln-samozanyatyh-chetvert-ot-rabotayushhego-naseleniya-2/> (дата обращения: 19.10.2020). (Далее в ссылках – Соцопрос РАНХ и ГС).

мальная)). Далее проанализирована структура самозанятости исходя из обозначенных, а также ряда других критериев (демографических, профессиональных, отраслевых).

2.1. Неофициальные (неформальные) самозанятые – лица, которые работают, не уплачивая налоги, и не легализовались в связи с введением НПД. Как показали проведенные нами экспертные интервью, это в основном те, кто оказывает услуги на дому или «во внешнем мире», используя имеющуюся клиентскую сеть. Данные ФНС об официальных самозанятых практически не показывают тех, кто оказывает услуги дома.

Согласно данным опроса 2019 г. РАНХиГС, число самозанятых, работающих без официального соглашения с заказчиком, в 2019 г. составляло 64,1 % (в 2016 г. – 61,8 %) от общего количества самозанятых, что соответствует примерно 10...11 млн работников.

При этом неофициальная самозанятость особенно распространена, если она является дополнительной работой (по данным РАНХиГС, среди самозанятых граждан *по дополнительной работе без оформления официальных соглашений* трудятся 72,8 % (в 2016 г. – 68,2 %). Самозанятые *по дополнительной деятельности* это в основном репетиторы; IT-специалисты; специалисты, оказывающие юридические, финансовые, страховые услуги; ремонтирующие бытовую или компьютерную технику и авторы научных текстов. У 2/3 опрошенных, имеющих дополнительную занятость, вид деятельности по дополнительной работе соответствует их основной занятости.

2.2. Официальные (формальные) самозанятые. Структуру официальной самозанятости могут показать данные системы «Мой налог». К сожалению, указание области деятельности не является обязательным при регистрации в данном приложении. Среди указавших свой вид деятельности как самозанятых¹³ перевозкой пассажиров занимаются 16 %, строительством – 8,6 %, консультированием – 7,1 %, сдачей квартир в аренду – 7 %, доставкой – 6,1 %, маркетинговыми услугами и рекламой – 5,3 %, репетиторством – 4,6 %. Преобладание среди зарегистрированных самозанятых таксистов говорит об эффективности работы агрегаторов в сфере обеления рынка труда.

Согласно результатам опроса РАНХиГС, самозанятые *по основной деятельности* являются агентами по недвижимости, строителями, водителями, работниками сельского хозяйства, сферы красоты или искусства. По данным ФНС¹⁴, молодежь (до 30 лет), как правило, работает в IT; самозанятые в возрасте 40...50 лет сдают жилье в аренду.

Мы провели исследование структуры самозанятости в России по данным 28 волн (2019 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)»¹⁵. Из всей выборки были отобраны респонденты (419 человек), которые положительно ответили на вопрос: «*В течение последних 12 месяцев Вы оказывали услуги за плату, например, подвозили кого-то на машине, ремонтировали бытовую технику, автомобили, нанимались делать ремонт в квартире и т. п.?*». Отметим, что у респондентов нет четкого понимания различных статусов занятости и

¹³ Почему быть самозанятым в России становится выгодно URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838927-bit-samozanyatim> (дата обращения: 19.10.2020).

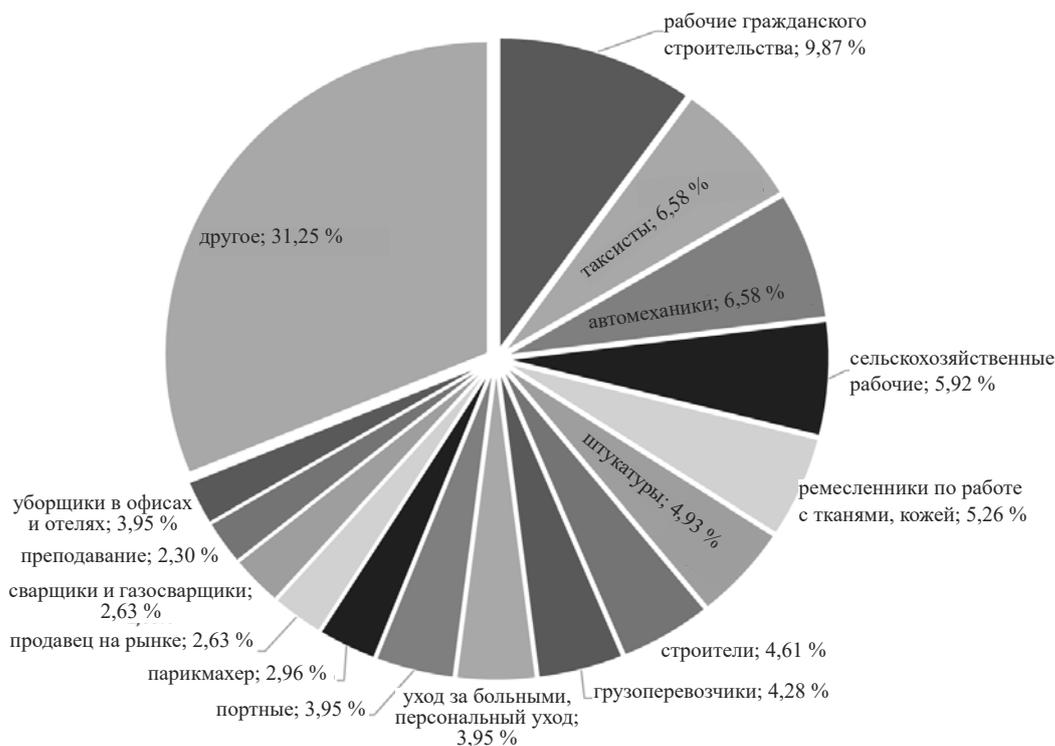
¹⁴ В России зарегистрировались миллион самозанятых URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9998965/ (дата обращения: 19.10.2020).

¹⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

критериев отнесения себя к тому или иному типу занятости. Среди людей, утвердительно ответивших на вышеуказанный вопрос¹⁶, лишь 55,8 % считают, что у них есть «*работа по совместительству, временная работа по срочному контракту, трудовому соглашению, договору подряда, гранту или индивидуальная работа по лицензии или без нее*» или что у них «*есть еще какая-нибудь работа*» (кроме основной), а часто затрудняются с ответом на данные вопросы.

Даже среди тех, кто ответил отрицательно на вопрос: «*Для Вас это был случайный заработок или Вы часто занимаетесь такой работой и регулярно получаете за это деньги?*», 26,3 % не считают свою деятельность видом работы или занятости. Возможно, это связано с тем, что в подавляющем большинстве случаев (90 %) «*эта работа не была оформлена официально*». Анализ данных показывает противоречащие по смыслу ответы на вопросы, связанные с понятиями «основной», «дополнительной», «случайной», «временной» работы.

Что касается основного занятия в настоящее время, то у подавляющего большинства самозанятых (68,42 %) нет работы; 30,62 % сейчас работают; 0,96 % находятся в декретном или оплачиваемом отпуске.

Код профессии по ISCO2008 первого случайного заработка
(источник: расчеты авторов на основании RLMS HSE:
<http://www.cpc.unc.edu/projects/remsu>; <https://www.hse.ru/rlms>)

¹⁶ Вопросы цитируются по официальной анкете URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/21/1598021096/R28_adult_rus.pdf (дата обращения: 26.10.2020).

47,2 % самозанятых – мужчины, 52,8 % – женщины. Для 61,8 % данная деятельность приносит основной заработок, а для 30,6 % – дополнительный (7,6 % респондентов затруднилась с ответом). К сожалению, в базе отсутствуют ответы на вопросы о регистрации самозанятым и наличии намерения регистрироваться, хотя анкетой эти вопросы предусмотрены. Возможно, ответы появятся в следующей волне обследования.

Отраслевую структуру самозанятости мы анализировали исходя из кодов профессии по ISCO2008 (см. рисунок). Данная структура близка к укрупненной структуре неофициальной самозанятости, полученной по опросу РАНХиГС.

Анализ структуры самозанятости показывает, что она входит во все сферы деятельности, связанные с оказанием услуг, а также в традиционно стандартные формы занятости (строительные и ремонтные работы). Самозанятость по дополнительной работе крайне редко влечет за собой официальное оформление. Зачастую у людей нет осознания себя в качестве самозанятого.

3. Подмена самозанятостью фактических трудовых отношений

Актуальным представляется анализ источников официальной самозанятости с точки зрения перехода в эту форму из безработицы, экономической неактивности, из других форм включения в занятость. В числе основных источников пополнения рядов официально самозанятых – лица:

а) легализовавшие свою деятельность, перейдя из неформального сектора в формальный;

б) сменившие на статус самозанятых статус индивидуального предпринимателя (менее выгодный с налоговой точки зрения, но позволяющий нанимать персонал);

в) перешедшие в самозанятость из трудовых отношений, регулируемых на основании Трудового кодекса РФ (ТК РФ). Здесь речь может идти о подмене фактических трудовых отношений самозанятостью, а масштабирование данной практики несет серьезную угрозу будущему трудовым отношениям в России.

Из данных СМИ, профсоюзов известно, что рост показателей самозанятости обусловлен еще и тем, что работодатели в нарушение закона массово переводят наемных работников в категорию самозанятых, заключая с ними договор ГПХ, или принимают новых сотрудников на работу в данном статусе. По данным ФНПР, из 1 миллиона самозанятых, зарегистрированных в 2020 г., 400 тысяч – бывшие работники, которые отчисляли в бюджеты субъектов РФ 13 % НДФЛ¹⁷. В публикациях такой тип занятости получил название *фиктивная занятость* [7]. Работники подписывают договор аренды рабочего места или оборудования и становятся де-юре самозанятыми, но ставки зарплаты или стоимость их труда за них определяет фирма-арендодатель, поэтому фактически это наемный труд, но без социальной ответственности работодателя. Такая схема избавляет работодателя от уплаты страховых взносов за работника и от соблюдения гарантий, предусмотренных ТК РФ.

В числе причин активного перехода в самозанятость из трудовых отношений:

- расширение списка регионов, в которых действует режим НПД;
- развитие ИКТ, способствующих распространению нестандартных форм занятости;
- развитие сферы финтех, появление новых платежных систем и сервисов (подробнее об этом в п. 7.3);
- поиск источников дохода (в том числе из-за коронавирусного кризиса);

¹⁷ Необходимо признавать трудовыми отношения с трудящимися в незащищенных формах занятости URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/20419.html> (дата обращения: 12.11.2020).

- более гибкий подход компаний к планированию задач и затрат (запрос на сезонные проекты, под которые рационально привлекать самозанятых; необходимость привлечения на короткое время высококвалифицированных специалистов, если нужна сложная экспертиза в узкой области);
- широкое использование компаниями цифровых платформ для поиска фрилансеров с редкими талантами или навыками, которых сложно найти на традиционном рынке труда;
- меньшая заинтересованность молодежи в стабильном положении штатного сотрудника, ориентация на гибкое управление своим графиком и свобода изменения географического положения.

Однако работник в статусе самозанятого (по сути наемный работник) оказывается в уязвимом положении, поскольку лишается социальных гарантий, в том числе по пенсионному страхованию. Как быть в этой ситуации?

ТК РФ запрещает маскировать под гражданско-правовыми трудовые отношения, которые представляют собой *«отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором»* (ст. 15 ТК РФ).

В 2020 г. контролирующие органы стали проверять и штрафовать компании за «скрытые трудовые отношения», маскируемые под самозанятость¹⁸. В основном при оценке ситуации власти указывали на периодичность выплаты «заработной платы», в отдельных случаях – что заказчик является единственным у самозанятого гражданина».

С другой стороны, признаки трудовых отношений, установленные в статье 15 ТК РФ, не позволяют однозначно провести грань между самозанятостью и трудовыми отношениями, в связи с чем штрафы из-за найма самозанятых вызвали возмущение представителей бизнеса.

Для решения данной проблемы необходимо комплексное развитие законодательства о самозанятости, определяющее правовой статус, права и гарантии данной категории работников, а также четкое отделение трудовых отношений от статуса самозанятости в ТК РФ.

4. Пенсионное страхование самозанятых

Самозанятые не несут обязательств по уплате взносов в фонды – пенсионный, социального и обязательного медицинского страхования, но могут делать это добровольно, чтобы иметь соответствующие гарантии. По данным опроса HeadHunter в апреле 2020 г., самозанятые отмечают среди минусов своего налогового режима отсутствие рабочего стажа и пенсии (56 %), оплаты больничного и декрета (44 %).

¹⁸ Бизнес пожаловался в Минтруда на штрафы из-за найма самозанятых URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/07/29/835580-biznes-pozhalovalsya-v-mintrud> (дата обращения: 26.10.2020).

Самозанятые рассматривались в числе самых уязвимых работников во время пандемии COVID-19, в том числе потому, что у них не было больничных и других социальных гарантий.

Вопрос пенсий самозанятых встанет через несколько лет (в России их средний возраст 30...40 лет)¹⁹. Однако вопрос сохранения устойчивости Пенсионного фонда из-за быстрого роста числа самозанятых актуален уже сейчас, поскольку растет нагрузка на тех, кто в обязательном порядке платит взносы в пенсионный фонд. В данной связи считаем, что необходимо ставить вопрос об обязательном пенсионном страховании самозанятых граждан.

5. Право самозанятых на объединение в профсоюзы

Для самозанятых ограничены возможности получить поддержку профсоюза, стать членом профсоюза.

Во-первых, деятельность современных профсоюзов направлена прежде всего на граждан, работающих в стандартной занятости. Сами самозанятые разобщены, что не способствует их объединению для создания своего профсоюза. Проекты по созданию профсоюзов для самозанятых (например, Профсоюз свободных предпринимателей, фрилансеров и надомных работников²⁰) не очень востребованы.

Во-вторых, самозанятые все больше работают с цифровыми платформами, применяют в своей работе ИКТ, а законные способы представительства и защиты прав работников и работодателей действуют в офлайн-формате. Коллективные переговоры, трудовые споры также привязаны к собраниям работников, подписанию документов на бумажных носителях и т. д. Чтобы вступить в профсоюз, надо написать заявление в профком. Эти технологии не будут работать в цифровой экономике и для самозанятых, которым, скорее, необходим «цифровой профсоюз» в виде набора сервисов, доступного каждому вне зависимости от формы занятости.

Таким образом, развитие самозанятости, как и других нестандартных форм занятости, ставит вопрос о необходимости правовой поддержки и защиты прав соответствующих работников в сфере труда.

6. Государственная политика в отношении самозанятых

Как уже упоминалось, в сфере государственного регулирования находятся экономические, налоговые, организационные аспекты самозанятости. Главным для самозанятых является Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», но даже само понятие самозанятости в законе не определено, не затронуты и социально-трудовые аспекты самозанятости.

Последствия пандемии актуализировали вопрос государственной поддержки самозанятых. Государство вернуло самозанятым налоги, уплаченные в 2019 г., и предоставило дополнительный налоговый вычет 12,1 тыс. рублей (минимальный размер оплаты труда). Потерявшие доход самозанятые получили право на пособие по безработице.

С марта 2020 г. самозанятые могут участвовать в госзакупках наравне с предприятиями малого и среднего бизнеса, для которых действуют соответствующие квоты. Самозанятые могут получить льготные кредиты по ставке не выше 8,5 %; безвозмезд-

¹⁹ В России зарегистрировались миллион самозанятых URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9998965/ (дата обращения: 19.10.2020).

²⁰ <https://pspfnr.com> (дата обращения: 29.10.2020).

но или на льготных условиях получить в аренду государственное или муниципальное имущество; вправе претендовать на субсидии и бюджетные инвестиции от регионов.

Следует также отметить, что в рамках государственной политики занятости предусмотрена государственная услуга по «содействию самозанятости безработных граждан»²¹. В 2018 г. численность безработных, получивших данную услугу, составила 97,2 тыс. человек, а численность безработных, открывших собственное дело, – 12573 человека²².

Вместе с тем, комплексную политику в отношении самозанятых государство не реализует, отмеченные меры носят разрозненный характер. Данный пробел может быть восполнен в рамках Закона о самозанятых, где необходимо определить направления государственной поддержки развития самозанятости. Полагаем, что в целях поддержки трудовой и предпринимательской инициативы граждан, осуществляемой в рамках содействия развитию их способностей к производительному, творческому труду, в России целесообразно законодательно закрепить меры по развитию самозанятости:

- информирование населения о государственной политике по развитию самозанятости, принимаемых законах и нормативных правовых актах;
- создание информационных систем и сервисов, направленных на поддержку самозанятости;
- специальные меры поддержки самозанятых.

7. Самозанятость в системе иных нестандартных форм занятости

Социально-трудовые аспекты самозанятости нельзя рассматривать в отрыве от всей системы отношений занятости, включая иные формы нестандартной занятости. Мы попытались ответить на вопросы о соотношении самозанятости и ряда «пересекающихся» с ней (и в ней) форм занятости.

7.1. Самозанятость и фриланс. В российской практике нет устоявшегося определения фрилансера, что подтверждается социологическими исследованиями. По мнению опрошенных, фрилансер – тот, кто самостоятельно находит себе работу, свободный, вольнонаемный работник (15 %), а также тот, кто работает на себя (5 %) или работает удаленно (5 %)²³. В этих трактовках смешаны формы занятости, типы трудовых отношений и способы выполнения работы.

Фриланс особенно распространен в таких сферах, как журналистика (и другая деятельность по написанию текстов), юриспруденция, программирование, архитектура, дизайн (реклама, веб-дизайн интерьера и т. д.), перевод, фото- и видеосъемка, экспертная и консультационная деятельность, инженерное проектирование. Проблемами занятости фрилансеров [8] являются соблюдение баланса работа – отдых, ненормированный рабочий день, включая работу ночью и в выходные.

С точки зрения права есть четыре варианта официального труда фрилансеров:

- 1 – в качестве физического лица, с заключением гражданско-правовых договоров с юридическими и физическими лицами;
- 2 – в качестве индивидуального предпринимателя без наемных работников;
- 3 – в качестве самозанятого по определенным видам деятельности. В этом варианте наблюдается пересечение фрилансера и официального самозанятого. Согласно

²¹ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации».

²² Мониторинг и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в 2018 году) URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/migration/1304> (дата обращения: 19.10.2020).

²³ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения: 19.10.2020).

исследованию Head Hunter,²⁴ среди респондентов-фрилансеров, указавших, что они не работают в формате самозанятых, планируют оформить самозанятость 40 %. Столько же оформляться не планируют, еще 20 % затруднились с ответом. **С учетом особенностей рассмотренного варианта** важно, чтобы правовое регулирование самозанятости способствовало перетоку фрилансеров в официальные самозанятые;

4 – использование главы 49.1 ТК РФ о труде дистанционных работников. Принимаемые сейчас поправки в ТК РФ по дистанционной и удаленной работе призваны сделать более гибким данный формат занятости. Однако режим самозанятости становится более выгодным для фрилансеров, чем трудовые отношения в дистанционном формате.

7.2. Самозанятость и платформенная занятость. В России платформенные работники принадлежат к нескольким категориям: официальные самозанятые; неформально занятые; наемные работники, которым цифровые платформы труда (ЦПТ) дают вторичный доход; школьники и студенты. Пересечение платформенных работников и самозанятых происходит по всем категориям, но только в первой (официальные самозанятые) в формальном секторе.

Проведенный нами анализ крупнейших российских ЦПТ показал, какую тактику платформы выстраивают в отношении самозанятых.

Во-первых, ЦПТ популяризируют официальную самозанятость среди платформенных работников, интегрируя платформы с сервисами ФНС. «Яндекс.Такси» как партнер ФНС внедрил автоматическое формирование чеков внутри приложения «Мой налог». Сейчас «Яндекс» активно продвигает самозанятость не только среди таксистов, но и среди курьеров, подключенных к «Яндекс.Еде» и «Яндекс.Лавке», блогеров «Дзена» и исполнителей заказов сервисов «Толока» и «Яндекс.Услуги». За последние 1,5 года к сервису «Яндекс.Такси» подключилось более 170 000 самозанятых водителей, в некоторых регионах доля достигает половины от всех водителей такси²⁵.

В партнерстве с сервисом «Рабочие руки» (официальный оператор ФНС по работе с самозанятыми) Qiwi создала решение для строителей и рабочих. Qiwi предоставляет доступ к своей платежной инфраструктуре, а «Рабочие руки» делают мгновенные платежи рабочим. Входящий в группу Qiwi Рокетбанк разработал цифровую платформу для самозанятых и компаний, которые пользуются их услугами. Заказчику платформа позволяет проверить регистрацию самозанятого в ФНС, автоматизировать безналичные выплаты за оказанные услуги и получение чеков от исполнителей. Самозанятые на платформе могут регистрировать доходы, получать выплаты и автоматически уплачивать налоги²⁶.

Во-вторых, создаются специальные ЦПТ для официальных самозанятых. В августе 2020 г. «Яндекс» запустил платформу «Яндекс.Про», с помощью которой курьеры, водители, мастера по ремонту и другие специалисты могут находить подработку и вести учет доходов: платформа дает возможность зарегистрироваться в качестве самозанятого прямо в приложении и синхронизировать данные с приложением ФНС «Мой

²⁴ Плюсы и минусы режима самозанятости: результаты опроса URL: <https://hh.ru/article/26512> (дата обращения: 19.10.2020).

²⁵ Почему быть самозанятым в России становится выгодно URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838927-bit-samozanyatim> (дата обращения: 19.10.2020).

²⁶ Там же.

налог». YouDo создает отдельное направление – b2b-платформу, на которой бизнесы могут заказывать услуги у самозанятых²⁷.

В-третьих, цифровые платформы не только помогают самозанятым легализоваться, но и предлагают дополнительные бонусы. В «Яндекс.Такси» официальный самозанятый получает приоритет в распределении заказов, три бесплатные консультации у юристов, промокод на смену, позволяющий 12 часов не платить комиссию «Яндексу». «Яндекс.Такси» в партнерстве с «Русфинанс банком» запустили программу льготного автокредитования для самозанятых и ИП (могут воспользоваться водители, выполняющие заказы сервиса не менее двух месяцев). ЦИАН показывает объявления от самозанятого выше в поиске, чем аналогичные объявления от физических лиц, а также маркирует их²⁸. Сбербанк выдает самозанятым кредитные карты, потребительские кредиты и ипотеку, а если предприниматель подключил сервис «Свое дело», справка о доходах не требуется.

Таким образом, ЦПТ всячески продвигают официальную самозанятость, способствуя расширению данной формы вовлечения в трудовую деятельность. Вместе с тем, очевидна неурегулированность отношений с платформенными работниками, обратная сторона гибкости платформенной занятости – незащищенность как работника, так и потребителя его услуг.

В данной связи законодательство о самозанятости должно быть синхронизировано с урегулированием платформенной занятости в целом, статусом платформенных работников, их взаимоотношений с клиентами и фактическими работодателями. В России необходимо обосновать ответ на принципиальный вопрос: в какой системе реализуется платформенная занятость – трудовые отношения или самозанятость? С учетом масштабирования платформенной занятости от ответа на этот вопрос зависит будущее российского трудового права.

С точки зрения синхронизации законодательства о самозанятости и о ЦПТ отметим следующие принципиальные моменты:

1. Важно определить соотношение самозанятых и платформенных работников в законодательстве. При регулировании правового статуса лиц, среди которых есть экономически зависимые исполнители и подрядчики, используются разные термины, значение которых не является тождественным: самозанятые; плательщики налога на профессиональный доход; лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой; физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, предметом которого являются выполнение работ и (или) оказание услуг, договора авторского заказа; работающие не по найму и др. Это создает проблему неопределенности их статуса занятости на рынке труда.

Представляется нецелесообразным вводить в понятийный аппарат самостоятельную категорию «лица, занятые на интернет-платформах», поскольку они могут относиться к разным категориям: экономически зависимым исполнителям и подрядчикам; независимым самозанятым; лицам, состоящим в трудовых отношениях.

Более актуально определение правового статуса самозанятых в целом. Правила, касающиеся экономически зависимых исполнителей и подрядчиков (которых можно именовать зависимыми самозанятыми), необходимо урегулировать в рамках законода-

²⁷ Почему быть самозанятым в России становится выгодно URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838927-bit-samozanyatim> (дата обращения: 19.10.2020).

²⁸ Бой с тенью: как российские регионы вводят налог для самозанятых URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838507-boi-tenyu> (дата обращения: 19.10.2020).

тельства о самозанятости. Одновременно с этим должны быть предусмотрены положения, отражающие специфику труда лиц, занятых на интернет-платформах, однако этот вопрос требует детальной проработки.

2. Необходимо урегулировать актуальные направления платформенной занятости через принятие «отраслевого» законодательства, в рамках которого платформенные работники могут быть как самозанятыми, так и состоящими в трудовых отношениях.

Неурегулированность сферы занятости с помощью агрегаторов такси остается серьезной проблемой, учитывая высокий риск транспортных перевозок, необходимость регулирования режима труда и отдыха водителей, прохождения медицинских осмотров, технический осмотр автомобиля. В данной связи необходимо оперативное принятие законодательства о такси.

7.3. Самозанятость и заемный труд. Заемный труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника, в России запрещен, что установлено статьей 56.1 ТК РФ. Глава 53.1 ТК РФ устанавливает особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). Однако исследование Финансового университета при Правительстве РФ показало, что попытка прямого запрещения заемного труда оказалась неэффективной и заемный труд в России существует в скрытых формах²⁹. В объеме рынка такого заемного труда (если брать только неформальный сектор) 11 % – самозанятые, 57 % – неформальные работники в скрытых формах заемного труда (среди которых могут быть и самозанятые). Данное явление распространено на производствах и складах, в строительстве и розничной торговле, в клининговых компаниях, службах охраны и предприятиях общепита. Подменяя трудовые отношения самозанятостью, компании-посредники реализуют скрытые формы заемного труда, которые никак не укладываются в логику главы 53.1 ТК РФ. Компании получают экономию на персонале, уходят от платежей в федеральный бюджет (НДС), в региональные бюджеты (НДФЛ) и во внебюджетные государственные социальные фонды. В данной связи урегулирование социально-трудовых аспектов самозанятости на правовом уровне должно сопровождаться урегулированием проблем со скрытыми формами заемного труда.

Председатель Общественного движения «ТРУД» С. О. Песков³⁰ видит решение проблемы в расширении признаков заемного труда, законодательном определении этого типа труда с учетом сложившихся рыночных взаимоотношений, разработке системы правовых, экономических и организационных мер, при которых бизнесу станет экономически целесообразно использовать скрытые формы заемного труда и самозанятых с признаками трудовых отношений.

Выводы

1. Самозанятость как в официальном, так и в неофициальном статусе в России остается неустойчивой формой занятости, что проявляется следующими признаками (исходя из критериев прекаризации занятости, предложенных Международной органи-

²⁹ Исследование скрытых форм заёмного труда в российской экономике URL: http://www.fa.ru/Documents/ZT_FaRU.pdf (дата обращения: 19.10.2020).

³⁰ Заемный труд стал одной из форм современного рабства в России URL: https://newizv.ru/article/general/16-07-2020/zaemnyy-trud-stal-odnoy-iz-form-sovremennogo-rabstva-v-rossii?id=zaemnyy-trud-stal-odnoy-iz-form-sovremennogo-rabstva-v-rossii&published_date=16-07-2020&type=AnalyticItem (дата обращения: 19.10.2020).

защитой труда³¹): ограниченные сроки контракта; природа трудового взаимоотношения (многосторонние отношения найма – скрытые формы заемного труда и платформенная занятость; скрытые отношения найма – подмена самозанятостью фактических трудовых отношений); неустойчивые условия труда (прежде всего в части отсутствия доступа к механизмам соцзащиты и благам, традиционно ассоциирующимся со стандартной занятостью). Расширение самозанятости, не сопровождаемое решением социально-трудовых проблем, ведет к увеличению масштабов неустойчивой занятости, к ограничению или полной утрате работниками трудовых и социальных прав.

2. Для решения острой проблемы массового перевода работников из фактически трудовых отношений в отношения самозанятости необходимо четкое отделение трудовых отношений от статуса самозанятости в Трудовом кодексе РФ, а также комплексное развитие законодательства о самозанятости, определяющее правовой статус, права и гарантии данной категории работников.

В федеральном законе «О самозанятости» необходимо урегулировать отношения, возникающие в связи с ведением гражданами деятельности в виде самозанятости, определить понятие самозанятости, права и гарантии самозанятых, механизмы защиты самозанятого от безработицы и господдержки развития самозанятости. Отдельно следует проработать вопрос обязательного пенсионного страхования самозанятых, что позволит обеспечить данную категорию в будущем и сохранить устойчивость Пенсионного фонда РФ.

Требуются новые федеральные статнаблюдения, направленные на выявление численности, состава и иных характеристик самозанятости.

3. Социально-трудовые аспекты самозанятости нельзя рассматривать в отрыве от всей системы занятости, включая иные формы нестандартной занятости, особенно в части таких пересекающихся форм, как формальная самозанятость – неформальная самозанятость; самозанятость – фриланс; самозанятость – платформенная занятость; самозанятость – заемный труд. Но уже сейчас можно сказать, что их законодательное урегулирование должно быть синхронизировано.

На наш взгляд, очевидна необходимость дальнейшего развития теоретико-методологических аспектов самозанятости с учетом масштабов ее распространения в России.

Список литературы

1. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / В. Н. Бобков, В. Г. Квачев, И. Б. Колмаков, Н. Л. Лютов, Н. В. Локтюхина, И. В. Новикова, Ю. Г. Одегов, Е. В. Одинцова, В. В. Павлова, И. А. Шичкин. – М.: КноРус, 2019. – 342 с.

2. Самозанятые: способы идентификации, динамики и перспективы развития // Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшника; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 400 с.

3. Приженникова, А. Н. Самозанятость как разновидность нестандартной занятости: актуальные вопросы / А. Н. Приженникова, Г. Ю. Коляда // Образование и право. – 2019. – №12. –

³¹ From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. – Geneva: ILO, 2012. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/meetingdocument/wcms_179787.pdf (дата обращения: 19.10.2020).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-kak-raznovidnost-nestandardnoy-zanyatosti-aktualnye-voprosy> (дата обращения: 16.11.2020).

4. Нестеренко, Ю. Н. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития / Ю. Н. Нестеренко, Е. А. Протасова // Народонаселение. – 2019. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossii-sostoyanie-i-potentsial-razvitiya> (дата обращения: 16.11.2020).

5. Blanchflower D. Self-Employment in OECD Countries // Labour Economics. 2000. Vol. 7. September. P. 471–505.

6. Flinchbaugh M., Clint Chadwick C., Li P., Essman S. The influence of independent contractors on organizational effectiveness: A review Human Resource Management Review Volume 30, Issue 2, June 2020, <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.01.002> 100681

7. Анисимов, Р. И. Прекаризованная занятость в России: опыт определения основных индикаторов / Р. И. Анисимов // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 64–72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0

8. Стребков, Д. О. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров / Д. О. Стребков, А. В. Шевчук // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 3. – С. 86–102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>.

References

1. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Kolmakov I. B., Ljutov N. L., Loktjuhina N. V., Novikova I. V., Odegov Ju. G., Odincova E. V., Pavlova V. V., Shichkin I. A. (2019) Neustojchivaja zanjatost' v Rossijskoj Federacii: teorija i metodologija vyjavlenija, ocenivanie i vektor sokrashhenija [Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, assessment and the vector of reduction]. Moskva, KnoRus. 342 p.

2. Samozanjatyje: sposoby identifikacii, dinamiki i perspektivy razvitija [Self-employed: methods of identification, dynamics and development prospects] Nestandardnaja zanjatost' v rossijskoj jekonomike pod. Red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapeljushnikova; Gos. un-t – Vysshaja shkola jekonomiki. – M.: Izd. Dom GU VShJe, 2006. – 400 s.

3. Prizhennikova A. N., Koljada G. J. (2019) Samozanjatost'' kak raznovidnost'' nestandardnoj zanjatosti: aktual''nye voprosy [self-employment as a variety of non-standard employment: topical issues] Obrazovanie i pravo. 2019. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-kak-raznovidnost-nestandardnoy-zanyatosti-aktualnye-voprosy> (data obrashhenija: 16.11.2020).

4. Nesterenko J. N., Protasova E. A. (2019) Samozanjatost'' v rossii: sostojanie i potencial razvitija. [Self-employment in russia: state and potential of development] Narodonaselenie. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossii-sostoyanie-i-potentsial-razvitiya> (data obrashhenija: 16.11.2020). – P. 471–505.

5. Blanchflower D. Self-Employment in OECD Countries // Labour Economics. 2000. Vol. 7. September. P. 471–505.

6. Flinchbaugh M., Clint Chadwick C., Li P., Essman S. The influence of independent contractors on organizational effectiveness: A review Human Resource Management Review Volume 30, Issue 2, June 2020, <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.01.002> 100681

7. Anisimov R. I. (2019) Prekarizirovannaja zanjatost' v Rossii: opyt opredelenija osnovnyh indikatorov [Precarized employment in Russia: the experience of determining the main indicators]. Sociologicheskie issledovanija. 2019. № 9. S. 64-72. DOI: 10.31857/S013216250006652-0

8. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2019) Lovushka gibkoj zanjatosti: kak nestandartnyj grafik raboty vlijaet na balans mezhdub rabotoj i zhizn'ju frilanserov [Flexible employment trap: how non-standard work schedule affects the balance between work and life of freelancers] Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2019. № 3. S. 86—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.06>.

E. A. Chernykh³², N. V. Loktyukhina³³. Current social and labor aspects of self-employment in modern Russia. E.A. Chernykh and N.V. Loktyukhina consider the scope of self-employment and disclose contradictions between data reported by the Federal State Statistics Service and other sources, which manifests the need to adjust the methodology for relevant studies of the workforce. The article analyzes the structure of self-employment based on the criteria of relationship to the main job, status and other criteria (demographic, professional, sectoral) and presents the results of the authors' original analysis of self-employed persons' characteristics based on RLMS data.

The authors consider the correlation of self-employment with intersecting employment types, including freelance, platform employment and contracted work, and establish the problem of substituting actual labor relations with self-employment. The article substantiates recommendations on regulating social and labor aspects of self-employment under separate self-employment law, the social security system and other securities for self-employed persons.

Keywords: self-employment, independent workers, self-employment tax, employment status, temporary (precarious) work, quality of work life, sham employment, platform employment, contracted work.

³² *Ekaterina A. Chernykh*, PhD in economics, Senior research officer at the Laboratory of Problems of Living Standards and Quality of Life at the ISESP FNISC RAS (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218), e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com ORCID: 0000-0002-6970-487X

³³ *Natalya V. Loktyukhina*, Doctor of Economics, Professor, Academy of Labor and Social and Labor Relations (90 Lobachevsky street, Moscow, Russian Federation, 119454), e-mail: loktn@mail.ru

С. Н. Бобылев¹, П. А. Кирюшин², Н. Р. Кошкина³

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ И ЗЕЛЕНое ФИНАНСИРОВАНИЕ⁴

Неустойчивость мировой экономики и экологические риски стимулировали формирование новых приоритетов и моделей экономики. Рассматриваются актуальные вопросы зеленого финансирования в контексте экологизации мировой экономики, в частности все более значимых низкоуглеродных трендов. Все больше стран, банков и корпораций реализуют политику зеленых инвестиций для достижения углеродной нейтральности. В России также происходит становление системы зеленого финансирования, однако в рамках неустойчивой экспортно-сырьевой модели экономики сложно построить эффективную систему. России необходимо разработать долгосрочную стратегию развития страны, в основу которой могут быть положены принципы устойчивого развития, сочетающие социальные, экономические, финансовые и экологические факторы.

Ключевые слова: зеленое финансирование, зеленые финансы, зеленая экономика, устойчивое развитие, низкоуглеродное развитие.

DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-152-166

УДК 339.97

Введение

В настоящее время в мире все более четко осознается опасность экологических угроз для будущего человечества, а также развития глобальной и национальных экономик. В январе 2020 г. на Всемирном экономическом форуме был представлен ежегод-

¹ *Сергей Николаевич Бобылев*, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, ул. Колмогорова, 1), руководитель Центра биоэкономики и экоинноваций экономического факультета МГУ, д-р экон. наук, профессор, e-mail: snbobylev@yandex.ru.

² *Петр Алексеевич Кирюшин*, доцент кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, ул. Колмогорова, 1), директор по развитию Центра биоэкономики и экоинноваций экономического факультета МГУ, канд. экон. наук, e-mail: pkiryushin@gmail.com

³ *Наталья Радиковна Кошкина*, аспирант кафедры экономики природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, РФ, Москва, ул. Колмогорова, 1), e-mail: koshkina-natalia@mail.ru

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00981.

ный доклад, в котором были определены глобальные мировые риски по вероятности их наступления и степени влияния [12]. Все наиболее вероятные глобальные угрозы, по оценкам экспертов, оказались экологическими (табл. 1).

Очевидно, что в следующем году и в ближайшей перспективе к глобальным рискам добавятся угрозы эпидемий, связанные с COVID-19, и, возможно, какие-то иные факторы. Однако общий тренд «озеленения» рисков с большой вероятностью сохранится. Это подтверждает динамика оценки рисков экспертами Всемирного экономического форума (см. табл. 1). Отметим, что в 2019 и 2018 гг. экологических угроз среди наиболее вероятных было только три, а до 2010 г. экологические риски вообще не включались в доклад как вероятные или значимые с точки зрения воздействия.

Таблица 1

Топ-5 глобальных рисков в 2016 – 2020 гг.
по степени вероятности, Всемирный экономический форум (2020)*

2016	2017	2018	2019	2020
Вынужденная миграция****	Экстремальные погодные явления**	Экстремальные погодные явления**	Экстремальные погодные явления**	Экстремальные погодные явления**
Экстремальные погодные явления**	Вынужденная миграция****	Природные катастрофы**	Неэффективность климатических действий**	Неэффективность климатических действий**
Неэффективность климатических действий**	Природные катастрофы**	Кибератаки*****	Природные катастрофы**	Природные катастрофы**
Межгосударственные конфликты***	Террористические атаки***	Мошенничество с данными и их кража*****	Мошенничество с данными и их кража*****	Потери биоразнообразия**
Природные катастрофы**	Мошенничество с данными и их кража*****	Неэффективность климатических действий**	Кибератаки *****	Природные катастрофы антропогенного происхождения**

* The Global Risks Report 2020 (2020) World Economic Forum, Geneva.

*Экономические	**Экологические	***Геополитические	****Социальные	*****Технологические
----------------	-----------------	--------------------	----------------	----------------------

Концепция устойчивости, позволяющая предотвратить угрозы и снизить риски, стала парадигмой развития человечества в XXI в. В данной концепции сбалансировано сочетаются социальные, экономические и экологические факторы. Устойчивое развитие нашло отражение в стратегических документах двух представительных конференций ООН. В сентябре 2015 г. были приняты Цели устойчивого развития (ЦУР) (Sustainable Development Goals) на период 2016–2030 гг. Также в 2015 г. состоялась конференция ООН, посвященная борьбе с изменением климата – многие страны поддержали переход к низкоуглеродному развитию с целью сокращения выбросов парниковых газов.

Неустойчивость мировой экономики и экологические риски во многом стали триггером, который привел к формированию новых моделей экономики как в теории, так и в реальной экономической жизни. Среди этих моделей можно выделить зеленую (green) и низкоуглеродную (low-carbon) экономику, экономику замкнутого цикла (circular), а также биоэкономику (bioeconomy) и экономику на основе зеленого роста (green growth).

В стратегических документах Всемирного банка, ОЭСР, Европейского союза (ЕС) новые модели экономики становятся основными при определении долгосрочных целей. Ярким примером является деятельность ЕС, который реализует планы перехода к биоэкономике, низкоуглеродной экономике и экономике замкнутого цикла.

В России экологизация финансовой деятельности только начинается. В качестве примера постепенного осознания новой экологической реальности в мире, необходимости выполнения международных обязательств и реализации национальных целей и проектов можно отметить Распоряжение Председателя Правительства РФ (от 18 ноября 2020 г. № 3024-р), в котором предусматривается развитие «инвестиционной деятельности и привлечение внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации»⁵ (далее – Распоряжение № 3024-р).

Важное направление перехода к устойчивому развитию и новым моделям экономики связано с трансформацией финансового сектора, предполагающей развитие различных видов финансирования, учитывающего экологический фактор: устойчивого, зеленого, низкоуглеродного, ответственного, климатического финансирования и соответствующих финансовых инструментов. В нашей работе в качестве основных терминов мы будем использовать понятия «зеленое финансирование» и «зеленые финансы», которые являются наиболее распространенными и часто обобщающими для других финансовых направлений в этой области. Эти же термины часто используются в контексте реализации перечисленных новых моделей экономики – зеленой, низкоуглеродной, замкнутого цикла и т. п.

На международном уровне вопросами зеленых финансов занимаются, в частности Всемирный банк и ООН, среди известных экономистов можно отметить Пола Кругмана [8] и Джеффри Сакса [9]. Среди отечественных исследований, посвященных теме зеленого финансирования, перечислим работы Б. Б. Рубцова с коллегами из Финансового университета при Правительстве РФ [5], Б. Н. Порфирьева [3], В. В. Архиповой [1], Л. С. Худяковой [6], И. А. Яковлева и Л. С. Кабир [7]. В их работах рассматриваются инструменты и институты зеленого финансирования, а также влияние экологических и климатических факторов на мировую финансовую систему, ее стабильность, зеленые инвестиции [3].

Отметим, что в исследованиях многих зарубежных авторов зеленое финансирование рассматривается не только как одно из направлений развития финансового сектора, а именно как его трансформация (можно сказать – новый этап). И эта трансформация призвана способствовать достижению не только экологической устойчивости, но также финансово-экономической и социальной.

Тем не менее в немногочисленной научной литературе нет полного осознания прямой связи макроэкономических трансформаций, направленных на большую устойчивость развития, и экологизации финансовой политики, формирования новых моде-

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.11.2020 № 3024-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011200033> (дата обращения: 07.11.2020).

лей экономики. В нашей статье на основе анализа новейших зарубежных исследований и опыта в области поддержки государствами, корпорациями, банками механизмов зеленого финансирования исследуются реалии и перспективы таких механизмов в России.

1. Развитие зеленого финансирования в мире

Одним из первых значимых событий в сфере зеленых финансов стало создание Финансовой инициативы Программы ООН по окружающей среде (UNEP/ЮНЕП). Это произошло после конференции ООН, посвященной вопросам устойчивого развития, которая состоялась в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Однако, как отмечают исследователи, в течение 1990-х гг. существенных подвижек в экологизации мировой финансовой системы не произошло [6].

Заметные изменения начали проявляться лишь в 2000-е гг. Так, в 2003 г. десять международных финансовых организаций обнародовали «Принципы Экватора» (The Equator Principles), представляющие собой подход к управлению социальными и экологическими рисками при проектном финансировании. На текущий момент эти принципы приняты 111 финансовыми институтами в 37 странах мира⁶. Другой пример – в 2006 г. были сформулированы «Принципы ответственного инвестирования ООН» (Principles for Responsible Investment Initiative), а в 2009 г. у данной инициативы было уже более 500 участников. К январю 2020 г. к «Принципам ответственного инвестирования ООН» присоединились 2300 финансовых институтов, а общая сумма их активов составила 80 трлн долларов⁷.

Значительный импульс экологизации мировой финансовой системы придал финансово-экономический кризис 2008 г. С одной стороны, были выявлены ограничения существующей модели мировой финансовой системы и начался поиск новых направлений ее развития с целью обеспечения устойчивости. Тогда же активизировались международные структуры, такие как «Большая двадцатка», которые стимулировали создание и развитие зеленого финансового регулирования, соответствующей инфраструктуры и инструментов – зеленых облигаций, климатических фондов, биржевых индексов устойчивого развития и т. п. [3].

Сегодня правительства разных стран принимают меры по стимулированию зеленого финансирования с целью мобилизации ресурсов для экономической трансформации и увеличения конкурентоспособности. Для этого используются новые зеленые финансовые инструменты и их разновидности, стремительный рост которых подтверждают данные Bloomberg (рис. 1).

В 2019 г. объем устойчивых долговых обязательств, выпущенных в мире, составил 465 млрд долларов, что на 78 % больше, чем годом ранее, и более чем в 30 раз выше показателя 2013 г. Больше половины годовых объемов эмиссии устойчивых долговых обязательств – это зеленые облигации: в 2019 г. их выпуск составил 271 млрд долларов. В секторальном разрезе средства зеленых облигаций были вложены преимущественно в финансирование зеленой энергетики (32 %), повышение энергоэффективности зданий (29 %) и в транспорт (20 %).

⁶ EP Association Members & Reporting - Equator principles. URL: <https://equator-principles.com/members-reporting/> (дата обращения: 23.10.2020).

⁷ Annual Report 2020 - UN Principles for Responsible Investment. URL: <https://www.unpri.org/pri/about-the-pri/annual-report> (дата обращения: 23.10.2020).

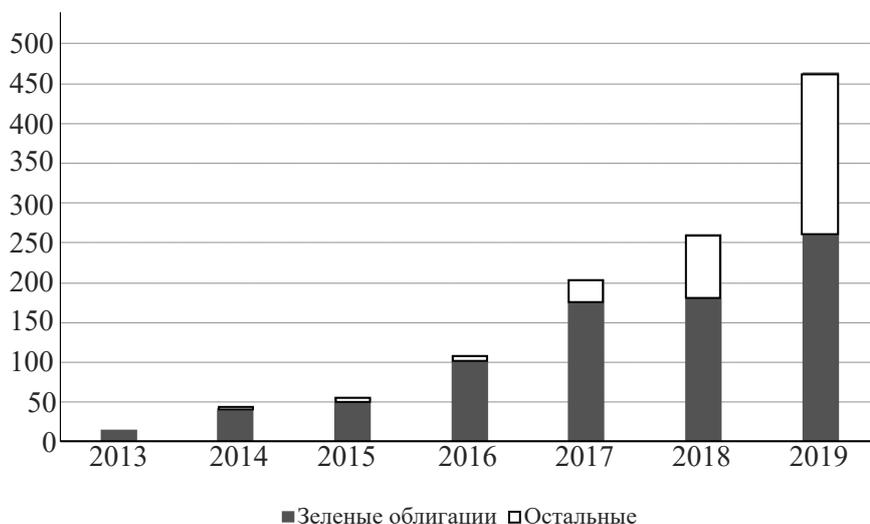

Рис. 1. Годовая эмиссия обязательств в области устойчивого развития в 2013–2019 гг., млрд долл. (источник: BloombergNEF⁸)

Таким образом, начиная с 2008 г. на международном уровне происходит экологизация мировой финансовой системы одновременно с развитием новых экономических моделей.

2. Идентификация зеленого финансирования

Всемирный банк выделил ряд существенных проблем, замедляющих развитие зеленого финансирования на мировом и национальных уровнях: отсутствие стратегических сигналов, разрозненные методики оценки эффекта от зеленых инвестиций, низкий уровень осведомленности о зеленом финансировании⁹.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой интерпретации понятия зеленое финансирование. Это характерно не только для зеленых финансов, но и для родственных терминов, например, «устойчивое финансирование», «ответственное финансирование» или «климатические инвестиции». По мнению экспертов из Научно-исследовательского финансового института Минфина, отсутствие единой позиции по поводу того, что следует понимать под зелеными инвестициями, «приводит к формированию идеологических, методологических, политических, регулятивных и экономических противоречий» [2]. Отдельной и все более острой проблемой в мире является идентификация проектов «зеленого камуфляжа» (greenwashing), когда финансово-экономическая деятельность может носить антиэкологический характер, но позиционироваться как обладающая экологическим эффектом.

На наш взгляд, конструктивное и общее определение зеленого финансирования было дано Рабочей группой G-20: это – «финансирование инвестиций, обеспечиваю-

⁸ Sustainable Debt Sees Record Issuance At \$465Bn in 2019, Up 78 % From 2018 – BloombergNEF. URL: <https://about.bnef.com/blog/sustainable-debt-sees-record-issuance-at-465bn-in-2019-up-78-from-2018/> (дата обращения: 13.12.2020).

⁹ Russia Green Finance: Unlocking Opportunities for Green Investments (2018). Washington, D.C.: World Bank Group.

щих экологические выгоды и в более широком контексте экологически устойчивое развитие»¹⁰. Имеются детальные классификации зеленых финансов с выделением устойчивых, экологических, зеленых, климатических, низкоуглеродных финансов. По нашему мнению, важно различать *устойчивые финансы* – как общий термин для финансирования устойчивого развития, сбалансированно объединяющего социальные, экологические и экономические проекты, и собственно *зеленые финансы*, поддерживающие эколого-экономические проекты.

В зависимости от объекта финансирования на уровне отдельных стран и их объединений складываются свои подходы к определению зеленых финансов. Например, в докладе ЕС по устойчивой зеленой таксономии в 2020 г. определены рамки, в которых экономическая деятельность может считаться экологически устойчивой в соответствии с европейским финансовым законодательством¹¹. Чтобы та или иная экономическая активность считалась приемлемой в соответствии с таксономией, она должна способствовать достижению по меньшей мере одной из шести экологических целей:

- смягчение изменений климата;
- адаптация к изменению климата;
- устойчивое использование и охрана водных и морских ресурсов;
- переход к экономике замкнутого цикла, предотвращение образования отходов и их рециркуляция;
- предотвращение и контроль загрязнения;
- охрана экосистем.

На наш взгляд, российская таксономия зеленых проектов и финансирования должна быть более широкой и учитывать экологические риски, которых нет в других странах. Такие риски во многом связаны со значительным ущербом для здоровья из-за загрязнения окружающей среды, масштабной физической изношенности основных фондов и других факторов. В докладе Президента РФ на заседании Госсовета в 2016 г., посвященном Году экологии, приведены цифры экономического ущерба от загрязнения окружающей среды (включая ухудшение здоровья населения) – до 15 % ВВП¹². В связи с этим можно говорить о необходимости минимизации эколого-социальных рисков в стране.

Что касается изношенности основных фондов, то, по данным Росстата, она может достигать 60...80 % в зависимости от отрасли и технологий¹³. Данная ситуация может спровоцировать большое количество техногенных аварий и экологических катастроф. Печальным примером является утечка нефтепродуктов в Норильске, ставшая

¹⁰ Sustainable Finance Synthesis Report 2016 – G20 Sustainable Finance Study Group. September, 2016. Экологические выгоды – выгоды, связанные со снижением загрязнения воздуха, почвы и воды, повышением ресурсоэффективности, противодействием климатическим изменениям и адаптацией к ним.

¹¹ TEG final report on the EU taxonomy 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/files/200309-sustainable-finance-teg-final-report-taxonomy_en (дата обращения: 10.12.2020).

¹² Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений. 27 декабря 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53602> (дата обращения: 28.10.2020).

¹³ Основные фонды – Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/# (дата обращения: 15.11.2020).

одной из крупнейших мировых экологических катастроф в арктической зоне. Другой пример – сотни ежегодных разрывов нефтепроводов и разливов нефти. Поэтому к проектам зеленого финансирования целесообразно относить и мероприятия, соответствующие критерию «двойного выигрыша» – нацеленные на получение экономических выгод и дающие значительные экологические выгоды. К их числу можно отнести проекты в области реализации концепции наилучших доступных технологий (НДТ), обновление инфраструктуры и т. д.

С учетом особенностей современного этапа развития российской экономики можно дать обобщенную дефиницию зеленого финансирования для России: финансирование инвестиций и текущих затрат, обеспечивающих экологические выгоды, а также минимизирующих экологические и эколого-социальные риски.

3. Государство и зеленое финансирование

Приоритетным фактором развития зеленого финансирования, как подчеркивается в документах Всемирного банка, являются стимулирующие стратегические сигналы и механизмы на национальном уровне¹⁴. Важную роль в этом играют государственный сектор и государственные финансовые организации, способные мобилизовать частные средства и ресурсы и принять на себя риски, которые частный сектор не готов нести. Как показывает мировой опыт, без участия финансового регулятора ни одна страна в мире не смогла эффективно внедрить систему зеленого финансирования. Это обусловлено высокими капитальными затратами на начальном этапе, длинными сроками возврата и высокой зависимостью от нормативно-правового регулирования.

Поэтому роль государственного сектора в зеленом финансировании особенно значима: он содействует экологизации финансирования за счет создания благоприятных условий. При этом государственные финансовые инструменты также позволяют ускорять и увеличивать эффекты частного финансирования для зеленых инвестиций. Для стимулирования бизнеса используются различные корректировки в форме налогов и субсидий в соответствии с общественными издержками и выгодами: налоговые вычеты для инвестиций в новые более рискованные технологии, льготные тарифы при использовании возобновляемых источников энергии, налоги (торговля квотами) за выбросы углерода в атмосферу, инвестиционные гарантии или страхование и т. д.¹⁵

В настоящее время значительное число стран реализует программы зеленого финансирования в рамках антикризисных программ. В 2020-е гг. Европейский союз планирует инвестировать около 1 трлн евро в технологии устойчивого развития для перестройки городов и экономик¹⁶. В Китае Постоянный комитет Политбюро в марте этого же года принял концепцию «строительства новой инфраструктуры», в рамках которой планируется вложение 1,4 трлн долларов в течение шести лет, в том числе в развитие возобновляемой энергетики, электромобилей и железнодорожного транспорта¹⁷.

Развитие зеленого финансирования и переход к новым моделям экономики происходит и в рамках антикризисных экономических мер. Среди лидеров этого направле-

¹⁴ Russia Green Finance: Unlocking Opportunities for Green Investments (2018). Washington, D.C.: World Bank Group.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Recovery plan for Europe – European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (дата обращения: 13.12.2020).

¹⁷ COVID-19 and the electrification of the Chinese economy - The Oxford Institute for energy studies. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2020/06/COVID-19-and-the-electrification-of-the-Chinese-economy.pdf> (дата обращения: 05.11.2020).

ния Франция, Великобритания, Германия и Южная Корея (рис. 2). На этом фоне усилия России в области экологической трансформации финансового сектора и экономики в целом невелики – в рамках антикризисных мер страна продолжает поддерживать традиционные сектора экономики. Отметим, что подобная российская политика в условиях предыдущего мирового кризиса 2008–2009 гг. привела к застою и закреплению экспортно-сырьевой модели экономики.

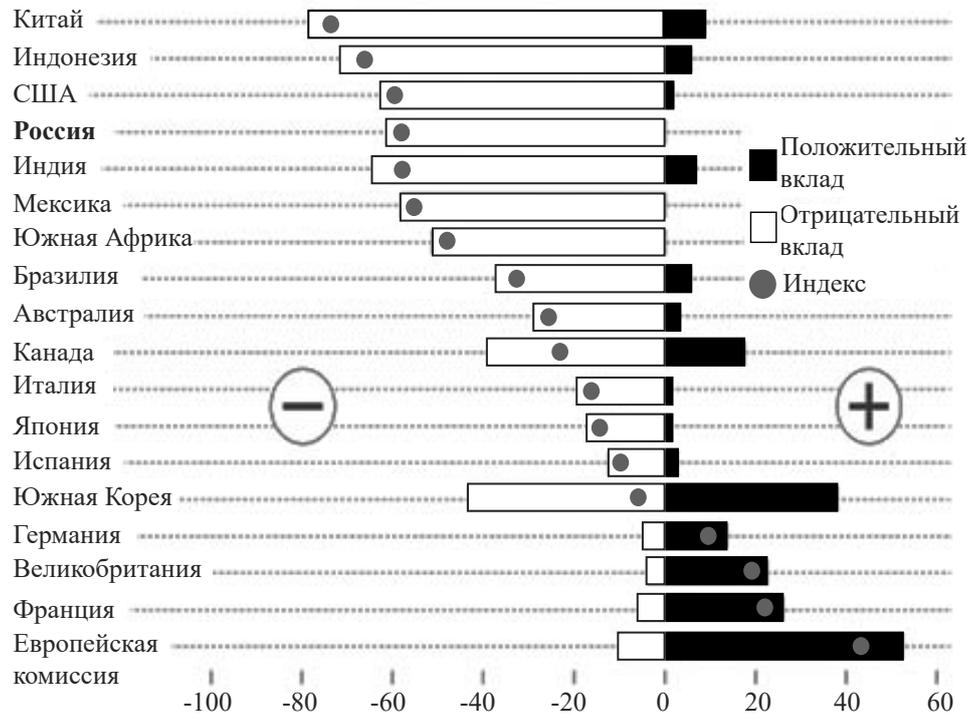

Рис. 2. Субсидии: увязка антикризисных мер с целями низкоуглеродного и зеленого развития¹⁸ (пункты, 100 – субсидии максимально благоприятны для окружающей среды)

Огромное влияние на увеличение финансовых потоков для зеленого развития окажет намерение многих развитых стран достичь углеродной нейтральности для выполнения Парижского климатического соглашения и транзита к низкоуглеродной экономике в целом. Здесь можно отметить ЕС, Японию, Южную Корею. В качестве примера приведем амбициозный документ по европейской низкоуглеродной трансформации «Зеленый курс» (Green Deal), принятый ЕС в декабре 2019 г.¹⁹ В документе предусматривается достижение углеродной нейтральности ЕС к 2050 г. Другой пример – в программе Президента США Байдена намечено выделение 1,5...2 трлн долларов на зеленое развитие американской экономики, в частности, переориентация энергетического сектора в направлении возобновляемых источников энергии²⁰.

¹⁸ Greenness of Stimulus Index - Vivideconomics. URL: https://www.vivideconomics.com/wp-content/uploads/2020/10/201028-GSI-report_October-release.pdf (дата обращения: 09.12.2020).

¹⁹ A European Green Deal (2019). European Commission. Brussels.

²⁰ The Biden plan for a clean energy revolution and enviromental justice. URL: <https://joebiden.com/climate-plan/> (дата обращения: 19.11.2020).

4. Зеленое финансирование и углеродная нейтральность: банки и корпорации

Реализация парадигмы устойчивого развития и новых моделей экономики определяет необходимость реорганизации финансовой системы. В таких условиях появляются новые вызовы для банков и крупных корпораций, которые выражаются в реструктуризации банковских портфелей и потоков финансирования. Кроме того, для привлечения капитала необходимо обеспечивать баланс между состоянием окружающей среды и устойчивой экономической отдачей, что требует от банков реализации проектов в экологической сфере.

Особенно четко развитие зеленого финансирования проявляется в области низкоуглеродных тенденций, связанных с борьбой с изменением климата. Во многих европейских странах банки начали оценивать воздействие рисков, связанных с изменением климата и переходом к низкоуглеродной экономике в финансовом секторе. Интересны инициативы ведущих банков в странах с развитым финансовым сектором (табл. 2). Ярким примером являются планы немецкого Deutsche Bank по удвоению объемов зеленого финансирования (до 200 млрд евро) к 2025 г. и прекращению работы с компаниями, связанными с добычей угля, также банк прекращает поддержку новых проектов в Арктике²¹. В целом, анализируя зеленую политику крупнейших мировых банков (Crédit Suisse, Citigroup, Barclays, UBS), можно выделить по крайней мере четыре приоритетных направления: резкое увеличение финансирования зеленых проектов, ориентация на устойчивое и низкоуглеродное развитие, уход из угольных проектов, отказ от поддержки промышленной деятельности в Арктике.

В деятельности крупных транснациональных корпораций лидирующим зеленым трендом стала ориентация на углеродную нейтральность. Об этом заявили такие гиганты, как Apple, Google, Volvo, Coca-Cola, и др. Например, компания Apple объявила, что к 2030 г. она будет стремиться к 100 %-ной углеродной нейтральности своей продукции и в цепочках поставок²². В свою очередь, компания Google утверждает, что уже сейчас ее углеродный след равен нулю, а к 2030 г. она планирует потреблять электроэнергию из безуглеродных источников²³.

Даже высокоуглеродные нефтегазовые компании, которые выбрасывают огромное количество парниковых газов, декларируют приверженность низкоуглеродным трендам и достижению углеродной нейтральности. Так, в феврале 2020 г. компания BP объявила о начале реализации стратегии «Чистого нуля» (Net Zero), которая будет действовать до 2050 г. Данная стратегия предполагает достижение нулевого углеродного баланса в операционной деятельности и в производстве нефти и газа. Компания вложит минимум 1 млрд долларов в чистую энергетику до 2030 г. Также BP планирует в десять раз увеличить низкоуглеродные инвестиции – до 5 млрд долларов к 2030 г.

²¹ Deutsche Bank sets itself ambitious sustainability targets. URL: https://www.db.com/newsroom_news/2020/deutsche-bank-sets-itself-ambitious-sustainability-targets-en-11573.htm (дата обращения: 19.11.2020).

²² Apple commits to be 100 percent carbon neutral for its supply chain and products by 2030. URL: <https://www.apple.com/newsroom/2020/07/apple-commits-to-be-100-percent-carbon-neutral-for-its-supply-chain-and-products-by-2030/> (дата обращения: 04.12.2020).

²³ Our third decade of climate action: Realizing a carbon-free future. URL: <https://blog.google/outreach-initiatives/sustainability/our-third-decade-climate-action-realizing-carbon-free-future/> (дата обращения: 29.11.2020).

Таблица 2

Инициативы банков различных стран в области зеленого финансирования и низкоуглеродного развития*

Германия	Великобритания	Швейцария	США
<p>Deutsche Bank: обязательство удвоить объемы зеленого финансирования до 200 млрд евро к 2025 г.; выпуск первых зеленых облигаций с целью привлечения средств для инвестиций в возобновляемые источники энергии в конце 2020 г.; прекращение работы с компаниями, связанными с добычей угля, не позднее 2025 г.; прекращение финансирования новых проектов в Арктике или проектов по разработке нефтяных песков</p>	<p>Barclays: достижение углеродной нейтральности в финансируемых секторах к 2050 г.; стремление к приоритетному предоставлению кредитов компаниям, участвующим в реализации Парижского климатического соглашения; снижение объемов кредитования компаний, занимающихся выработкой энергии из ископаемого топлива</p> <p>Royal Bank of Scotland: прекращение кредитования нефтегазовых компаний, если к 2021 г. у них не будет плана перехода к Парижскому соглашению</p>	<p>Crédit Suisse: предоставление в течение следующего десятилетия не менее 300 млрд швейцарских франков (328,41 млрд долларов) в рамках устойчивого финансирования в таких областях, как возобновляемые источники энергии и зеленые облигации; прекращение финансирования нефтегазовых проектов в Арктике и кредитования компаний, получающих более 25 % своих доходов от добычи энергии из угля</p> <p>UBS: отказ от финансирования оффшорных нефтяных проектов в Арктике, добычи каменного угля и разработки нефтеносных песков</p>	<p>Citigroup: в течение 10 лет прекращение оказания финансовых услуг угледобывающим компаниям с целью ускорения перехода экономики от ископаемого топлива к более чистым источникам энергии; план – к 2025 г. не предоставлять андеррайтинговые и консультационные услуги отрасли, а также сократить кредитные риски напловину; обязательство отказаться от финансирования нефтегазовой разведки и добычи нефти и газа в Арктике</p>

*Составлено авторами на основе данных компаний: Deutsche Bank sets itself ambitious sustainability targets. URL: https://www.db.com/newsroom_news/2020/deutsche-bank-sets-itself-ambitious-sustainability-targets-en-11573.htm (дата обращения: 10.12.2020); Our ambition to be a net zero bank by 2050 – Royal Bank of Scotland. URL: <https://home.barclays/society/our-position-on-climate-change/> (дата обращения: 10.12.2020); Sustainable banking and our climate change strategy. URL: <https://personal.rbs.co.uk/personal/banking-with-royal-bank-of-scotland/sustainable-banking.html> (дата обращения: 09.12.2020); Crédit Suisse earmarks more than \$300 billion for sustainable finance. URL: <https://uk.reuters.com/article/us-credit-suisse-gp-sustainability/credit-suisse-earmarks-more-than-300-billion-for-sustainable-finance-idUSKCN24V1M3> (дата обращения 04.12.2020); UBS cuts funding for new Arctic offshore oil projects. URL: <https://www.internationalinvestment.net/news/4012779/ubs-cuts-funding-arctic-offshore-oil-projects> (дата обращения: 04.12.2020); Finance for a Climate-Resilient Future - Citi's TCFD Report. URL: <https://www.citigroup.com/citi/sustainability/data/finance-for-a-climate-resilient-future.pdf> (дата обращения: 29.11.2020).

С помощью данных мер компания планирует достичь нулевого уровня выбросов к 2050 г.²⁴. Отметим, что акции BP после заявления этой амбициозной цели выросли на 8 %. К 2030 г. на инвестиции в экологичные бизнесы будет приходиться примерно треть расходов компании²⁵. Аналогичный подход «чистого нуля» или близкого к нему баланса объявлен такими крупными нефтегазовыми компаниями, как Repsol²⁶ и Eni²⁷ 80 %. Среди российских компаний Лукойл заявил о стремлении к достижению углеродной нейтральности к 2050 г.²⁸. Компании Shell, Total и Equinor планируют достичь к 2050 г. соответственно 65, 60 и 50 %-ного углеродного баланса.

5. Россия: зеленое финансирование и низкоуглеродное развитие

Направление зеленых финансов развивается и в нашей стране, хотя и не таким быстрыми темпами, как в странах ЕС, ОЭСР или Китае. В Распоряжении № 3024-р предусматривается развитие «инвестиционной деятельности и привлечение внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации, ... в том числе по утверждению целей и направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития при разработке критериев проектов развития и требований к системе верификации проектов развития»²⁹.

В качестве координатора инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты зеленого развития в данном Распоряжении назначается Минэкономразвития, а методологическим центром – государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ». Развитие зеленого финансирования в стране необходимо для поддержки проектов по развитию низкоуглеродной экономики (регулирование эмиссий парниковых газов), циркулярной экономики (борьба с отходами), биоэкономики (использование природных компонентов для фармакологической промышленности, сельского хозяйства и т. д.).

В России имеются примеры реализуемых проектов в области зеленого финансирования. Так, ОАО «РЖД» в мае 2019 г. привлекло 500 млн евро за счет размещения зеленых облигаций. Соорганизатором их эмиссии выступил инвестиционный банк

²⁴ BP sets ambition for net zero by 2050, fundamentally changing organisation to deliver. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bernard-looney-announces-new-ambition-for-bp.html> (дата обращения: 02.12.2020).

²⁵ From International Oil Company to Integrated Energy Company: bp sets out strategy for decade of delivery towards net zero ambition – BP. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/from-international-oil-company-to-integrated-energy-company-bp-sets-out-strategy-for-decade-of-delivery-towards-net-zero-ambition.html> (дата обращения: 02.12.2020).

²⁶ Repsol will be a net zero emissions company by 2050. URL: <https://www.repsol.com/en/press-room/press-releases/2019/repsol-will-be-a-net-zero-emissions-company-by-2050.cshhtml> (дата обращения: 21.10.2020).

²⁷ Eni's strategy for the fight against climate change. URL: <https://www.eni.com/en-IT/low-carbon/strategy-climate-change.html> (дата обращения: 21.10.2020).

²⁸ Лукойл хочет стать углеродно-нейтральным к 2050 году, «как и вся Европа». URL: <https://rener.ru/lukoil-hochet-stat-uglerodno-nejtralnym-k-2050-godu-kak-i-vsya-evropa/> (дата обращения: 21.10.2020).

²⁹ Распоряжение № 3024-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011200033> (дата обращения: 13.12.2020).

ВТБ Капитал³⁰. Есть позитивные изменения и в банковском секторе. Например, отечественный банк «Центр-Инвест», признанный лучшим банком в Центральной и Восточной Европе по корпоративной ответственности, предлагает депозит с привязкой к Целям устойчивого развития³¹.

Еще одним показателем развития зеленого финансирования в нашей стране является начало работы сектора устойчивого развития в августе 2019 г. на Московской бирже. По сути, данный сектор стал первой отечественной платформой по привлечению зеленого финансирования. Другим важным шагом стало то, что ВЭБ.РФ, Минэкономики и ЦБ подготовили рекомендации в июле 2020 г. по зеленому финансированию, а также описание соответствующих проектов. Таким образом, в нашей стране подготовлен национальный стандарт в области зеленых финансов³². Вместе с тем Минпромторг с помощью зеленых финансовых инструментов намеревается привлечь частные российские и иностранные средства для реализации нацпроекта «Экология» и внедрения наилучших доступных технологий.

С другой стороны, российский финансовый сектор подвергается существенным экологическим рискам, связанным с сырьевым и высокоуглеродным характером экономики, а также большими масштабами производства энергетических ресурсов. Так, после быстрого снижения выбросов парниковых газов в 1990-е гг. Россия в 2000-е гг. фактически вышла на плато, что происходило на фоне снижения эмиссий в ЕС и США (рис. 3).

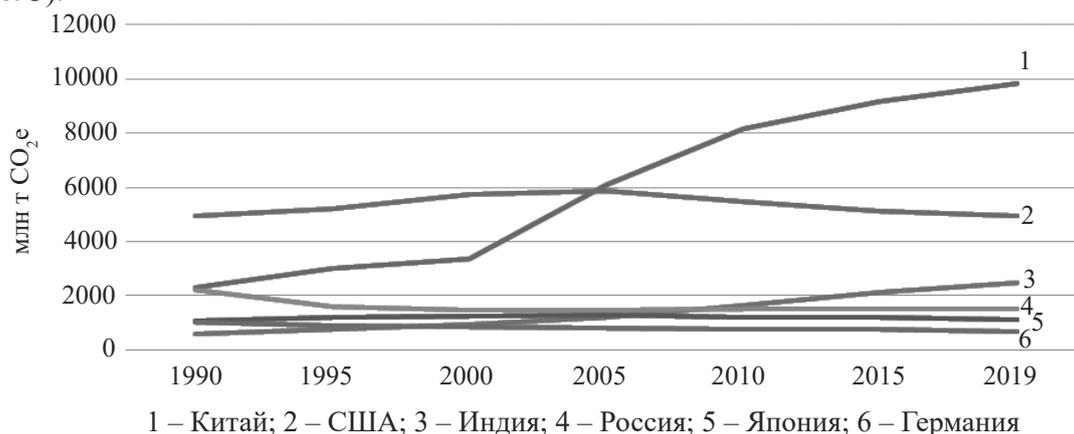

Рис. 3. Выбросы парниковых газов в основных странах-эмитентах (1990–2019 гг.)
(источник: данные Международного энергетического агентства³³)

³⁰ В Реестр зеленых облигаций Центра компетенций и зеленой экспертизы НАКДИ и WWF России включен второй выпуск облигаций РЖД – Концессии и инфраструктурные инвестиции. URL: <https://investinfra.ru/novosti/v-reestr-zelenyx-obligaczij-czentra-kompetenczij-i-zelenoj-ekspertizy-nakdi-i-wwf-rossii-vklyuchen-vtoroj-vypusk-obligaczij-rzhd.html> (дата обращения: 07.12.2020).

³¹ Первый «зеленый» вклад в России ввел банк «Центр-инвест». URL: <https://www.centriinvest.ru/ru/about/news/34020/> (дата обращения: 09.12.2020).

³² Зеленое финансирование – ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/> (дата обращения: 09.12.2020).

³³ IEA Atlas of energy. URL: <http://energyatlas.iea.org/#!/tellmap/1378539487> (дата обращения: 18.11.2020).

В соответствии с Указом Президента РФ объем выбросов парниковых газов в нашей стране в 2030 г. должен быть на уровне 70 % от показателя 1990 г.³⁴. Сейчас эмиссия этих газов составляет немногим более 50 % от уровня 1990 г., а значит, возможен рост выбросов примерно на 40 % по отношению к 2020 г. и как следствие – сохранение трендов традиционной, исчерпавшей себя экспортно-сырьевой модели экономики.

При поддержании такого вектора углеродного развития российской экономике грозят «экологические санкции», что во многом связано с усилением экологического протекционизма в мире. По прогнозу аудиторской компании KPMG, потери российских компаний достигнут 4...6 млрд евро в год³⁵. С этими оценками корреспондируется оценка ИМП РАН, согласно которой при введении европейского углеродного налога в рамках программы «Зеленый курс», потери отечественных экспортеров при сохранении современного высокоуглеродного тренда могут составить 2,8...3,6 млрд евро в год [4].

Для преодоления неустойчивых и высокоуглеродных трендов, борьбы с угрозами экологического протекционизма, а также усиления конкурентных позиций в России подготовлены проект «Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» (март 2020 г.) и проект ФЗ «О государственном регулировании выбросов парниковых газов» (август 2020 г.). Это хорошие теоретические документы, но без внятных механизмов реализации, в ближайшем будущем необходимо устранить этот недостаток.

Выводы

Переход к устойчивому развитию в мире привел к трансформации финансового сектора на глобальном и национальном уровнях. Ведущие страны, транснациональные банки и корпорации демонстрируют резкое увеличение финансирования зеленых проектов, ориентацию на устойчивое и низкоуглеродное развитие. Для зеленого финансирования характерны уход из угольных и арктических проектов. Перечисленные особенности должны учитываться в России при разработке программ и проектов. Сейчас этого явно недостаточно, что может привести к значительным финансовым потерям, экологическому и социальному ущербу, снижению международной конкурентоспособности экономики.

Отметим ряд проблем, замедляющих развитие зеленого финансирования на мировом и национальном уровнях: отсутствие стратегических сигналов, разрозненные методики оценки эффекта от зеленых инвестиций, отсутствие единых критериев для зеленого финансирования.

В рамках неустойчивой экспортно-сырьевой модели экономики сложно построить эффективную систему зеленого финансирования. Финансовую политику нельзя выстроить без четкого определения долгосрочных приоритетов развития. России необходима долгосрочная стратегия развития страны, в основу которой могут быть положены принципы устойчивого развития, сбалансированно сочетающие социальные, экономические, финансовые и экологические факторы. Следует увеличить государственные расходы на охрану окружающей среды – в настоящее время они, как минимум, в два раза меньше, чем в развитых странах. Для обеспечения перехода к экологически устой-

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 18.11.2020).

³⁵ KPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be> (дата обращения: 10.12.2020).

чивой экономике потребуется дополнительное финансирование из государственного и частного секторов. Государственная политика и рыночные механизмы должны создавать возможности для сочетания государственного и частного финансирования, эффективного государственно-частного партнерства.

Список литературы

1. *Архипова, В. В.* «Зеленые финансы» как средство для решения глобальных проблем / В. В. Архипова // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21. – №2. – С. 312–332.
2. *Бокарев, А. А.* «Зеленые» инвестиции в России: поиск приоритетных направлений / А. А. Бокарев, И. А. Яковлев, Л. С. Кабир; Научно-исследовательский финансовый институт // Финансовый журнал. – 2017. – № 6. – С. 40–49.
3. *Порфирьев, Б. Н.* «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе / Б. Н. Порфирьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 9. – С. 5–16.
4. *Порфирьев, Б. Н.* Климат для людей, а не люди для климата / Б. Н. Порфирьев, А. А. Широков, А. Ю. Колпаков // Эксперт. – №31-34 (1172). – С. 44–47.
5. «Зеленые финансы» в мире и России: монография / Б. Б. Рубцов, И. А. Гусева, А. И. Ильинский, И. В. Лукашенко, С. А. Панова, А. Ф. Садретдинова, С. М. Алыкова; под ред. Б. Б. Рубцова. – М.: Русайнс, 2016. – 167 с.
6. *Худякова, Л. С.* Реформа глобальных финансов в контексте устойчивого развития / Л. С. Худякова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 7. – С. 38–47.
7. *Яковлев, И. А.* Механизм финансирования «зеленых» инвестиций как элемент национальной стратегии финансирования устойчивого развития / И. А. Яковлев, Л. С. Кабир // Финансовый журнал. – 2018. – №3. – С. 9–19.
8. Krugman, P. (2010). Building a green economy. The New York Times Magazine, 5, pp. 2–16.
9. Sachs, J., Woo, W. T., Yoshino, N., & Taghizadeh-Hesary, F. (Eds.). (2019). Handbook of Green Finance: Energy Security and Sustainable Development. Springer Singapore.

References

1. Arhipova V. V. (2017) «Zelenye finansy» kak sredstvo dlya resheniya global'nyh problem [Green finance as a tool for solving global problems]. Economic Journal of the Higher School of Economics, 21 (2), pp. 312–332.
2. Bokarev A. A., Yakovlev I. A., Kabir L. S. (2017) «Zelenye» investicii v Rossii: poisk prioritetnyh napravlenij [“Green” investments in Russia: search for priority areas]. Financial Research Institute. Financial journal, 6, pp. 40–49.
3. Porfir'ev B. N. (2016) «Zelenye» tendencii v mirovoj finansovoj sisteme [“Green” trends in the global financial system]. World Economy and International Relations, 60(9), pp. 5–16.
4. Porfir'ev B. N., SHirov A. A., Kolpakov A. Yu. (2020) Klimat dlya lyudej, a ne lyudi dlya klimata [Climate is for people, not people for climate]. Expert, 31-34 (1172), pp. 44–47.
5. Rubcov B. B. (2016) «Zelenye finansy» v mire i Rossii [“Green finance” in the world and in Russia]. Moscow: Rusayns, 167 p.
6. Hudyakova L. S. (2018) Reforma global'nyh finansov v kontekste ustojchivogo razvitiya [Global finance reform in the context of sustainable development]. World economy and international relations, 62(7), pp. 38–47.

7. Yakovlev I. A., Kabir L. S. (2018) Mekhanizm finansirovaniya «zelenykh» investitsij kak element nacional'noj strategii finansirovaniya ustojchivogo razvitiya [Green investment financing facility as an element of the national sustainable development financing strategy]. Financial journal, 3, pp. 9–19.

8. Krugman, P. (2010). Building a green economy. The New York Times Magazine, 5, pp. 2–16.

9. Sachs, J., Woo, W. T., Yoshino, N., & Taghizadeh-Hesary, F. (Eds.). (2019). Handbook of Green Finance: Energy Security and Sustainable Development. Springer Singapore.

S. N. Bobylev³⁶, P. A. Kiryushin³⁷, N. R. Koshkina³⁸. New priorities for the economy and green finance. The unsustainability of the global economy and environmental risks were in many ways the trigger that led to the formation of new priorities and models of the economy, both in theory and in real economic life. The paper discusses crucial issues of green finance in the context of the greening of the world economy, in particular, the increasingly significant low-carbon trends. The green finance market is growing at an enormous rate every year. A significant part of the green funds is invested in the reduction of the carbon intensity of economy, the energy efficiency, development of the renewable energy. A growing number of countries, banks and corporations are pursuing green investment policies to achieve ambitious carbon neutrality goals. The development of a green financing system is also taking place in Russia. Such structures as VEB.RF, the Central Bank and the Ministry of Economic Development are participating in its development. However, within the framework of an unstable commodity-exporting model of the economy, it is difficult to build an effective system of green financing. Russia needs to develop a long-term strategy for the country's development, which can be based on the principles of sustainable development, balancing social, economic, financial and environmental factors.

Keywords: green financing, green finance, green economy, sustainable development, low-carbon development.

³⁶ *Sergey Bobylev*, Head of the Department of Nature Management Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Kolmogorova St., Moscow 119991, Russia); Head of the Center for Bioeconomy and Eco-innovations, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Doctor of Economics, Professor, e-mail: snbobylev@yandex.ru.

³⁷ *Peter Kiryushin*, Assistant Professor, Department of Nature Management Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Kolmogorova St., Moscow 119991, Russia); Development Director at the Center for Bioeconomy and Eco-innovations, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Ph.D. in Economics, e-mail: pkiryushin@gmail.com

³⁸ *Natalia Koshkina*, Graduate Student in the Department of Nature Management Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1 Kolmogorova St., Moscow 119991, Russia), e-mail: koshkina-natalia@mail.ru

*Leo Gabriel*¹

**THE SOCIAL AND POLITICAL CONSEQUENCES OF THE PANDEMIA
ON THE CONCEPTUALIZATION OF ECONOMIES IN THE WEST**

L. Gabriel considers the consequences of the complex crisis (economic, political, ecological and cultural) caused by the pandemic. Most prominently, these consequences include the concentration of power in the hands of oligarchs, tendency towards militarization, authoritarian power structure and extreme political polarization. The crisis must lead to a change in the economic paradigm. In this regard, the author emphasizes the importance of S. D. Bodrunov's concept of noonomy, which stipulates the reorganization of the economy in accordance with non-economic standards (the economy is considered as a result of interaction, including interaction between knowledge and culture). In order to implement alternative models, it is necessary to overcome the gap between theory and practice. It is important to join our efforts at all levels (from local to global) for the sake of maintaining peace, protecting human rights, resolving environmental issues and preserving biodiversity as the conditions required for sustainable development.

Keywords: consequences of the pandemic, complex crisis, concentration of power, militarization, change of paradigm, concept of noonomy, sustainable development.

DOI 10.37930/1990-9780-2021-1-67-167-173

УДК 330.352

It was in 2004 during the World Social Forum in Mumbai, when the renown political scientist Immanuel Wallerstein gave a lecture under the title: „Is the neoliberal capitalism dead? “. What he referred to was the fact that through the war in Iraq the United States of America had given up its goal to establish a worldwide hegemony through the so called „free market system “and has opted for getting instead access to the natural resources by military means. In other words, the market-competition which is at the core of neoliberal capitalism should be substituted by a much more direct intervention of the State relying on its military power.

Concentration of power as a result of the multidimensional crisis

Why am I saying this today? Because it seems to me that if we look at the economic disaster which is taking place nowadays in the aftermath of the Corona-crisis has led the entire Western World once again to a point of no return, where the economies are not any longer capable to guarantee their survival through the market fundamentalism it has been preaching for the last decades. Like in 2008 especially the big business corporations and banks rely on being rescued by the Nation-States. But at the difference to the crisis in 2008 the lock-downs

¹ Leo Gabriel, Co-Founder of the Austrian Social Forum, Austria.

have made it necessary for the governments to invest at least parts of the budgets in so called „unproductive items“, like health care and social security in order to mitigate the crises which have become multi-dimensional (economic, political, ecological and cultural).

On the other hand, we can observe a very serious and therefore dangerous trend towards the militarisation of increasingly authoritarian regimes, especially in the countries of the Global South in Latin America, Africa and Asia. Under the pretext of counteracting the pandemic in most of these countries the civil governments use and are being used by the armed forces in order to expand their control on a local and regional level. In this sense the offer of the Secretary General of the NATO, Stoltenberg, to coordinate the “security” in the different countries in case of a second wave of the pandemic, is more than significant.

But what does all that mean for the conceptualisation of the economies in the Western hemisphere? It means first of all that we can say with Immanuel Wallerstein that the era of neoliberal capitalism judged by its own standards and promises has come to an end. This is the good news given the enormous inequalities and sufferings of Hundreds of millions of unemployed and billions of impoverished people it has left behind. The bad news is on the other hand is that the transition period we face in this time of multidimensional crisis is by no means better than the past. On the contrary: it seems that the concentration of economic power in the hand of the oligarchies is leading the world to an era of extreme political polarisation undermining and violating any effort to democratise our societies. It is hardly exaggerated to say that unipersonal dictatorships in the hand of a few millionaires have become the rule and representative democracies the exception.

The new paradigm has to start with another New Deal

Looking at the economic side of the multi-dimensional crisis we realise that the present situation structurally has much more in common with the worldwide crisis in 1929 than with 2008 given the fact the crisis has been generated to a large extent by extra-economic factors and not like in 2008 were it was due to an overheat of the financial markets (so called “bulbs”) especially in the sector of housing and construction). And in 1929 there were two strategies opposing each other: the European one which remained faithful to its line of austerity incrementing the big recession in the aftermath of World War I and the US-American strategy of Frankl D Roosevelt, very much influenced by John Maynard Keynes ‘deficit spending which eventually led up to the New Deal.

Being Austrian I recall very well the famous sentence of our social democratic Chancellor Bruno Kreisky during the oil crisis: “I am much less worried about the increase in our debt of a couple of billions than about 100 000 unemployed we might have”. Although this sentence is being quoted even by our conservative head of government Sebastian Kurz, the reality in dealing with the Corona crisis is another one. In spite of all economic theories the practice of most of the governments fall back to austerity and very little comply with their social responsibilities.

Old ideas and new visions – the concept of NOONOMY

In the public discussions however the social networks, intellectuals and movements claim more and more loudly that this crisis must lead to a change of the economic paradigm. Ideas from the 1990ies like introducing the shortening of labour maintaining the same level of salaries, the concept of an unconditional basic income and the cancellation of foreign debt for the countries of the Global South are presently taken up again.

In this context also, the concept of the Russian economist Sergei Bodrunov of reorganizing economy according to non-economic standards which he calls Noonomy is very im-

portant. According to Bodrunov traditional economic concepts have failed to consider that economy in itself – reduced to material production – is a result of many extra-economic factors like knowledge and culture. In NOONOMY he has forwarded the thesis that with the development of new technologies the classical dichotomy between capital and labour can be overcome. At the same time that human mankind can increasingly rely on the achievements of an increasingly complex knowledge society for the material production of goods, it also offers a space for cultural creativity which transcends the material production.

All these concepts should be taken into consideration, if we really want to discuss the conceptional framework of a new economic paradigm as a result of the present crisis. Only then we would be able to consider the present multidimensional crisis as a chance for the future. Because if we stick to the old patterns which have dominated economic thinking during the last decades we will get entangled in the failures of neoliberal capitalism and be buried under their weight.

The implementation of concepts: towards a world assembly of civil society

Last but not least remains the big question of how to get about in order to implement all these alternative models in front of the authoritarian and many times repressive power structure which presently dominates the world as we said in the beginning. “Learning by doing” is one of the answers headed towards overcoming the old dichotomy between theory and practice, using the public spaces to exchange experiences and knowledge.

But it needs more than the good will of a few in order to counteract the globalised power structure which already has invaded our private spaces. We have to join our forces on every level: local, national, regional and global. Particularly on the global level which still is dominated to a very large extent by the big corporations and Nation-States we need a structure capable to mobilise many people nearly simultaneously in a relatively short time.

There are these networks and gatherings like the World Social Forum or the International Assembly of the Peoples; some are dedicated to peace and human rights like the anti-racist campaign in the US or, in the ecological movement, Fridays for Future. Much has to be done in order to integrate all these single-issue movements in a common structure. For this is not only a matter of communication and organisation, but first of all a matter of discovering the “missing links” and building bridges between the different issues and parts of the movement.

Thus for instance we need to correlate the military spending with the most urgent social needs of the people and take into account, from the very beginning of our reflections, that we have to consider our planet as a subject sui generis who has its own right to preserve its biodiversity, bearing in mind that the health of the planet is a *conditio sine qua non* for the health of all human mankind; and that peace is a necessary condition for the sustainable development of any kind of economic model.

In one word: political economy is a far too important matter to be left to the politicians and if we really want to change the paradigm we have start with it tomorrow!

Рассматриваются последствия вызванного пандемией комплексного кризиса (экономического, политического, экологического и культурного). Прежде всего это – концентрация власти в руках олигархов, тенденция к милитаризации, авторитарная структура власти, крайняя политическая поляризация. Кризис должен привести к смене экономической парадигмы. В этой связи подчеркивается важность концепции ноономики С. Д. Бодрунова, предусматривающей реорганизацию экономики в соответствии с неэкономическими стандартами (экономика рассматривается как результат взаимодействия в том числе знания и культуры). Чтобы реализовать аль-

тернативные модели, необходимо преодолеть отрыв теории от практики. Важно объединить усилия на всех уровнях (от местного до глобального) ради поддержания мира, защиты прав человека, решения экологических проблем, сохранения биоразнообразия – как необходимых условий устойчивого развития.

Ключевые слова: последствия пандемии, комплексный кризис, концентрация власти, милитаризация, смена парадигмы, концепция ноономики, устойчивое развитие.

Л. Габриэль¹

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ
К ВОПРОСУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В СТРАНАХ ЗАПАДА**

DOI 10.37930/1990-9780-2021-1-67-167-173

УДК 330.352

В 2004 г. на Всемирном социальном форуме в Мумбаи известный политолог Иммануил Валлерстайн выступил с лекцией «Неолиберальный капитализм умер?». В рамках лекции речь шла о том, что в результате войны в Ираке Соединенные Штаты Америки отказались от установления всемирной гегемонии посредством так называемой системы свободного рынка и решили получить доступ к природным ресурсам, развязав военные действия. Так, рыночная конкуренция, которая лежит в основе неолиберального капитализма, уступила место прямому вмешательству со стороны США, опирающемуся на военную мощь Америки.

Концентрация власти в результате комплексного кризиса

Мне кажется, что, если мы рассмотрим текущую экономическую катастрофу, которая разворачивается в результате вызванного пандемией кризиса, то увидим, что весь Западный мир вновь оказался в точке невозврата: экономические системы стран Запада не могут обеспечить свою жизнеспособность за счет рыночного фундаментализма, который они проповедовали в последние десятилетия. Как и в 2008 г., крупные корпорации и банки рассчитывают на то, что государство придет им на помощь. Но, в отличие от ситуации в 2008 г., в результате введения карантина госорганы были вынуждены инвестировать хотя бы часть бюджетных средств в так называемые непродуктивные сегменты, такие как здравоохранение и социальное обеспечение, для смягчения последствий комплексного кризиса (экономического, политического, экологического и культурного).

С другой стороны, наблюдается очень широкая и опасная тенденция к милитаризации режимов, становящихся все более авторитарными, особенно в странах Глобального Юга в Латинской Америке, Африке и Азии. Под предлогом борьбы с пандемией в большинстве этих стран гражданские правительства используют вооруженные силы для расширения сферы влияния на местном и региональном уровнях. В этом контексте предложение Генерального секретаря НАТО Столтенберга по координации «безопасности» в разных странах на случай начала второй волны пандемии приобретает особое значение.

Но что все это значит применительно к концептуализации экономики западного полушария? Прежде всего, мы можем согласиться с Иммануилом Валлерстайном: эпо-

¹ Лео Габриэль, сопредседатель Австрийского социального форума, Австрия.

ха неолиберального капитализма, если судить по его собственным стандартам и посулам, подошла к концу. Это хорошая новость, если учесть, что наследием эпохи господства неолиберального капитализма являются колоссальный уровень неравенства и страдания сотен миллионов безработных и миллиардов живущих за чертой бедности людей. Плохая новость заключается в том, что переходный период, который мы сейчас переживаем в условиях комплексного кризиса, ничем не лучше предыдущего. Наоборот, создается ощущение, что концентрация экономической власти в руках олигархов ведет мир к крайней политической поляризации, подрывающей и пресекающей любые попытки демократизации общества. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что единоличная диктатура под управлением кучки миллионеров стала нормой, а представительная демократия – исключением из правил.

Новая парадигма должна начинаться с новой версии «Нового курса»

При рассмотрении экономического аспекта комплексного кризиса приходит осознание того, что с точки зрения структуры у нынешней ситуации гораздо больше общего с мировым кризисом 1929 г., чем с 2008 г. Следует учитывать тот факт, что текущий кризис в значительной степени вызван неэкономическими факторами, в то время как кризис 2008 г. связан с перегревом финансовых рынков, особенно в строительной и жилищной сферах. В 1929 г. наблюдалось противостояние двух стратегий: европейской, придерживающейся принципа жесткой экономии и тем самым усугубляющей спад, начавшийся после Первой мировой войны, и американской стратегии Франклина Рузвельта, сформированной под влиянием идеи Дж. М. Кейнса о «превышении расходов над доходами» и легшей в основу «Нового курса».

Будучи австрийцем, я очень хорошо помню знаменитое высказывание канцлера Австрии, социал-демократа Бруно Крайского во время нефтяного кризиса: «Меня гораздо меньше волнует проблема увеличения нашего долга на пару миллиардов, чем возможность появления в Австрии примерно 100 000 безработных». Хотя это высказывание цитирует даже консервативный глава правительства Австрии Себастьян Курц, реальность борьбы с вызванным пандемией кризисом совершенно иная. Несмотря на все экономические теории, на деле большинство правительств возвращается к режиму жесткой экономии и практически не выполняет свои социальные обязательства.

Старые идеи и новые теории – концепция ноономики

Однако в ходе публичных дискуссий пользователи соцсетей, интеллектуалы и сторонники различных движений все громче говорят о том, что этот кризис должен привести к смене экономической парадигмы. Идеи из 1990-х гг. (сокращение рабочей силы с сохранением уровня зарплат, концепция МРОТ и списание внешнего долга для стран Глобального Юга) снова набирают популярность.

В этом контексте очень важна концепция ноономики российского экономиста Сергея Бодрунова, предусматривающая реорганизацию экономики в соответствии с неэкономическими стандартами. По мнению С. Д. Бодрунова, традиционные экономические теории не принимали во внимание тот факт, что экономика сама по себе – сведенная к материальному производству – является результатом взаимодействия многих неэкономических факторов, таких как знания и культура. В книге «Ноономика» С. Д. Бодрунов выдвинул тезис о том, что с развитием новых технологий возможно преодоление классического разделения капитала и труда. В наши дни для решения задач материального производства человечество может все больше полагаться на достижения постоянно усложняющегося общества знаний; кроме того, общество знаний

создает пространство для творческой деятельности, выходящей за пределы материального производства.

Все эти концепции следует принять во внимание, если мы действительно хотим начать обсуждение концептуальных основ новой экономической парадигмы, которая формируется в контексте нынешнего кризиса. Только тогда мы сможем рассматривать нынешний комплексный кризис как шанс на будущее. Если мы будем придерживаться старых моделей, которые были очень популярны в экономической мысли последних десятилетий, мы никогда не преодолеем проблемы неолиберального капитализма и будем погребены под их тяжестью.

**Реализация концепций:
навстречу всемирному собранию гражданского общества**

Последний, но не менее важный вопрос: что необходимо предпринять для того, чтобы реализовать все эти альтернативные модели в условиях авторитарной, зачастую репрессивной, структуры власти, которая, как отмечалось в начале доклада, сейчас преобладает в мире. «Обучение на практике» – это один из возможных вариантов, направленный на преодоление давнего отрыва теории от практики. Он подразумевает использование общественных зон для обмена опытом и знаниями.

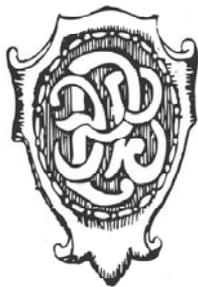
Но желания горстки людей недостаточно для противодействия глобализированной структуре власти, которая уже вторглась в наше частное пространство. Мы должны объединить усилия на всех уровнях: местном, национальном, региональном и глобальном. В частности, на глобальном уровне, где по-прежнему доминируют крупные корпорации и национальные государства, необходима структура, способная в относительно короткий промежуток времени одновременно мобилизовать большое количество людей.

Обратим внимание на работу таких организаций, как Всемирный социальный форум или Международная Ассамблея народов; ряд общественных движений выступают за поддержание мира и защиту прав человека, например Кампания против проявлений расизма в США или, если говорить об экологических инициативах, «Пятницы ради будущего». Однако многое еще предстоит сделать, чтобы объединить все эти монодвижения. Это не только вопрос коммуникации и организации, но прежде всего вопрос обнаружения «недостающих звеньев» и нахождения точек соприкосновения между различными проблемами и направлениями.

Например, нам необходимо соотнести военные расходы с наиболее насущными социальными потребностями людей и отталкиваться от понимания того, что наша планета – единственный в своем роде объект, который имеет право на сохранение биоразнообразия; что хорошее состояние планеты является непременным условием существования всего человечества; что мир – необходимое условие устойчивого развития любой экономической модели.

Подводя итоги, скажу, что политическая экономия – слишком важный вопрос, чтобы оставлять его на откуп политикам, и если мы действительно хотим добиться изменения парадигмы, нужно немедленно приступить к работе в этом направлении!

TM

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ»

Общие положения

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Полученные статьи рецензируются и при положительном заключении редактируются. Редакция не согласовывает с авторами вносимые изменения и сокращения, не затрагивающие принципиальных вопросов.

Материалы пересылаются авторами в редакцию по электронной почте. Заявка на публикацию включает:

1. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на русском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах (фамилия, имя, отчество; ученая степень; должность; организация, которую представляет автор и ее адрес (почтовый индекс, страна, город, улица, дом); контактный телефон (с указанием кода города); e-mail);

2) название статьи;

3) аннотацию (150–200 слов);

4) ключевые слова (5–8 слов);

5) текст статьи;

6) библиографический список.

2. *Файл, озаглавленный фамилиями авторов на английском языке, содержащий:*

1) сведения об авторах;

2) название статьи;

3) аннотацию;

4) ключевые слова;

5) транслитерацию библиографического списка (references) с переводом названий источников и изданий (сборников, журналов и т. п.) на английский язык.

Требования к оформлению рукописи

Объем статьи – 25 000...45 000 знаков с пробелами на листе формата А4 с полями по 2,5 см.

Текст набирается через полтора интервала, кегль – 14, гарнитура – *Times New Roman*.

Все страницы рукописи нумеруются.

Каждая *таблица* должна иметь название, *рисунки* – подрисуночную подпись. Уравнения, рисунки и таблицы нумеруются в порядке их упоминания в тексте.

Требования к списку источников

Список должен включать преимущественно научные статьи из рецензируемых научных изданий, монографии, авторефераты диссертаций. ***Нормативно-правовые документы, статистические материалы и работы без указания фамилий авторов в список источников не включаются*** (при необходимости они упоминаются в тексте статьи или выносятся в постраничную сноску).

Список источников желательно составлять в алфавитном порядке: сначала – русскоязычные, затем – англоязычные. Ссылки делаются по мере упоминания источников в тексте статьи, при этом в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках (например, [2], [2, 3]). При описании статей из журналов или сборников обязательно указываются страницы, на которых помещена статья, например: [2, с. 312]; [3, с. 312–320]. *Имена зарубежных авторов, упоминаемых в тексте статьи, должны быть транслитерированы на русский язык.*

Для всех книжных изданий необходимо указать общее количество страниц. Неопубликованные источники в список литературы не включаются. При наличии источников, у которых есть DOI (digital object identifier), его необходимо привести в конце библиографической записи.

При описании электронных ресурсов удаленного доступа (из интернета) после электронного адреса в круглых скобках указывают дату обращения к документу (дата обращения: 01.03.2020). На все приведенные в библиографическом списке источники должны быть ссылки в статье.

References (*транслитерация списка литературы*) к статье оформляется автором *самостоятельно*. Рекомендуется использовать систему на сайте <https://translit.net/>

Требования и примеры оформления транслитерации литературы представлены на сайте журнала «Экономическое возрождение России».

Рукописи, не соответствующие данным требованиям, возвращаются авторам!

Плата за публикацию статей не взимается.

Авторские гонорары редакция не выплачивает.

Прием статей: Редакция журнала «Экономическое возрождение России»
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16.
Тел./факс: +7 (812) 313-82-71, e-mail: evr@inir.ru